

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 15-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 15-05-2025

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»).
115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kraigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Marek - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет , Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kraigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Байкова С.Р. Критерий неисполненности судебного акта: специальный предел пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам или временный инструмент в процессе ручной балансировки принципа правовой определенности?	1
Арутюнян А.Д. Понятие профилактики незаконной миграции: теоретико-правовой анализ	25
Четвериков А.О. Коллективные механизмы трансфера технологий наука-бизнес в зарубежных странах: пример французских «Обществ по ускорению трансфера технологий» (юридические аспекты)	36
Калис М.Н. Динамика материального правоотношения на терминальной стадии	64
Хохлова А.Д. Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы	78
Гусельникова О.В. Криминалистическая характеристика хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография»	93
Туршин А.И. Участие специалиста в исследовании электронных доказательств в ходе судебного разбирательства	108
Темирбулатова Ф.А. Бюджетные меры обеспечения экономической безопасности в современных российских реалиях	118
Гумарова Р.Р. Анализ правового регулирования и правоприменения в области лицензирования природопользования	137
Духанина Ж.Г. Статистическое исследование судебной практики по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации	153
Англоязычные метаданные	173

Contents

Baikova S.R. Criterion of non-compliance with a judicial act: a special limit for reviewing judicial acts based on newly discovered and new circumstances, or a temporary tool in the process of manually balancing the principle of legal certainty?	1
Arutyunyan A.D. The concept of prevention of illegal migration: theoretical and legal analysis	25
Chetverikov A.O. The French «Technology Transfer Acceleration Companies» (Legal Aspects)	36
Kalis M.N. The dynamics of the material legal relationship at the terminal stage	64
Khokhlova A.D. Protection of Lawful (Legitimate) Expectations as a Key Aspect of the Principle of Maintaining Public Trust in the Law and Government Actions: Foreign and Russian Approaches	78
Guselnikova O.V. Criminalistic characteristics of the embezzlement of budget funds intended for the implementation of the national project "Demography"	93
Turshin A.I. Participation of a specialist in the investigation of electronic evidence during judicial proceedings	108
Temirbulatova F.A. Budgetary Measures for Ensuring Economic Security in Modern Russian Realities	118
Gumarova R. Analysis of legal regulation and law enforcement in the field of natural resource licensing	137
Duhanina Z.G. Statistics of the case law under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation	153
Metadata in english	173

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

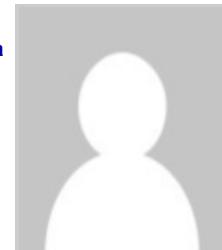
Байкова С.Р. Критерий неисполненности судебного акта: специальный предел пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам или временный инструмент в процессе ручной балансировки принципа правовой определенности? // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.73980 EDN: TBERHE URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=73980

Критерий неисполненности судебного акта: специальный предел пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам или временный инструмент в процессе ручной балансировки принципа правовой определенности?**Байкова Светлана Радиковна**

аспирант; Юридический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ bajkovasvetlana06@gmail.com

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.73980

EDN:

TBERHE

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

07-04-2025

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи является анализ критерия неисполненности (не исполнен или частично исполнен) как специального предела пересмотра судебных актов. Автор описывает историю возникновения и развития критерия неисполненности в практике Конституционного Суда РФ и законодательстве, приводит критику критерия, имеющуюся в литературе, его трансформацию в критерий прямого указания на возможность пересмотра судебного акта, а также ставит вопросы о будущем критерия неисполненности в системе пересмотра судебных актов при условии ее модернизации. Дополнительно на основании признака специальности критерия

неисполненности автор выдвигает гипотезу об особой правовой природе ряда новых обстоятельств (признание нормы/ее истолкования неконституционной, определение или изменение практики применения нормы, отмена нормативного акта в порядке административного нормоконтроля). В работе использованы такие методы исследования как исторический, системный, аксиологический, формально-юридический, функциональный, социологический методы, анализ, синтез, моделирование. В литературе критерий неисполненности как специальный предел пересмотра обсуждается нечасто. Большая часть работ посвящена периоду до 2020 года. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на тот факт, что в настоящее время критерий неисполненности формально практически исключен из правоприменения, полностью отказываться от него преждевременно. При систематизации законодательства о пересмотре судебных актов данный критерий может быть учтен (при его надлежащей доработке). Автор выдвигает гипотезу о том, что правовая природа обстоятельств, к которым может быть применен критерий неисполненности, выбивается из концепции новых обстоятельств и свидетельствует о необходимости выделения их в отдельную группу оснований для пересмотра судебных актов. При этом, учитывая тот факт, что в правовой действительности существует еще целый ряд ситуаций, к которым инструментарий пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам применяется постольку, поскольку процессуальное законодательство не располагает иным инструментом для пересмотра самим судом своего акта, предлагается модернизировать наполнение процессуальных кодексов в этой части. Результаты работы могут быть использованы для развития процессуального законодательства и формирования более цельного взгляда на систему пересмотра судебных актов (внеинституциональных и институциональных стадий), а равно в учебном процессе при изучении соответствующих дисциплин.

Ключевые слова:

вновь открывшиеся обстоятельства, новые обстоятельства, пересмотр судебного акта, принцип правовой определенности, экстраординарное обжалование, судебная ошибка, отмена судебного акта, внеинституциональный пересмотр, институциональный пересмотр, критерий неисполненности

Введение

Общими характеристиками института пересмотра вступившего в законную силу судебного акта по вновь открывшимся и новым обстоятельствам является их исключительность, экстраординарность, нетипичность в том смысле, что любой пересмотр судебного акта, исходя из принципа правовой определенности и с учетом свойств законности и обязательности судебного акта, является достаточно щепетильным явлением, требующим особого внимания и контроля.

Указанные характеристики находят свое отражение в совокупности условий возникновения права на такой пересмотр и пределов рассмотрения заявления, который мы предлагаем называть пределами пересмотра в широком смысле. В литературе подробная классификация пределов пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам отсутствует. Мы предлагаем выделять следующие пределы.

Во-первых, очерченный круг обстоятельств, являющихся по своей правовой природе существенными, непреодолимыми, указывающими на фундаментальные нарушения

процесса и социальной справедливости, но которые при этом либо не существовали на момент рассмотрения дела, либо не были известны заявителю и, как следствие, суду. При этом существование таких обстоятельств не может быть проигнорировано со ссылкой на интересы сохранения правовой определенности и принципа окончательности вступивших в законную силу судебных актов (законная сила решения, его неопровергимость и т. д.).

В рамках настоящей статьи мы не будем вдаваться в анализ перечня данных обстоятельств. Отдельно лишь укажем, что по вышеописанным причинам (исключительность, экстраординарность, необходимость балансировки с принципом правовой определенности) настройка круга таких обстоятельств в идеале проводится законодателем, но чаще – сначала правоприменителями разных уровней, в т. ч. обладающих нормативными компетенциями, фактически в ручном режиме, исходя из конкретной ситуации (именно поэтому мы постоянно наблюдаем как обоснованное, так и не обоснованное расширение круга оснований, описание которых в полной мере предметом настоящей статьи не является – см. подробнее, например [\[1\]](#)).

Во-вторых, темпоральный предел или срок обращения с заявлением о пересмотре. Статья 312 АПК РФ устанавливает общий субъективный срок 3 месяца и объективный срок – 6 месяцев (для такого нового обстоятельства, как определение или изменение практики применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума ВС РФ; при этом для формирования правовых позиций КС РФ подобной оговорки не предусмотрено [\[2, с. 78\]](#)). Оговоримся, что срок, хоть и существует в качестве предела, для целей принципа правовой определенности все же представляет собой достаточно серьезную неопределенность, ведь он, по общему правилу, начинает свой отсчет вне привязки к дате вступления судебных актов в законную силу.

В-третьих, в литературе высказываются предложения допустить в некоторых случаях возможность **частичной отмены** судебного акта по вновь открывшимся и новым обстоятельствам [\[3\]](#) (пределы рассмотрения заявления в узком смысле).

В-четвертых, субъектный состав заявителей. По общему правилу это лица, участвующие в конкретном деле (их правопреемники), либо лица, которые должны были в нем участвовать (о правах и обязанностях которых принят судебный акт), но незаконно не были привлечены к участию в деле, прокурор (см. например, п. 18 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»).

При этом, существуют и «**специальные**» пределы пересмотра, применяемые только к некоторым новым обстоятельствам. Характеристика описанных критериев как специальных неминуемо отсылает нас к вопросу правовой природы новых обстоятельств, к которым они применяются.

Речь идет об:

- отмене постановления органа, послужившего основанием для принятия судебного акта по данному делу – в смысле, придаваемом данному пункту постановлением Конституционного Суда РФ (**«КС РФ»**) от 06.07.2018 № 29-П по жалобе ООО «Альбатрос», когда КС РФ расширительно истолковал данный пункт и указал на необходимость понимания под «отменой постановления органа» в т. ч. ситуации отмены нормативного акта по делу заявителя в порядке административного нормоконтроля;

- признании постановлением КС РФ не соответствующим Конституции РФ или применении в истолковании, расходящемся с данным КС РФ в постановлении истолкованием, примененного судом в судебном акте нормативного акта (**«признание постановлением КС РФ нормы (ее истолкования) неконституционной»**);
- определении либо изменении в постановлении Пленума ВС РФ или Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы.

Данные обстоятельства дуальны по своей природе, поскольку имеют как индивидуальный эффект для лица, обратившегося с соответствующим заявлением/жалобой (например, **«участник/субъект конституционного судопроизводства»**) и добившегося правового результата, так и абстрактный, нормативный характер для неограниченного круга лица (например, **«незаявителей/неучастников/несубъектов конституционного судопроизводства/ конституционной жалобы»**). Как следствие, одно и то же обстоятельство в зависимости от того, когда именно вынесен судебный акт и от того, кто является инициатором пересмотра, приобретает в одном случае черты (и влечет последствия) нового обстоятельства, а в другом – указывает на судебную ошибку в случае его игнорирования. Более того, разница в правовой природе возникает даже в зависимости от того, на которой процессуальной стадии сейчас находится гражданское дело незаявителя. В связи с такой дуальностью возникают проблемы при настройке процессуального механизма пересмотра судебных актов по делам несубъектов.

Изначально данная настройка началась с признания постановлением КС РФ нормы (ее истолкования) неконституционной, когда КС РФ в своих актах сформировал правовую позицию, что судебные акты по делам незаявителей конституционной жалобы могут быть пересмотрены только в случае, если они не исполнены или исполнены частично (**«критерий неисполненности»**).

Критерий неисполненности судебного акта является одним из «специальных» пределов пересмотра. В качестве второго «специального» предела пересмотра мы предлагаем выделять «указание судебного органа, акт которого обладает нормативными свойствами, на возможность пересмотра судебного акта» (**«прямое указание на необходимость пересмотра»**). Оба этих «специальных» предела будут рассмотрены далее по тексту статьи.

Предметом настоящего исследования является анализ критерия неисполненности как специального предела пересмотра судебных актов: последовательное описание истории возникновения и развития критерия неисполненности, его критики, трансформации в критерий прямого указания на возможность пересмотра, постановка вопросов о будущем критерия неисполненности.

В работе использованы такие **методы исследования** как исторический, системный, аксиологический, формально-юридический, функциональный, социологический методы, анализ, синтез, моделирование.

Научная новизна. В литературе крайне незначительное внимание уделено критерию неисполненности как специальному пределу пересмотра судебных актов (такое понятие в принципе отсутствует в научной литературе). Большая часть работ посвящена периоду до 2020 года (до внесения изменений в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (**«ФКЗ о КС РФ»**) и не указывает на возможное будущее данного критерия с учетом возможного кардинального реформирования института пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам. В научной литературе также ранее не обозначалась проблема

специальности критерия неисполненности в значении его применимости только к некоторым новым обстоятельствам, что не позволяло обратить внимание на необходимость классификации таких обстоятельств в качестве самостоятельных оснований для пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, отличных от вновь открывшихся и новых обстоятельств.

I . Степень исполненности судебного акта: история возникновения и развития критерия исполненности в актах КС РФ (период с 1999 по 09.11.2020)

Идея о необходимости формирования предела пересмотра судебного акта в виде степени его исполненности возникла у КС РФ при разрешении вопроса о праве лиц, не обращавшихся с жалобой в КС РФ, воспользоваться результатом признания нормы (ее истолкования) неконституционными (т. е. пересмотреть в связи с этим собственные судебные акты).

Проблематика на данном пласте развития подходов к этому вопросу связана с тем, что заявитель конституционной жалобы в случае достижения успеха (получения положительного результата от конституционного правосудия) должен получить пересмотр судебных актов по своему делу, в рамках которого была применена норма (толкование), признанная неконституционной, безусловно. В этой части во главу ставится необходимость поощрения активной процессуальной позиции субъекта конституционного судопроизводства.

Лица же, не проявившие такой степени процессуальной активности, могут воспользоваться результатом конституционного правотворчества, иницииированного другим лицом, фактически только на будущее время (поскольку постановление КС РФ по общему правилу приобретает юридическую силу с момента оглашения) в рамках ординарных процедур пересмотра, поскольку вышестоящие судебные инстанции не могут применять неконституционную норму или норму в неконституционном истолковании.

Правовая позиция КС РФ этого периода содержит еще два аспекта:

- акты незаявителей пересматриваются только в случае, если судебные акты не исполнены или исполнены частично. Сам КС РФ свой подход поясняет следующим образом: «Если же в отношении лиц, не являвшихся заявителями по делу, рассмотренному КС РФ, правоприменительные решения были исполнены до признания неконституционными норм, положенных в их основу, то для этих лиц действует презумпция конституционности закона, поскольку он применялся в условиях, когда вопрос о его конституционности не ставился (например, определение КС РФ от 23.04.2020 № 849-О по жалобе М. В. Лесняка);
- пересмотр судебного акта по делам незаявителей может быть реализован как в порядке надзора (в дальнейшем – в институциональном порядке), так и в порядке пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам (на момент формирования позиции понятия «новые обстоятельства» не существовало).

A) Определение по жалобе И. В. Петровой

Это исторически первое по данному вопросу определение КС РФ от 14.01.1999 № 4-О по жалобе И. В. Петровой.

Так, в 1996 году у И. В. Петровой на основании постановления таможенных органов (в соответствии с положениями ст. 266 Таможенного Кодекса РФ, т. е. без судебной санкции) был конфискован автомобиль. Постановление ею было обжаловано, однако

суды ее не поддержали.

Спустя почти два года КС РФ в постановлении от 11.03.1998 № 8-П по жалобам М. М. Гаглоевой и А. Б. Пестрякова признал ст. 266 ТК РФ не соответствующей конституции в той мере, в которой она разрешает конфискацию товаров и транспортных средств без судебного решения.

После этого И. В. Петрова обратилась к Председателю ВС субъекта с просьбой о принесении протеста на это судебное решение, в удовлетворении чего было отказано со ссылкой на то, что постановления КС РФ в гражданско-правовой сфере обратной силы не имеют, а ч. 2 ст. 100 ФКЗ о КС РФ распространяется на дела лишь граждан, инициировавших конституционное судопроизводство.

Отметим, что на момент подачи жалобы ч. 2 ст. 100 ФКЗ о КС РФ выглядела следующим образом: «*В случае, если Конституционный Суд Российской Федерации признал закон, примененный в конкретном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации, данное дело во всяком случае подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке».*

Основные выводы КС РФ в определении по жалобе И. В. Петровой, имеющие значение для анализа заявленной проблематики:

1) «признание закона не соответствующим Конституции РФ во всяком случае влечет пересмотр разрешенного на его основе дела гражданина, оспорившего этот закон в КС РФ, компетентным органом в обычном порядке. Такой пересмотр осуществляется безотносительно к истечению пресекательных сроков обращения. Данное регулирование направлено на поощрение правовой активности граждан в защите своих прав, а через нее – защиту интересов неопределенного круга лиц».

*2) если лицо не обращалось с жалобой в КС РФ, но в его деле была применена норма, признанная неконституционной, на него распространяются положения ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ, в соответствии с которой «*решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях, т. е. с использованием закрепленных другим законодательством материально-правовых оснований и процессуальных институтов*». На таких лиц распространяются общие сроки (исковой давности, возобновления производства по новым обстоятельствам);*

*3) «*пересмотр судебных решений в связи с признанием нормы неконституционной возможен, в частности, как в порядке судебного надзора, так и по вновь открывшимся обстоятельствам*».*

Б) Определение, разъясняющее определение по жалобе И. В. Петровой

Следующим хронологически выступает определение КС от 05.02.2004 № 78-О, являющееся разъяснением первого. С соответствующим запросом о разъяснении в КС РФ обратился ВАС РФ.

Вопросы, которые ВАС РФ просил КС РФ разъяснить:

- 1) должны ли считаться нормативные акты, признанные неконституционными, утратившими силу с момента их принятия?
- 2) влечет ли признание КС РФ нормативного акта не соответствующим Конституции РФ пересмотр и отмену вступившего к этому времени в законную силу решения суда,

основанного на данном акте, если заявление лица, не являвшегося участником конституционного судопроизводства, о пересмотре такого судебного решения подано им с соблюдением закрепленных законодательством процессуальных норм, а в постановлении КС РФ не указан момент, с которого признанный неконституционным нормативный акт утрачивает силу?

З) влечет ли признание КС РФ нормативного акта не соответствующим Конституции РФ признание недействительным вступившего к этому времени в законную силу решения иного, кроме суда, правоприменительного органа, основанного на указанном акте, если заявление лица, не являвшегося участником конституционного судопроизводства, о признании правоприменительного решения недействительным подано им с соблюдением закрепленных законодательством процессуальных норм, а в постановлении КС РФ не указан момент, с которого признанный неконституционным нормативный акт утрачивает силу?

КС РФ указал, что по общему правилу неконституционная норма утрачивает силу на будущее время (т. е. с этого времени акты не могут применяться в прежнем виде и толковании). Изложенное, однако, не означает, что постановление КС РФ не обладает обратной силой. Это важное указание самого КС РФ, основанное на связке ч. 3 ст. 79 и ч. 2 ст. 100 ФКЗ о КС РФ.

Далее КС РФ, подтвердив уже высказанный вывод о том, что дело, явившееся поводом для обращения в КС РФ, подлежит пересмотру во всяком случае безотносительно к истечению сроков обращения, вводит новый критерий для иных дел – критерий исполненности/неисполненности акта, подлежащего пересмотру: «Постановление КС РФ обладает обратной силой в отношении дел обратившихся в КС РФ лиц, а также в отношении неисполненных решений, вынесенных до принятия этого постановления».

Под неисполненными решениями КС РФ понимает: как не вступившие, так и вступившие в законную силу, но **не исполненные или исполненные частично**, решения.

В) Определение по жалобе А. И. Севастьяновой

В определении КС РФ от 27.05.2004 № 211-О изложенные выводы повторяются.

Здесь отдельно отметим: во всех трех проанализированных определениях КС РФ указал, что для защиты прав указанных лиц могут использоваться все предусмотренные отраслевым законодательством судебные процедуры. Пересмотр судебных решений в связи с признанием нормы неконституционной возможен, **в частности, как в порядке судебного надзора, так и по вновь открывшимся обстоятельствам**. Пересмотру решений иных, кроме судов, правоприменительных органов служит институт обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан.

Г) Определение по жалобе Р. Р. Курамшина

В определении КС РФ от 12.05.2006 № 135-О в целом выводы повторяются. КС РФ дополняет, что приданье требования о безусловном пересмотре абсолютно всех актов после акта КС РФ привело бы к нарушению принципа правовой определенности, который предполагает *inter alia*, чтобы судебный акт, выносимый при окончательном разрешении дела, не вызывал сомнений. Это могло бы повлечь нарушение баланса конституционно защищаемых ценностей.

В дальнейшем КС РФ неоднократно подтверждал сформированную позицию о том, что по делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, решение КС

РФ о признании нормы (ее истолкования) неконституционной влечет пересмотр (изменение или отмену) основанного на данных нормативных положениях судебного акта если он либо не вступил в законную силу, либо вступил в законную силу, но не исполнен или исполнен частично на момент формирования КС РФ правовой позиции. В качестве актов КС РФ, в которых он выражал данную позицию, можно, в частности, привести:

- 1) определение КС РФ от 09.06.2005 № 220-О по ходатайству Калининградского областного суда об официальном разъяснении Постановления КС РФ от 14.12.2004 № 429-О;
 - 2) определение КС РФ от 02.11.2006 № 409-О об отказе в удовлетворении ходатайства Министра здравоохранения и социального развития РФ об официальном разъяснении определения КС РФ от 04.04.2006 № 89-О;
 - 3) определение КС РФ от 29.01.2009 № 44-О-О по жалобе М. М. Евлоева и О. Э. Харсиева;
 - 4) определение КС РФ от 01.06.2010 № 783-О-О по жалобе И. В. Дударева;
 - 5) определение КС РФ от 21.12.2001 № 1632-О-О по жалобе А. А. Алексеева;
 - 6) определение КС РФ от 25.01.2012 № 178-О-О по жалобе К. А. Олешко;
 - 7) постановление КС РФ от 08.11.2012 № 25-П по жалобе ОАО «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтьпродукт»);
 - 8) определение КС РФ от 10.10.2013 № 1496-О по жалобе А. Н. Абидуева;
 - 9) постановление КС РФ от 06.07.2018 № 29-П по жалобе ООО «Альбатрос»;
 - 10) определение КС РФ от 23.04.2020 № 849-О по жалобе М. В. Лесняка.
-

Таким образом, фактически КС РФ сформировал три механизма пересмотра судебного акта, основанного на признанной неконституционной норме:

- безусловный пересмотр дел заявителей конституционной жалобы;
- ординарный (институциональный) порядок пересмотра дел незаявителей;
- пересмотр в порядке вновь открывшихся/новых обстоятельств для незаявителей.

Последние два механизма – т.н. «условные», потому что на них распространяется критерий неисполненности.

При этом отдельно следует обратить внимание на ординарный (институциональный) порядок пересмотра. Изначально КС РФ вел речь только о пересмотре в порядке надзора, который с одной стороны, также является экстраординарным порядком пересмотра, однако продолжает оставаться институциональным, т. е. направленным на выявление и исправление судебных ошибок. Применение такого порядка возможно, поскольку применение неконституционной нормы или применение нормы в ином толковании, нежели чем данной КС РФ, означает судебную ошибку и применить ее суду вышестоящей инстанции после опубликования постановления КС РФ – невозможно (применить – значит, совершить судебную ошибку).

В дальнейшем ординарный порядок пересмотра ввиду признания нормы (ее

истолкования) неконституционной получил свое развитие и распространение на все инстанции. В частности, в постановлении от 08.11.2012 № 25-П по жалобе ОАО «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтьпродукт» КС РФ указал следующее: «Если при рассмотрении дела апелляционной или кассационной инстанцией либо в порядке надзора будет установлено, что суд нижестоящей инстанции при вынесении судебного акта либо применил законоположения, которые впоследствии, уже после вынесения этого судебного акта, были признаны КС РФ не соответствующими Конституции РФ, либо применил их в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным КС РФ, то такие судебные акты – исходя из того, что суды общей юрисдикции, арбитражные суды не вправе оценивать законность и обоснованность решений, принимаемых КС РФ, равно как и не исполнять его решения и содержащиеся в них предписания, – подлежат безусловной отмене».

Данная правовая позиция была в дальнейшем воспринята законодателем и вошла в ч. 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ (о чем подробнее далее).

Однако КС РФ не решил основную проблему выбора между предложенными им процессуальными условными механизмами. Безусловно, предполагалось, что КС РФ и не должен заниматься настолько ручной настройкой процессуального законодательства (этим должен заниматься федеральный законодатель).

Глобально КС РФ всегда подчеркивал, что отсутствие в процессуальном законодательстве норм о процедуре пересмотра актов ввиду правовой позиции КС РФ не может заблокировать эту необходимость (определение КС РФ от 11.11.2008 № 556-О-Р), однако вопрос выбора надлежащей процессуальной формы все еще является принципиально важным. КС РФ в данном определении указал, что, если нет никаких надлежащих процессуальных механизмов, необходимо применять положения о процессуальной аналогии.

Тем не менее, суды продолжали массово игнорировать необходимость пересмотра судебных актов по делам незаявителей ввиду признания нормы (ее истолкования) неконституционной, в т. ч. по причине отсутствия ясного процессуального инструментария.

Анализ правовой природы институциональных и внеинституциональных институтов пересмотра подсказывает, что в описанной конкуренции приоритет должен был быть отдан институциональным способам пересмотра и только при исчерпании этой возможности включался бы инструментарий пересмотра по новым обстоятельствам (поскольку данный институт в российской практике традиционно воспринимается как резервный инструмент исправления судебных ошибок, хотя сущностно таковым не является и является не должен).

Именно такая логика реализована применительно к другому новому обстоятельству – определение или изменение практики применения нормы в постановлении Пленума или Президиума ВС РФ («если исчерпана возможность для обращения в суд апелляционной и кассационной инстанций» – см. например, п. 3 ст. 312 АПК РФ). В этой части оговоримся, что по настоящее время сохраняется некорректное, на наш взгляд, разъяснение ВАС РФ о том, что если лицо обращается за пересмотром судебного акта ввиду определения или изменения практики нормы в порядке надзора, то коллегиальный состав судей не рассматривает такую жалобу, а указывает на возможность пересмотра по новым обстоятельствам (абз. 6 п. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 №

52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»), что, конечно, не является правильным с точки зрения системы механизмов пересмотра судебных актов. Вводился данный инструментарий, не предусмотренный законом, фактически для удобства самой надзорной инстанции.

Иными словами, в исключительных случаях механизм пересмотра по новым обстоятельствам должен применяться не потому, что для незаявителя признание нормы (ее истолкования) неконституционной является новым обстоятельством, а потому, что нет иного надлежащего процессуального инструментария для достижения справедливого судебного решения. Если бы это было не так, два эти механизма не могли бы существовать в одной и той же ситуации фактически параллельно.

Оговоримся, что судья КС РФ в отставке Жилин Г.А. в своем особом мнении к постановлению КС РФ от 21.01.2010 № 1-П по жалобам ЗАО «Производственное объединение «Берег», ОАО «Карболит», ОАО «Завод «Микропровод», ОАО «Научно-производственное предприятие «Респиратор» предлагает по-другому трактовать изложенные правовые позиции. В частности, он указывает, что «*в соответствии с арбитражным и гражданским процессуальным законодательством пересмотр судебных решений в связи с признанием нормы неконституционной возможен, в частности, как по вновь открывшимся обстоятельствам (по заявлению лиц, участвовавших в конституционном судопроизводстве), так и в порядке судебного надзора (по заявлению лиц, не участвовавших в конституционном судопроизводстве)*».

Тем не менее, на практике незаявители массово стремились пересмотреть свои судебные акты, воспользовавшись именно инструментарием пересмотра по новым обстоятельствам, что ярко указывает на проблемы процессуальной нормы и непрозрачность регулирования процессуальных механизмов.

II. Критика критерия неисполненности

Несмотря на то, что введение КС РФ в юридический оборот критерия неисполненности судебного акта при решении вопроса о возможности его пересмотра ввиду признания нормы (ее истолкования) неконституционной безусловно отвечало интересам правовой определенности, в литературе [4] данный критерий обоснованно критиковался. Основной проблемой стало то, что КС РФ не раскрыто содержание понятия критерий неисполненности.

Так, в процессуальном законодательстве обычно свойство исполнимости применимо к судебным актам по искам о присуждении – целью именно этих исков является принудительная реализация прав требования, которые иным образом при противодействии должника реализованы быть не могут. Цель исков о признании (требование об установлении наличия или отсутствия права) и преобразовательных исков (создание, изменение, прекращение отношений) достигается вступлением решения суда в законную силу, фактическое исполнение в таком случае не является необходимым. Отметим, что и в случае отказа в удовлетворении иска о присуждении исполнения не происходит. Не исполняются и окончательные судебные акты, вынесенные не по существу (прекращение, оставление без рассмотрения). Однако по логике КС РФ критерий неисполненности применим к любым актам.

А. В. Ильин в этой связи предлагал расширительно (автономно от положений процессуального законодательства) толковать критерий неисполненности как недостижение судебным актом своего правового эффекта, имея в виду нереализацию

правовой цели, составляющей содержание иска. Например, решение суда об удовлетворении иска о признании, решение суда об отказе в удовлетворении иска о присуждении дает возможность победителю спокойно пользоваться своим положением посредством присуждения проигравшей стороны к бездействию, запрещая ей как-либо препятствовать реализации права победившей стороны. Достижение такого эффекта можно назвать исполнением судебного акта [\[4, с. 162\]](#).

Таким образом, по мнению А. В. Ильина, судебный акт может пониматься как неисполненный или частично выполненный тогда, когда, несмотря на его вступление в силу, его правовой эффект не реализовался в полном объеме (не была достигнута цель, составляющая содержание иска) [\[4, с. 162\]](#).

Исходя из этого, вступившие в законную силу судебные акты по искам о признании или преобразовательным искам должны быть признаны выполненными, поскольку их правовой эффект в полной мере реализуется в момент вступления судебного акта в законную силу. Отказное решение должно считаться также выполненным, поскольку порожденный им эффект для победившей стороны (ответчика) реализовался – спор разрешен установлением того, что истец не имеет права требования к ответчику или же это право не подлежит принудительной реализации через суд.

А. В. Ильин приходит к выводу, что правовая позиция о возможности пересмотра фактически распространяется только на один случай: когда вступившим в законную силу судебным постановлением, основанным на положении закона, впоследствии КС РФ признанным неконституционным прямо или опосредованно, на лицо возложена обязанность что-либо дать, сделать или предоставить, а это лицо, не участвовавшее в конституционном судопроизводстве, данную обязанность не исполнило. Можно заключить, что неисполненными или выполненными частично решениями могут быть только решения судов по искам о присуждении [\[4, с. 154\]](#).

С. М. Ахмедов критикует данный подход А. В. Ильина, поскольку «достижение цели и правового эффекта» – это категория оценочная, и сложно дать четкое его определение применительно к различным спорам и категориям дел [\[2, с. 89\]](#). Ученый приводит в пример дело о несостоятельности, где требование кредитора включено в реестр требований кредиторов: правовой эффект будет считаться достигнутым в момент включения в реестр или в момент получения реального присуждения по такому требованию?

Ученый делает вывод, что дифференциация дел, подлежащих пересмотру по критериям исполненности или частичной исполненности, вряд ли приживется на практике, так как то, что под этим понимается, не содержится ни в кодифицированных актах, ни в соответствующих разъяснениях судов высших инстанций [\[2, с. 89\]](#).

Мы вынуждены согласиться с А. В. Ильиным и С. М. Ахмедовым в том, что критерий неисполненности критически сложен для правопримениеля и в имеющемся виде приводит к усложнению правовой реальности, а не направлен на защиту прав.

Необходимо обозначить еще одну проблему, связанную с критерием неисполненности.

Как мы указывали, формально, по мнению КС РФ, критерий неисполненности не является исключительно пределом института пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, а должен распространяться и на случаи ординарного пересмотра судебных актов по делам незаявителей. Иными словами, данный критерий не является

характеристикой конкретной процессуальной формы.

Справедливости ради следует отметить, что на стадии апелляционного и кассационного производства достаточно сложно на практике (ввиду реалий работы как органов принудительного исполнения, так и экономических реалий), представить ситуацию, когда бы судебный акт был уже исполнен полностью (за исключением редких случаев немедленного исполнения), поэтому практически, конечно, критерий более относим к пересмотру по вновь открывшимся/новым обстоятельствам.

Тем не менее, если допустить, что критерий неисполненности должен быть применен, например, на стадии кассационного рассмотрения, как в таком случае поступить суду? Не применить новую правовую КС РФ он не может, однако, если он применит нормы надлежащим образом и пересмотрит судебный акт, который, к примеру, был полностью исполнен – фактически, он проигнорирует уже другую правовую позицию КС РФ (о недопустимости пересмотра исполненного судебного акта).

Данный вопрос становится более принципиальным, если вспомнить позицию, озвученную Г. А. Жилиным в своем особом мнении к постановлению КС РФ от 21.01.2010 № 1-П по жалобам ЗАО «Производственное объединение «Берег», ОАО «Карболит», ОАО «Завод «Микропровод», ОАО «Научно-производственное предприятие «Респиратор» о том, что дела незаявителей пересматриваются только в ординарном институциональном порядке. Тогда как же быть с применимостью критерия неисполненности, на который он также указывает?

Таким образом, мы вынуждены согласиться с учеными, считавшими, что у критерия неисполнимости имеются существенные минусы, которые требуют устранения.

В целом нельзя не отметить, что практикой в принципе право незаявителей на пересмотр своих судебных актов в любом порядке длительное время игнорировалось по причине отсутствия в нормах процессуальных кодексов прямого указания на необходимость отмены и/или изменения судебных актов в таких случаях и аналогичных разъяснений пленумов (см. подп. «д» п. 5 и подп. «в» п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений», п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»).

Вышеизложенные причины привели к замене критерия неисполненности и появлению критерия прямого указания на возможность пересмотра.

III. Трансформация критерия неисполненности в критерий прямого указания на возможность пересмотра (2020)

Напомним, что в определении по жалобе И. В. Петровой КС РФ указал, что на заявителей конституционной жалобы распространяются положения ст. 100 ФКЗ о КС РФ (имеется в виду в части оснований пересмотра судебного акта, в котором была применена признанная неконституционной норма), а на лиц, не явившихся участниками конституционного производства – положения ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ, в соответствии с которой решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в

установленных федеральным законом случаях, т. е. с использованием закрепленных другим законодательством материально-правовых оснований и процессуальных институтов.

На момент вынесения данного определения (и в целом формирования описанных правовых позиций КС РФ), ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ выглядела следующим образом:

«Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; признанные не соответствующими Конституции Российской Федерации не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях».

В дальнейшем ст. 79 ФКЗ о КС РФ была дополнена ч. 5, которая в редакции от 03.11.2010 (действовала с 09.02.2011) выглядела следующим образом:

«Позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно того, соответствует ли Конституции Российской Федерации смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженная в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе в постановлении по делу о проверке по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционности закона, примененного в конкретном деле, или о проверке по запросу суда конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда Российской Федерации».

На практике данная формулировка часто приводила к тому, что правовые позиции КС РФ воспринимались в качестве рекомендательных [5, с. 37; 6, с. 88].

Редакция ч. 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ от 28.12.2016 (действовала с 29.12.2016):

«С момента вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, либо постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением Конституционного Суда Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, равно как и применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в этом постановлении истолкованием. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись (выделенное – редакция от 09.11.2020) до вступления в силу этого постановления Конституционного Суда Российской Федерации) не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными этим постановлением Конституционного Суда Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, либо применять нормативный акт

или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в этом постановлении истолкованием».

Таким образом, как указывалось, вплоть до 2020 года существовала ранее описанная система механизмов пересмотра судебного акта, основанного на признанной неконституционной норме:

- безусловный пересмотр дел заявителей конституционной жалобы;
- ординарный (институциональный) порядок пересмотра дел незаявителей (применялся критерий неисполненности);
- пересмотр в порядке вновь открывшихся/новых обстоятельств для незаявителей (применялся критерий неисполненности).

В июне 2020 года КС РФ принимает **постановление от 26.06.2020 № 30-П («постановление по жалобам Однодворцевых»)**. Именно это постановление стало причиной изменения законодательного регулирования в ч. ч. 3 и 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ. Теперь к постановлениям КС РФ, принятым после 09.11.2020, применяется ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ в иной редакции:

«Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу или в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным конституционным законом, не приобретают юридическую силу. Признанные не соответствующими Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда РФ неконституционными либо примененных в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении истолкованием, должны быть пересмотрены (а до пересмотра не подлежат исполнению) в случаях:

1) предусмотренных ч. ч. 2 и 5 ст. 100 ФКЗ о КС РФ

В этой части нас может интересовать ч. 2 ст. 100 ФКЗ о КС РФ, которая говорит о том, что в случае, если КС РФ принял постановление, предусмотренное, в частности п. 2 ч. 1 ст. 87 ФКЗ о КС РФ (т. е. акт признан неконституционным), конкретное дело, в котором был применен оспариваемый нормативный акт, подлежит пересмотру в обычном порядке при условии, что в постановлении содержится указание на необходимость такого пересмотра.

В ч. 5 ст. 100 ФКЗ о КС РФ содержится исключительный случай, который для нашего исследования представляет меньший интерес. Это случаи, когда лицо обратилось в КС РФ по тому же вопросу, по которому было вынесено постановление, до его вынесения, но его жалоба не была соединена с уже находящимся в производстве делом. В такой ситуации КС РФ, отказывая в принятии дела к рассмотрению в связи с наличием вынесенного постановления по данному вопросу, может указать в соответствующем определении на право такого заявителя на пересмотр. Тогда к нему в полном объеме будут применяться правила пересмотра дела, установленные для заявителей [\[7, с. 51\]](#).

2) если решение не вступило в силу при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции;

3) пересмотра дела в суде кассационной инстанции или в порядке надзора в связи с кассационными и надзорными жалобами, представлениями, поданными по иным

основаниям, в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ

Указанные п.п. 2 и 3 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ представляют собой описание институционального порядка пересмотра судебных актов, когда вышестоящая инстанция не может применить неконституционную норму (неконституционное истолкование) под угрозой квалификации своих действий как судебной ошибки.

4) если вступившее в силу решение, которое было принято по спору между органом государственной власти или органом местного самоуправления, с одной стороны, и гражданином или юридическим лицом, с другой стороны, и влечет за собой передачу гражданином или юридическим лицом имущества или выплату ими денежных средств публичному образованию, не исполнено и при исполнении такого решения не имело место злоупотребление со стороны гражданина или юридического лица

Этот пункт представляет собой легализацию вывода из постановления по жалобам Однодворцевых (подробнее далее).

5) если положения, признанные постановлением КС РФ неконституционными, послужили основанием для привлечения гражданина к **уголовной ответственности**;

6) если положения, признанные постановлением КС РФ неконституционными, послужили основанием для привлечения гражданина или юридического лица к **административной ответственности**, при этом срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, не прошел либо прошел, но факт привлечения к административной ответственности продолжает порождать для гражданина или юридического лица негативные последствия;

7) если в постановлении КС РФ, принятом по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод, **прямо указано** на такой пересмотр в отношении **иных лиц помимо заявителя** или лица, в интересах которого подана жалоба.

Часть 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ изменилась незначительно и только в части указания на то, что даже если какие-то судебные решения нижестоящими инстанциями вынесены до вступления в силу постановления КС РФ, вышестоящая инстанция не вправе руководствоваться нормой, признанной неконституционной (конкретизация реализации разъяснений об ординарном порядке пересмотра).

Таким образом, теперь ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ в целом устанавливает основания для пересмотра судебных актов как в ординарном порядке (когда норма в принципе не может больше применяться в прежнем виде и/или истолковании), так и в порядке пересмотра по новым обстоятельствам. Критерий исполненности здесь фигурирует только применительно к спорам с государственными органами в части исков о присуждении.

При буквальном прочтении ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ мы должны прийти к выводу о том, что сегодня несубъекты конституционного судопроизводства имеют право на пересмотр своих актов в рамках гражданского судопроизводства по новым обстоятельствам только в трех случаях:

- когда они были заявителями конституционной жалобы, но «не успели» получить результат конституционного судопроизводства (ч. 5 ст. 100 ФКЗ о КС РФ);
- когда не исполнено решение по иску государственного органа о присуждении (п. 4 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ);
- когда на это прямо указано в Постановлении КС РФ по другому делу. Фактически в этой

части ситуация становится схожей с регулированием последствий определения или изменения практики применения нормы в постановлении Пленума или Президиума ВС РФ (общее правило – ординарный пересмотр, в случае исчерпания и при условии прямого указания на возможность пересмотра – пересмотр по новым обстоятельствам). В этой части общее правило изменилось с критерия неисполненности на критерий прямого указания на возможность пересмотра.

Отдельно отметим, что критерий прямого указания на необходимость пересмотра появился и применительно к субъектам конституционного обжалования – п. 1 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ (определения КС РФ от 28.12.2021 № 2724-О по жалобе С. А. Кондратюка от 24.02.2022 № 275-О по жалобе В. Ю. Кирпиченкова, от 21.07.2022 № 2085-О по жалобе гражданина В.), за исключением остальных случаев, указанных в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ.

Дополнительно также стоит обратить внимание на то, что происходит некое движение в сторону унификации регулирования сходных правоотношений. Так, иные специфичные «новые обстоятельства», такие как отмена постановления органа, послужившего основанием для принятия судебного акта по данному делу – в смысле, придаваемом данному пункту постановлением КС РФ от 06.07.2018 № 29-П по жалобе ООО «Альбатрос», когда КС РФ расширительно истолковал данный пункт и указал на необходимость понимания под «отменой постановления органа» в т. ч. ситуации отмены нормативного акта по делу заявителя в порядке административного нормоконтроля, а равно определение либо изменение в постановлении Пленума ВС РФ или Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы также имеют предел в виде необходимости прямого указания на пересмотр. Оговоримся, что первое из этих обстоятельств подразумевает под собой возможность пересмотра по новым обстоятельствам в случае, если нормативный акт признан недействующим с момента принятия – фактически такое указание свидетельствует о том, что незаявители в таком случае могут пересмотреть судебный акт.

Иными словами, формально критерий неисполненности как общий перестал использоваться. При этом, на наш взгляд, судьба критерия исполненности остается открытой, поскольку при изучении постановления по жалобам Однодворцевых становится очевидно, что актуальное законодательное регулирование не соответствует действительной воле законодателя и КС РФ.

IV. Настоящее и будущее критерия неисполненности

Ю. А. Тимофеев также полагает, что общий критерий неисполненности в 2020 году был заменен на исчерпывающий перечень случаев, установленный в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ, когда лица, не участвовавшие в конституционном судопроизводстве, наделяются правом обращения за пересмотром на основании постановления КС РФ, принятого по жалобам иных лиц [\[8, с. 47\]](#).

Мы же предлагаем проанализировать постановление по жалобам Однодворцевых и обратить внимание на ряд обстоятельств.

Суть дела: судебными актами в 2010 году признаны недействительными сделки, истребовано имущество (квартира), сняты с регистрационного учета и выселена из квартиры семья Однодворцевых. В обоснование своих выводов суды указали, что спорная квартира, приобретенная по договору купли-продажи, ранее была приватизирована по подложным документам, т. е. выбыла из владения собственника – г.

Москвы помимо его воли.

КС РФ принимает постановление от 22.06.2017 № 16-П, в котором признает п. 1 ст. 302 ГК РФ не соответствующим Конституции РФ, поскольку он допускает истребование как из чужого незаконного владения жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя, который при возмездном приобретении этого жилого помещения полагался на данные ЕГРН и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску соответствующего публично-правового образования в случае, когда данное публично-правовое образование не предприняло – в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом – своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество. В этом постановлении КС РФ указал только на пересмотр судебных актов непосредственно заявителя.

Семья Однодворцевых, посчитав, что постановление от 22.06.2017 № 16-П является новым обстоятельством в их деле, обратилось с соответствующим заявлением. Суды отказали, фактически сославшись на то, что Однодворцевы не были заявителями в конституционном процессе, потому для них постановление КС РФ от 22.06.2017 новым обстоятельством не является. В кассационном пересмотре судебных актов семье Однодворцевых также было отказано.

После семья Однодворцевых также обращалась в суд с заявлением о прекращении исполнительного производства, указав, что исполнение решения суда о выселении их из спорного жилого помещения после принятия постановления КС РФ от 22.06.2017 № 16-П будет являться нарушением ч. ч. 3 и 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ. Суды отказали, указав, что названное постановление КС РФ не содержит ни прямого указания на необходимость пересмотра судебных актов по делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, ни оснований для прекращения исполнительного производства.

В рамках постановления по жалобам Однодворцевых КС РФ проверял в т. ч. конституционность ч. 3 и ч. 5 ст. 79 ФКЗ о КС РФ в описанных выше редакциях до ноября 2020 года.

КС РФ повторил ранее описанные нами выводы касательно обратной силы правовых позиций КС РФ в делах незаявителей конституционных жалоб (не подлежат исполнению и подлежат пересмотру), напомнив про критерий неисполненности. КС РФ дополнительно указал, что данные правовые позиции «распространяются и на производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам».

Важным является указание КС РФ на неопределенность процессуального инструментария на законодательном уровне при пересмотре судебных актов по делам незаявителей конституционной жалобы:

«*Вывод о невозможности исполнения судебного решения в связи с вынесением постановления КС РФ по делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, во всяком случае является предпосылкой для обращения в суд с требованием о пересмотре такого судебного решения (в том числе не исключает повторного возвращения компетентного суда к вопросу о его пересмотре по правилам главы 42 ГПК РФ) с учетом сформулированных в настоящем Постановлении правовых позиций. Федеральному законодателю надлежит урегулировать правовой механизм пересмотра судебного решения в такой ситуации».*

Таким образом, воля КС РФ, выраженная в анализируемом постановлении, сводится к тому, что неучастники конституционного судопроизводства имеют право на неисполнение решения, а равно на пересмотр своих судебных актов по новым обстоятельством в связи с правовой позицией КС РФ, если такой судебный акт не исполнен. Данный вывод в п. 1 резолютивной части Постановления сделан применительно к конкретной ситуации (спор с государственным органом). Однако в п. 3 резолютивной части постановления КС РФ пошел дальше и указал на необходимость установления процессуального механизма пересмотра судебных постановлений, основанных на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением КС РФ неконституционными (или получивших в нем конституционное истолкование), не исполненных (либо исполненных частично) на момент вынесения такого постановления. Указал он на это в отрыве от конкретной категории спора и, очевидно, применительно ко всем случаям, надеясь на детальную проработку в законодательстве институциональных и внеинституциональных механизмов пересмотра.

Иными словами, в постановлении по жалобам Однодворцевых КС РФ не подразумевал настолько жесткое ограничение случаев пересмотра, как это сейчас предусмотрено в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ.

При системном анализе ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ и постановления по жалобам Однодворцевых надлежит сделать следующие выводы:

- 1) КС РФ указал на необходимость легализовать в процессуальном законодательстве существующий в практике КС РФ уже более 20 лет подход о возможности пересмотра судебных актов незаявителей конституционной жалобы в случае признания примененной в их делах нормы (ее толкования) неконституционной, поскольку очевидны возникающие регулярно по этому вопросу сложности;
- 2) целью КС РФ не было исключение действия критерия неисполненности или распространение его на ограниченную категорию споров;
- 3) законодатель предпринял попытки выполнить постановление по жалобам Однодворцевых и указать случаи, когда судебный акт не подлежит исполнению и должен быть пересмотрен, конкретизировав случаи в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ;
- 4) ситуация, разрешенная в постановлении по жалобам Однодворцевых, легла в основу п. 4 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ, в т. ч. с указанием на критерий неисполненности;
- 5) попытка законодателя является не системной и скорее вредной для правоприменения, поскольку формально (за двумя исключениями) ограничивает неучастников конституционного судопроизводства в праве на пересмотр судебных актов только случаями, когда КС РФ дает в своем постановлении прямое указание на необходимость пересмотра актов по делам таких неучастников – и к таким ситуациям, очевидно, критерий неисполненности не применяется. Фактически, критерий прямого указания на необходимость пересмотра становится общим правилом, взамен критерия неисполненности.

Между тем, учитывая тот факт, что критерий неисполненности никогда не фигурировал на уровне законодательства, невозможно сделать вывод, что изменение законоположения означает утрату его актуальности. Более того, правовые позиции КС РФ о критерии неисполненности не отменены, что позволяет выдвинуть следующие гипотезы:

- 1) критерий неисполненности продолжает сохранять свою силу для пересмотра дел неучастников конституционного судопроизводства как общее правило;
- 2) норма п. 7 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ должна означать, что в случае прямого указания КС РФ на необходимость пересмотра судебных актов по делам неучастников конституционного производства критерий неисполненности не применяется.

Косвенно данную гипотезу подтверждают немногочисленные акты КС РФ, вынесенные после внесения в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ изменений, в которых отсутствует указание на то, что дела незаявителей могут быть пересмотрены вне контекста критерия неисполненности. КС РФ продолжает указывать, что если в отношении незаявителей решения были исполнены до признания неконституционными норм, положенных в их основу, то для этих лиц действует презумпция конституционности закона, поскольку он применялся в условиях, когда вопрос о его конституционности не ставился (например, определения КС РФ от 26.09.2024 № 2096-О по жалобе Г. В. Акопяна, от 31.01.2023 № 16-О по жалобе С. П. Коркина, от 27.10.2022 № 2931-О по жалобе В. Ю. Кирпиченкова).

Тем не менее, возникает логичный вопрос: применительно к каким случаям в гражданском судопроизводстве критерий неисполненности может сохранять свою силу (кроме п. 4 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ), ведь в цивилистические процессуальные кодексы в 2021 году были внесены изменения, согласно которым «признание постановлением КС РФ не соответствующим Конституции РФ или применение в истолковании, расходящемся с данным КС РФ в постановлении истолкованием, примененного судом в судебном акте нормативного акта либо его отдельного положения в связи с обращением заявителя, а в случаях, предусмотренных ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в связи с обращением иного лица независимо от обращения заявителя в КС РФ» (п. 3 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 350 КАС РФ в редакции федерального закона от 30.12.2021 № 473-ФЗ (начало действия – 10.01.2022). В УПК РФ аналогичные изменения были внесены позднее, федеральным законом от 11.06.2022 № 180-ФЗ.

Между тем, применительно к уголовному судопроизводству КС РФ прямо указывает, что, например, п. 5 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ применяется и к незаявителям конституционной жалобы (определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2724-О по жалобе С. А. Кондратюка).

Таким образом, исходя из действующего регулирования критерий неисполненности в гражданском судопроизводстве распространяется только на п. 4 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ. Но если допустить, что основания, указанные в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ, будут расширены (а такое возможно, учитывая, что целью КС РФ при вынесении постановления по жалобам Однодворцевых не являлось ограничение оснований пересмотра до критически узкого круга ситуаций), то критерий неисполненности будет применять и к ним в силу того, что правовая позиция КС РФ об этом не отменена.

Открытым остается вопрос, сохраняет ли свой силу критерий неисполненности применительно к п. 2 и 3 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ (подробнее см. раздел «Критика критерия неисполненности»). Мы вынуждены констатировать, что и на данные основания критерий неисполненности все-таки не должен распространяться. Такая разница подходов в зависимости от стадии рассмотрения может быть объяснена тем, что пока дело находится в рамках цепочки ординарных (институциональных) стадий пересмотра, интересы правовой определенности страдают в меньшей степени, а лица, участвующие в деле, понимают, что оппоненты располагают возможностями подачи жалоб в

вышестоящие инстанции, и такое обжалование является менее неожиданным, чем пересмотр по новым обстоятельствам. В этой связи смещение акцента на институциональные механизмы пересмотра судебного акта видится правильным на пути поиска баланса между принципом правовой определенности и справедливого судебного решения.

Безусловно, критерий неисполненности для пересмотра судебного акта лицом, не являющимся субъектом конституционного обжалования, был предложен КС РФ в ситуации отсутствия какого-либо адекватного законодательного регулирования последствий признания нормы (ее истолкования) неконституционными в контексте обратной силы и случаев пересмотра таких судебных актов и просуществовал более 20 лет, а сейчас является практически невостребованным. Однако делать вывод о том, что данный критерий перестал незримо присутствовать в практике КС РФ при ответе на вопрос об обратной силе актов КС РФ – преждевременно.

В этой части уместно задуматься о перспективах данного критерия и задаться вопросом: должны ли мы распространить критерий неисполненности на любые акты, пересматриваемые по новым/вновь открывшимся обстоятельствам (с учетом того, что не во всех обстоятельствах существует проблематика несубъектов)?

Представляется, что это будет излишним реверансом в пользу принципа правовой определенности. Тем более, как мы уже указывали, по нашему мнению, признание нормы (ее истолкования) неконституционной, определение или изменение практики применения нормы в постановлении Пленума или Президиума ВС РФ, равно как признание нормативного акта недействующим в порядке административного нормоконтроля по своей сути не являются новыми обстоятельствами, потому как критерий неисполненности, так и критерий прямого указания на необходимость пересмотра, являются специальными пределами. Мы в теории можем допустить, что применительно к описанным новым обстоятельствам когда-нибудь данный критерий может быть распространен (в дополнение или какой-то иной связке с критерием прямого указания), но распространение его на все виды вновь открывшихся и новых обстоятельств кажется сомнительным.

Заключение и выводы

В рамках настоящей работы мы описали историю развития такого предела пересмотра судебных актов ввиду признания нормы (ее истолкования) неконституционной, как критерий неисполненности. На наш взгляд, несмотря на тот факт, что в настоящее время формально он практически исключен из правоприменения на уровне законодательного регулирования, правовые позиции КС РФ еще не были скорректированы, а значит, полностью отказываться от его учета преждевременно. Более того, при систематизации законодательства о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам данный критерий может быть учтен (при его надлежащей доработке).

Однако существование на уровне правовых позиций КС РФ и в рамках правоприменительной практики данного критерия как специального предела, наравне с критерием прямого указания на необходимость пересмотра судебного акта, на который критерий неисполненности фактически был заменен, поднимает более сложные концептуальные вопросы процессуальной формы.

Так, если, как мы установили, данные пределы являются специальными, следовательно, новые обстоятельства, к которым они применяются, некоторым образом отличаются от прочих – и вопрос заключается в том, насколько критична совокупность таких отличий и

позволяет ли она все еще относить такие обстоятельства к новым обстоятельствам, либо свидетельствует о существовании иного конструкта – других оснований для пересмотра судебных актов.

В результате поверхностного анализа данного вопроса в настоящей статье автор выдвигает следующую гипотезу, которая подлежит проверке в рамках дальнейших изысканий: разница правовой природы таких обстоятельств принципиальна и свидетельствует о необходимости выделения их в отдельную группу оснований для пересмотра судебных актов. При этом, учитывая тот факт, что в правовой действительности существует еще целый ряд ситуаций, к которым инструментарий пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам применяется постольку, поскольку процессуальное законодательство не располагает иным инструментом для пересмотра самим судом своего акта, предлагается модернизировать наполнение процессуальных кодексов в этой части.

Так, как минимум, необходимо изменить названия соответствующих глав процессуальных кодексов на обобщенное: «Основания пересмотра вступивших в законную силу судебных актов», где уже подробно регламентировать все основания, помимо вновь открывшихся и новых обстоятельств, которые были выработаны практикой и частично включены в законодательство, с подробным описанием всех пределов, условий их распространения, субъектов и т. д. К примеру, по нашему мнению, помимо общего списка оснований каждое основание должно быть описано в отдельной статье.

Подробное описание правовой природы указанных «особых» новых обстоятельств, а равно раскрытие и детализацию предложений по модернизации законодательного регулирования автор оставляет для будущих работ.

Библиография

1. Байкова С.Р. Расширение случаев применения института вновь открывшихся и новых обстоятельств для заполнения пробелов в законодательном регулировании: агония института или иллюстрация закономерного развития? // Право и политика. 2024. № 11. С. 11-40. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.11.72315 EDN: JJNVGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72315
2. Ахмедов С. М. Новые реалии пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 83-91. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.083-091 EDN: JVMXNT.
3. Кайзер Ю. В. Частичная отмена судебного акта в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 45-48. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-45-48 EDN: OWMAEA.
4. Ильин А. В. Обратная сила решений Конституционного Суда и исполненность судебных актов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 154-167. EDN: YUVOUH.
5. Кальяк А. М. Отдельные вопросы исполнения решений Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 36-38. EDN: RBJKYD.
6. Иванов А.А. Седьмая инстанция? // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 86-92.
7. Сивицкий В. А. Некоторые аспекты значения принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации для судебной практики // Судья. 2017. №

12. С. 47-54. EDN: XOWGLJ.

8. Тимофеев Ю.А. Постановление Конституционного Суда России^{ской} Федерации как основание для пересмотра по новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 46-48.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, критерий неисполненности судебного акта как специальный предел пересмотра судебных актов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "В работе использованы такие методы исследования как исторический, системный, аксиологический, формально-юридический, функциональный, социологический методы, анализ, синтез, моделирование".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Общими характеристиками института пересмотра вступившего в законную силу судебного акта по вновь открывшимся и новым обстоятельствам является их исключительность, экстраординарность, нетипичность в том смысле, что любой пересмотр судебного акта, исходя из принципа правовой определенности и с учетом свойств законности и обязательности судебного акта, является достаточно щепетильным явлением, требующим особого внимания и контроля. Указанные характеристики находят свое отражение в совокупности условий возникновения права на такой пересмотр и пределов рассмотрения заявления, который мы предлагаем называть пределами пересмотра в широком смысле. В литературе подробная классификация пределов пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам отсутствует. ... При этом, существуют и «специальные» пределы пересмотра, применяемые только к некоторым новым обстоятельствам"; "В литературе крайне незначительное внимание уделено критерию неисполненности как специальному пределу пересмотра судебных актов (такое понятие в принципе отсутствует в научной литературе). Большая часть работ посвящена периоду до 2020 года (до внесения изменений в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» («ФКЗ о КС РФ») и не указывает на возможное будущее данного критерия с учетом возможного кардинального реформирования института пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам. В научной литературе также ранее не обозначалась проблема специальности критерия неисполненности в значении его применимости только к некоторым новым обстоятельствам, что не позволяло обратить внимание на необходимость классификации таких обстоятельств в качестве самостоятельных оснований для пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, отличных от вновь открывшихся и новых обстоятельств".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, фактически КС РФ сформировал три механизма пересмотра судебного акта, основанного на признанной неконституционной норме: - безусловный пересмотр дел заявителей конституционной жалобы; - ординарный (институциональный) порядок пересмотра дел незаявителей; - пересмотр в порядке вновь открывшихся/новых обстоятельств для незаявителей. Последние два механизма – т.н. «условные», потому что на них распространяется критерий неисполненности; "Тем не менее, на практике незаявители массово стремились пересмотреть свои судебные акты, воспользовавшись именно

инструментарием пересмотра по новым обстоятельствам, что ярко указывает на проблемы процессуальной нормы и непрозрачность регулирования процессуальных механизмов"; "Мы вынуждены согласиться с А. В. Ильиным и С. М. Ахмедовым в том, что критерий неисполненности критически сложен для правопримениеля и в имеющемся виде приводит к усложнению правовой реальности, а не направлен на защиту прав"; "В целом нельзя не отметить, что практикой в принципе право незаявителей на пересмотр своих судебных актов в любом порядке длительное время игнорировалось по причине отсутствия в нормах процессуальных кодексов прямого указания на необходимость отмены и/или изменения судебных актов в таких случаях и аналогичных разъяснений пленумов (см. подп. «д» п. 5 и подп. «в» п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений», п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»). Вышеизложенные причины привели к замене критерия неисполненности и появлению критерия прямого указания на возможность пересмотра"; "При системном анализе ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ и постановления по жалобам Однодворцевых надлежит сделать следующие выводы: 1) КС РФ указал на необходимость легализовать в процессуальном законодательстве существующий в практике КС РФ уже более 20 лет подход о возможности пересмотра судебных актов незаявителей конституционной жалобы в случае признания примененной в их делах нормы (ее толкования) неконституционной, поскольку очевидны возникающие регулярно по этому вопросу сложности; 2) целью КС РФ не было исключение действия критерия неисполненности или распространение его на ограниченную категорию споров; 3) законодатель предпринял попытки исполнить постановление по жалобам Однодворцевых и указать случаи, когда судебный акт не подлежит исполнению и должен быть пересмотрен, конкретизировав случаи в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ; 4) ситуация, разрешенная в постановлении по жалобам Однодворцевых, легла в основу п. 4 ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ, в т. ч. с указанием на критерий неисполненности; 5) попытка законодателя является не системной и скорее вредной для правоприменения, поскольку формально (за двумя исключениями) ограничивает неучастников конституционного судопроизводства в праве на пересмотр судебных актов только случаями, когда КС РФ дает в своем постановлении прямое указание на необходимость пересмотра актов по делам таких неучастников – и к таким ситуациям, очевидно, критерий неисполненности не применяется. Фактически, критерий прямого указания на необходимость пересмотра становится общим правилом, взамен критерия неисполненности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из четырех разделов: "I. Степень исполненности судебного акта: история возникновения и развития критерия исполненности в актах КС РФ (период с 1999 по 09.11.2020)"; "II. Критика критерия неисполненности"; "III. Трансформация критерия неисполненности в критерий прямого указания на возможность пересмотра (2020)"; "IV. Настоящее и будущее критерия неисполненности". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 8 источниками (научными статьями), что можно признать достаточным ввиду скудности научной литературы по исследуемому автором вопросу ("В литературе крайне незначительное внимание уделено критерию неисполненности как специальному пределу пересмотра судебных актов (такое понятие в принципе отсутствует в научной литературе). Большая часть работ посвящена периоду до 2020 года ...". Исследование выполнено на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. В. Ильин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В рамках настоящей работы мы описали историю развития такого предела пересмотра судебных актов ввиду признания нормы (ее истолкования) неконституционной, как критерий неисполненности. На наш взгляд, несмотря на тот факт, что в настоящее время формально он практически исключен из правоприменения на уровне законодательного регулирования, правовые позиции КС РФ еще не были скорректированы, а значит, полностью отказываться от его учета преждевременно. Более того, при систематизации законодательства о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам данный критерий может быть учтен (при его надлежащей доработке). Однако существование на уровне правовых позиций КС РФ и в рамках правоприменительной практики данного критерия как специального предела, наравне с критерием прямого указания на необходимость пересмотра судебного акта, на который критерий неисполненности фактически был заменен, поднимает более сложные концептуальные вопросы процессуальной формы. Так, если, как мы установили, данные пределы являются специальными, следовательно, новые обстоятельства, к которым они применяются, некоторым образом отличаются от прочих – и вопрос заключается в том, насколько критична совокупность таких отличий и позволяет ли она все еще относить такие обстоятельства к новым обстоятельствам, либо свидетельствует о существовании иного конструкта – других оснований для пересмотра судебных актов. В результате поверхностного анализа данного вопроса в настоящей статье автор выдвигает следующую гипотезу, которая подлежит проверке в рамках дальнейших изысканий: разница правовой природы таких обстоятельств принципиальна и свидетельствует о необходимости выделения их в отдельную группу оснований для пересмотра судебных актов. При этом, учитывая тот факт, что в правовой действительности существует еще целый ряд ситуаций, к которым инструментарий пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам применяется постольку, поскольку процессуальное законодательство не располагает иным инструментом для пересмотра самим судом своего акта, предлагается модернизировать наполнение процессуальных кодексов в этой части" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере процессуального права.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Арутюнян А.Д. Понятие профилактики незаконной миграции: теоретико-правовой анализ // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.73961 EDN: TFBXTW URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73961

Понятие профилактики незаконной миграции: теоретико-правовой анализ**Арутюнян Алина Джигановна**

соискатель; кафедра конституционного и административного права ; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

✉ alina-arut@yandex.ru[Статья из рубрики "Административное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.73961

EDN:

TFBXTW

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

07-04-2025

Аннотация: В работе представлен теоретико-правовой анализ определения профилактики незаконной миграции. Автором работы отмечено, что в настоящее время существует как научная, так и правовая неопределенность в понимании названного термина. Актуальность темы подтверждается еще тем, что в современный этап развития административного права имеются основания для выделения миграционного права в самостоятельную отрасль права. В свою очередь профилактику незаконной миграции возможно рассматривать в качестве института названной отрасли. Изучение различных работ монографического уровня показало, что учеными акцентируется внимание на исследование профилактики незаконной миграции в контексте криминологии. Вместе с тем, каких-либо актуальных и комплексных работ, посвященных «осознанию» названного термина, не имеется. Отсутствие унифицированного толкования профилактики

незаконной миграции отрицательно сказывается на планирование и реализацию комплексных мероприятий в миграционной сфере. При написании работы автором использовались как общенаучные, так и специально-научные методы. Основной методологический инструментарий исследования выстроен на диалектическом методе познания, который позволил раскрыть понятие профилактики незаконной миграции. По результату проведенного исследования автором работы делается ряд выводов. В частности, установлено, что проблема определения профилактики незаконной миграции детерминирована рядом обстоятельств: а) отсутствие легального понимания данного термина; б) наличие спора о выделении обозначенного термина в качестве института миграционного права; в) различным подходом законодателя, правоприменителя, так и научного сообщества к определению терминов, связанных с профилактикой деятельностью; г) отсутствием систематизированного миграционного законодательства. Обобщение законодательных подходов к профилактике правонарушений и преступлений, отыскание семантического значения, а также аккумулирование некоторые докторальных подходов к определению исследуемого термина позволил разработать его авторское понимание. Так, профилактика незаконной миграции – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих незаконному перемещению через границу и присутствие на территории государства мигрантов.

Ключевые слова:

незаконная миграция, профилактика, предупреждение, миграционное право, предотвращение миграции, миграция, миграционные правоотношения, нелегальная миграция, миграционное законодательство, мигрант

Незаконная миграция во всем мире приобрела колоссальный оборот. Согласно статистическим данным МВД РФ только в Российской Федерации с начала 2024 г. число нелегальных мигрантов выросло ориентировочно на 40%^[1]. Как можно заметить из анализа законодательства и правоприменительной практики миграционная политика активно развивается, о чем свидетельствуют значительное изменение нормативно-правовых актов, а также официальные отчеты государственных органов по работе в рассматриваемой области. Как справедливо отмечено в научной литературе одно из приоритетных направлений государственной политики в миграционной области является эффективное противодействие незаконной миграции, представляющей реальную угрозу безопасности как личности, так и всего государства^[1, с. 255]. Предупреждение незаконной миграции является межотраслевым и прикладным вопросом, что подтверждается административно-правовой, уголовно-правовой и трудовой либо дисциплинарной регламентацией. В настоящее время возможно рассуждать о существовании миграционного права, как подотрасли административного права^[2, с. 70], в которой предупреждение незаконной миграции выделено в качестве института^[3, с. 81]. Подтверждением этому служит, в том числе суждение о необходимости кодификации миграционного законодательства путем создания миграционного кодекса^[4; 5; 6]. Не вступая в полемику данной проблемы, отметим, что безусловно миграционное и административное право взаимосвязаны между собой. Действительно большинство норм, регламентирующих миграционно-правовые отношения, находятся в пределах управлеченческой деятельности государственных органов и должностных лиц.

Вопросы незаконной миграции достаточно «масштабны», что нашло свое отражение во многих трудах современных ученых. В частности, на монографическом уровне затронуты вопросы административно-правового регулирования противодействия незаконной миграции [7], криминологического предупреждения обозначенного феномена [8; 9; 10; 11; 12] и т.д. Вместе с тем, стоит обратить внимание, что большинство исследователей акцентируют внимание исключительно на уголовно-правовых и криминологических аспектах предупреждения незаконной миграции. Помимо прочего, ввиду отсутствия легального понятия анализируемого явления, исследователи по-разному подходят к его пониманию, что детерминирует проблему его объективного восприятия. Обсуждение данной проблемы встречается в научной литературе. Например, А.Е. Михайлов указывает, что отсутствие легального толкования такого термина отрицательно сказывается на планирование и реализацию комплексных мероприятий в миграционной сфере [13, с. 178].

Одна из задач юридической науки, в том числе любой отрасли права либо прикладной дисциплины, является выработка точного понятия правового явления или феномена. Как верно отмечено в исследовательской литературе в научном познании понятия и определения выступают одним из фундаментальных методологических основ, обеспечивающих объективное отражение предметов и явлений [14, с. 133]. Не исключением является понимание предупреждения незаконной миграции.

Первоначально стоит заметить, что категория «предупреждение» свойственна в большей степени криминологическим учениям. В правовой науке имеется неразрешенный спор относительно понимания данного термина [15, с. 55; 16, с. 160] и его соотнесения с такими понятиями, как «профилактика», «пресечения», «превенция». Некоторые ученые предлагают терминологическую унификацию данных понятий, а сам термин «предупреждение» рассматривать в качестве собирательного. Стоит заметить, что сам законодатель к данным терминам подходит разрозненно. Например, в п.п. «а» п. 4 ст. 1 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Закон о противодействии терроризму) термины «предупреждение» и «профилактика» являются синонимами, а в ст. 3 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремизму) обозначенные понятия отличаются друг от друга. В Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о системе профилактики правонарушений) законодатель вовсе отказался от феномена «предупреждение» и отнес его к направлению профилактики. В п.п. 6 п. 1 ст. 6 этого же закона противодействие незаконной миграции является направлением мер, принимаемые определенными субъектами правоотношений.

Затрагивая специальные нормы в области миграционного права заметим, что в подзаконных нормативно-правовых актах анализируемое явление (в данном случае – действия уполномоченных государственных органов власти и должностных лиц) обозначается в качестве предотвращения [2] и противодействия [3]. В свою очередь предупреждение же выступает мерой предотвращения либо противодействия.

Для точного определения отыскиваемого понятия необходимо установить семантическое свойство всех перечисленных терминов.

В своем первостепенном значении предупреждение подразумевает под собой извещение о чем-либо. Профилактика же обозначает совокупность мероприятий, направленных на укрепление и сохранение нормального состояния чего-либо или кого-либо. Пресечение

определяется как установление чего-то. Термин «превенция» происходит от латинского и переводится как предупреждение или опережение. Предотвращение выступает действием по принятию определенных мер, направленных на невозможность осуществления других действий. Противодействие также относится к действию, которое является препятствием (сопротивлением) для совершения какого-то другого действия.

Таким образом, из представленных семантических свойств можно сделать однозначный вывод о разном значении перечисленных слов. С учетом этого думается, что правильнее рассуждать о профилактике незаконной миграции, так как такая деятельность осуществляется на постоянной основе и на разных стадиях правоотношений, в том числе на тех, которые еще не возникли и могут возникнуть в будущем. Помимо прочего подобная деятельность реализуется на всех уровнях предупреждения (общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном). Вместе с тем, рассмотренные термины близки по своему значению друг к другу, что делает возможным в определенных случаях и ситуациях использовать их в качестве синонимов. Подобное подтверждается юридической техникой изложения текста нормативно-правовых актов, в том числе в миграционной сфере.

В науке имеются суждения о необходимости закрепления легальной дефиниции миграции [17, с. 45]. На наш взгляд, в выделении данного понятия нет необходимости, так как такой термин относится к общеупотребительным и исключает какое-либо двойственное значение в своем содержании. Однако необходимо обратить внимание на полемику о понятии «миграция». В частности, ряд ученых считают, что миграция является перемещением отдельных лиц либо групп из одного места в другое, другие же подразумевают под данным процессом перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на длительное время [18, с. 195]. Думается, что существенного отличия в представленных определениях для применения миграционного законодательства не имеется. Миграция в общем виде всегда представляет собой процесс перемещения человека из одной местности в другую [19, с. 33].

Нелегальная же миграция подразумевает под собой такое перемещение, которое противоречит установленному законодательству. С учетом обозначенного, думается, что незаконная и нелегальная миграция являются синонимами по отношению друг к другу. Однако в рамках правовой регламентации правильнее использовать формулировку «незаконная миграция» либо «нарушение миграционного законодательства Российской Федерации», что подтверждается подходом представительного органа власти. Например, в ст. 322.1 УК РФ указывается на ответственность за организацию незаконной миграции, в ст. 24 Федерального закона от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [4] на нарушение законодательства Российской Федерации о миграционном учете и т.д. Стоит заметить, что имеются суждения о различии нелегальной и незаконной миграции. Например, по убеждению М.Н. Ахмедова первый термин является общим по отношению ко второму [9, с. 15]. Другие же ученые напротив считают данные термины синонимами [20, с. 17]. В научной литературе замечено, что незаконная миграция подразумевает под собой перемещение через границу и присутствие на территории государства незаконных мигрантов [21, с. 170].

Рассмотрев семантическое значение анализируемого термина, обратим внимание на существующие подходы к его интерпретации.

Таблица 1 – некоторые докторальные понятия профилактики незаконной миграции

ФИО	Определение
Потапенкова И.В., Ярмолова Е.Н. [22, с. 171]	комплекс правовых и организационных мер, применяемых государственными органами и общественными организациями с целью снижения уровня миграционной преступности
Стручков Ю.Н. [23, с. 44]	комплекс мер, направленных на обеспечение соблюдения миграционного законодательства и поддержание правопорядка в обществе и государстве
Магеррамов М.А. [20, с. 15]	комплекс мер контроля за въездом, выездом, транзитом и пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории принимающей страны и пресечения любого перемещения
Малахова И.В. [24, с. 236] Козлов В.Ф., Лукьянов А.С. [25, с. 25]	выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний в сфере миграции
Дорошенко О.М. [26, с. 342]	комплекс мер по принятию нормативных правовых актов в сфере миграционного законодательства, а также применяемых правоприменителями различных форм и методов противодействия незаконной миграции

Анализируя представленные понятия заметим, что в науке наличествуют и другие позиции относительно понимания профилактики незаконной миграции. В целом, анализ определений показывает, что большинство автором предлагают раскрывать данных термин через совокупность мер. В.Ф. Козлов и А.С. Лукьянов при разработке дефиниции предлагают использовать опыт законодателя, изложенный в Законе о противодействии терроризму и Законе о противодействии экстремизму. На наш взгляд, более удачным видится использование в качестве основы определение, которое дано в Законе о системе профилактики правонарушений.

Действительно, профилактика незаконной миграции охватывает применения разнообразных мер, которые могут быть выражены в законодательных, исполнительных, судебных, административных и иных «механизмах». Такие меры могут отличаться между собой как качественно, так и количественно.

Подводя итог фрагментарному анализу теоретико-правовому анализу понятия профилактики незаконной миграции, можно сделать следующее выводы.

1. Анализ научной литературы свидетельствует, что в настоящее время отсутствует универсальный подход к пониманию профилактики незаконной миграции. Большинство

исследований в обозначенной области связаны с освещением криминологических аспектов предупреждения миграционных правонарушений.

2. Проблема понимания профилактики незаконной миграции детерминирована рядом обстоятельств: а) отсутствие легального понимания данного термина; б) наличие спора о выделении обозначенного термина в качестве института миграционного права; в) различным подходом законодателя, правоприменителя, так и научного сообщества к определению терминов, связанного с профилактикой деятельностью; г) отсутствием систематизированного миграционного законодательства.

3. Обобщение законодательных подходов к профилактике правонарушений и преступлений, отыскание семантического значения, а также аккумулирование некоторых докторальных подходов к определению исследуемого термина позволило разработать его авторское видение. Так, профилактика незаконной миграции – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих незаконному перемещению через границу определенного государства и присутствие на территории такого государства мигрантов.

4. Следует отметить, что субъектный состав профилактики незаконной миграции обширен. Он, как и в других видах профилактики (например, профилактика правонарушений в целом либо профилактика безнадзорности и т.д.) может быть дифференцирован на общих и специальных субъектов. К первой группе относятся все субъекты общественных отношений, ко второй группе только те органы власти и должностные лица, к компетенции которых относится реализация миграционного законодательства.

[1] Глава МВД назвал число нелегальных мигрантов в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2024/672234fc9a79479f03e4c419> (дата обращения: 02.04.2025 г.).

[2] Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 16.01.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 26.12.2016, № 52 (Часть V), ст. 7614; Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 № 813 (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Положения о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность» // Собрание законодательства РФ, 17.08.2015, № 33, ст. 4843.

[3] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351; Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // Собрание законодательства РФ, 05.11.2018, № 45, ст. 6917; Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2005 № 277-р «О Концепции создания государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения» // Собрание законодательства РФ, 21.03.2005, № 12, ст. 1068.

[4] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.07.2006, № 30, ст. 3285.

Библиография

1. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М.: Издательство, 2019. EDN: ZDSLUL.
2. Умнова-Конюхова И.А. Миграционное право как отрасль современного права: особенности становления и развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 2. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.02.01 EDN: GAELJS.
3. Жеребцов А.Н. Институт профилактики незаконной миграции: перспективы становления и развития на современном этапе реализации концепции государственной миграционной политики России // Общество и право. 2022. № 1 (79).
4. Воронина Н.А. О кодификации миграционного законодательства // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 3. EDN: YBOFRZ.
5. Кулеш Е.А., Симакина И.А. Проблемы кодификации миграционного законодательства Российской Федерации // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 1 (36).
6. Михайлова Е.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: проблемы теории и практики // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции, Смоленск, 17 февраля 2020 года. Смоленск: Издательство, 2020. EDN: EFZTTP.
7. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право в системе административного права Российской Федерации: место и значение // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. DOI: 10.31429/20785836-12-4-81-90 EDN: HTCNNT.
8. Орешина Н.И. Административно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции в зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Издательство, 2010. EDN: QHHMHP.
9. Ахмедов М.Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Издательство, 2016. EDN: ZPYEDX.
10. Байбурина Э.Р. Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Издательство, 2010. EDN: ZOCUCL.
11. Бучаков С.А. Незаконная внешняя миграция в России: криминологическая обстановка и политика противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Издательство, 2019. EDN: ISTGNR.
12. Кузьменко Ю.А. Нелегальная трудовая миграция как объект криминологического изучения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д: Издательство, 2006. EDN: NKBLKJ.
13. Михайлов А.Е. К вопросу о правовом регулировании термина "противодействие незаконной миграции" // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 октября 2019 года. СПб.: Издательство, 2020. EDN: UYBADY.
14. Пучков В.О. Понятия в правовой науке: методологические вопросы сущности // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29).
15. Кожуховский Е.С. Понятия и соотношение категорий "профилактика" и "предупреждение" // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31).
16. Бельский В.С., Вишневская Т.И. Понятие предупреждения преступности // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей, Могилев, 20 мая 2022 года.

- Могилев: Издательство, 2022. EDN: QUHOTZ.
17. Андрейцо С.Ю., Булатов Р.Б. О некоторых проблемах защиты конституционных прав и свобод иностранных граждан в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. EDN: XVYBSX.
18. Медведева М.О. Понятие, сущность и виды миграции // Современные проблемы права, экономики и управления. 2017. № 1 (4).
19. Филиппова Е.О. Миграционная преступность: понятие, динамика // Миграционное право. 2024. № 4. DOI: 10.18572/2071-1182-2024-4-31-34 EDN: HLEUTQ.
20. Магеррамов М.А. Нелегальная миграция: понятие, общественная опасность, уголовно-правовое и криминологическое противодействие: по материалам России и Азербайджана: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Издательство, 2008. EDN: ZNUPFV.
21. Плотникова Т.В., Харин В.В. Незаконная миграция: правовые аспекты и некоторые пути решения // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы IX международной научно-практической конференции, Тамбов, 23-24 апреля 2020 года. Тамбов: Издательство, 2020. EDN: TYSIOY.
22. Потапенкова И.В., Ярмонова Е.Н. К вопросу о профилактике правонарушений в сфере миграции как средства борьбы с незаконной миграцией // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2020. № 2. EDN: HBRWPO.
23. Стручков Ю.Н. Отдельные аспекты административно-правового принуждения в сфере миграции как метода обеспечения правопорядка // Миграционное право. 2025. № 1. DOI: 10.18572/2071-1182-2025-1-42-44 EDN: LAAURO.
24. Малахова И.В. Административно-правовое противодействие незаконной миграции // Человек: преступление и наказание: сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов, Рязань, 25 марта 2022 года. Рязань: Издательство, 2022.
25. Козлов В.Ф., Лукьянов А.С. Консолидация национального законодательства в сфере противодействия незаконной миграции // Российская юстиция. 2015. № 3. EDN: TLUGOT.
26. Дорошенко О.М. Актуальные вопросы деятельности миграционной службы по соблюдению правил миграционного учета иностранных несовершеннолетних граждан // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. 2016. EDN: VXRQIT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, понятие профилактики незаконной миграции. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Незаконная миграция во всем мире приобрела колossalный оборот. Согласно статистическим данным МВД РФ только в Российской Федерации с начала 2024 г. число нелегальных мигрантов выросло ориентировочно на 40%[1]. Как можно заметить из анализа законодательства и правоприменительной практики миграционная политика активно развивается, о чем свидетельствуют значительное

изменение нормативно-правовых актов, а также официальные отчеты государственных органов по работе в рассматриваемой области. Как справедливо отмечено в научной литературе одно из приоритетных направлений государственной политики в миграционной области является эффективное противодействие незаконной миграции, представляющей реальную угрозу безопасности как личности, так и всего государства [1, с. 255]. Предупреждение незаконной миграции является межотраслевым и прикладным вопросом, что подтверждается административно-правовой, уголовно-правовой и трудовой либо дисциплинарной регламентацией. В настоящее время возможно рассуждать о существовании миграционного права, как подотрасли административного права [2, с. 70], в которой предупреждение незаконной миграции выделено в качестве института [3, с. 81]. Подтверждением этому служит, в том числе суждение о необходимости кодификации миграционного законодательства путем создания миграционного кодекса [4; 5; 6]. Не вступая в полемику данной проблемы, отметим, что безусловно миграционное и административное право взаимосвязаны между собой. Действительно большинство норм, регламентирующих миграционно-правовые отношения, находятся в пределах управленческой деятельности государственных органов и должностных лиц". Ученый раскрывает степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Вопросы незаконной миграции достаточно «масштабны», что нашло свое отражение во многих трудах современных ученых. В частности, на монографическом уровне затронуты вопросы административно-правового регулирования противодействия незаконной миграции [7], криминологического предупреждения обозначенного феномена [8; 9; 10; 11; 12] и т.д. Вместе с тем, стоит обратить внимание, что большинство исследователей акцентируют внимание исключительно на уголовно-правовых и криминологических аспектах предупреждения незаконной миграции. Помимо прочего, ввиду отсутствия легального понятия анализируемого явления, исследователи по-разному подходят к его пониманию, что детерминирует проблему его объективного восприятия. Обсуждение данной проблемы встречается в научной литературе".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, из представленных семантических свойств можно сделать однозначный вывод о разном значении перечисленных слов. С учетом этого думается, что правильнее рассуждать о профилактике незаконной миграции, так как такая деятельность осуществляется на постоянной основе и на разных стадиях правоотношений, в том числе на тех, которые еще не возникли и могут возникнуть в будущем. Помимо прочего подобная деятельность реализуется на всех уровнях предупреждения (общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном). Вместе с тем, рассмотренные термины близки по своему значению друг к другу, что делает возможным в определенных случаях и ситуациях использовать их в качестве синонимов. Подобное подтверждается юридической техникой изложения текста нормативно-правовых актов, в том числе в миграционной сфере"; "Проблема понимания профилактики незаконной миграции детерминирована рядом обстоятельств: а) отсутствие легального понимания данного термина; б) наличие спора о выделении обозначенного термина в качестве института миграционного права; в) различным подходом законодателя, правоприменителя, так и научного сообщества к определению терминов, связанного с профилактикой деятельностью; г) отсутствием систематизированного миграционного законодательства"; "Обобщение законодательных подходов к профилактике правонарушений и преступлений, отыскание семантического значения, а также аккумулирование некоторых докторальных подходов к определению исследуемого термина позволило разработать его авторское видение. Так, профилактика незаконной миграции – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих

незаконному перемещению через границу определенного государства и присутствие на территории такого государства мигрантов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует сущность понятия "профилактика незаконной миграции" и предлагает свое видение данной проблемы. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Как можно заметить из анализа законодательства и правоприменительной практики миграционная политика активно развивается, о чем свидетельствуют значительное изменение нормативно-правовых актов, а также официальные отчеты государственных органов по работе в рассматриваемой области" - "Как можно заметить из анализа законодательства и правоприменительной практики, миграционная политика активно развивается, о чем свидетельствуют значительное изменение нормативно-правовых актов, а также официальные отчеты государственных органов по работе в рассматриваемой области" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Как справедливо отмечено в научной литературе одно из приоритетных направлений государственной политики в миграционной области является эффективное противодействие незаконной миграции, представляющей реальную угрозу безопасности как личности, так и всего государства [1, с. 255]" - "Как справедливо отмечено в научной литературе, одним из приоритетных направлений государственной политики в миграционной области является эффективное противодействие незаконной миграции, представляющей реальную угрозу безопасности как личности, так и всего государства [1, с. 255]" (см. на орфографию).

Автор указывает: "Как верно отмечено в исследовательской литературе в научном познании понятия и определения выступают одним из фундаментальных методологических основ, обеспечивающих объективное отражение предметов и явлений [14, с. 133]" - "Как верно отмечено в исследовательской литературе, в научном познании понятия и определения выступают одной из фундаментальных методологических основ, обеспечивающих объективное отражение предметов и явлений [14, с. 133]" (см. на орфографию и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 26 источниками (монографией, диссертационными работами, научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. Ю. Андрейцо, М. О. Медведева, М.Н. Ахмедов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам всего проведенного исследования имеются ("1. Анализ научной литературы свидетельствует, что в настоящее время отсутствует универсальный подход к пониманию профилактики незаконной миграции. Большинство исследований в обозначенной области связаны с освещением криминологических аспектов

предупреждения миграционных правонарушений. 2. Проблема понимания профилактики незаконной миграции детерминирована рядом обстоятельств: а) отсутствие легального понимания данного термина; б) наличие спора о выделении обозначенного термина в качестве института миграционного права; в) различным подходом законодателя, правоприменителя, так и научного сообщества к определению терминов, связанного с профилактикой деятельностью; г) отсутствием систематизированного миграционного законодательства. 3. Обобщение законодательных подходов к профилактике правонарушений и преступлений, отыскание семантического значения, а также аккумулирование некоторых докторальных подходов к определению исследуемого термина позволило разработать его авторское видение. Так, профилактика незаконной миграции – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих незаконному перемещению через границу определенного государства и присутствие на территории такого государства мигрантов. 4. Следует отметить, что субъектный состав профилактики незаконной миграции обширен. Он, как и в других видах профилактики (например, профилактика правонарушений в целом либо профилактика безнадзорности и т.д.) может быть дифференцирован на общих и специальных субъектов. К первой группе относятся все субъекты общественных отношений, ко второй группе только те органы власти и должностные лица, к компетенции которых относится реализация миграционного законодательства"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, административного права, миграционного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования и устраниении многочисленных нарушений в оформлении работы.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Четвериков А.О. Коллективные механизмы трансфера технологий наука-бизнес в зарубежных странах: пример французских «Обществ по ускорению трансфера технологий» (юридические аспекты) // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74012 EDN: RVJSYL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74012

Коллективные механизмы трансфера технологий наука-бизнес в зарубежных странах: пример французских «Обществ по ускорению трансфера технологий» (юридические аспекты)**Четвериков Артем Олегович**

доктор юридических наук

профессор; кафедра интеграционного и европейского права; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

123001, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

✉ rossija-artem@rambler.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.74012

EDN:

RVJSYL

Дата направления статьи в редакцию:

05-04-2025

Дата публикации:

12-04-2025

Аннотация: Предметом статьи является правовой статус «обществ по ускорению трансфера технологий (ОУТТ)» — изобретенного во Франции механизма государственно-научного партнерства, посредством которого два или большее число университетов, научно-исследовательских институтов и т.п. при участии и финансовой поддержке органов публичной власти коллективно превращают результаты своего научного творчества в новые технологии и инновационную продукцию, поступающие на рынок. После анализа во введении ключевых терминов и понятий рассмотрены история возникновения ОУТТ, система источников, закрепляющих их правовой статус, принципы

и порядок функционирования. В заключении дана оценка эффективности механизма ОУТТ и, на этой основе, высказано практическое предложение о возможности и целесообразности использования аналогичного механизма в России. Использовались философские и общенаучные методы познания в сочетании со специальной методологией современной юриспруденции и других общественных наук (индукция и дедукция, анализ и синтез; историко-правовой, сравнительно-правовой методы; эмпирический анализ, метод обработки экономико-статистической информации и др.). Статья представляет собой первое в России комплексное юридическое исследование ОУТТ на фоне мирового опыта правового регулирования трансфера технологий из научного сектора в бизнес-среду. Продемонстрированы важность, сложность и неоднозначность феномена трансфера технологий, включая его юридическое понимание в источниках разных правовых систем. Применительно к французской правовой системе определено соотношение понятия «трансфер технологий» с более широкой юридической категорией «валоризация» (научных исследований и их результатов). Установлено, что во Франции — стране, которую сближает с Россией широкое использование эгатистских (предполагающих активную роль государства) подходов как в научной, так и в экономической сферах, изобретение ОУТТ являлось результатом стремления французских властей перевести мероприятия по трансферу технологий на коллективные начала, но с использованием не командно-административных (приказных) рычагов, а финансового стимулирования (государственные гранты на создание и поддержку деятельности ОУТТ). Выявлены основополагающие источники и принципы, согласно которым функционируют ОУТТ, их достижения и проблемные аспекты. В практическом плане высказано предложение о внедрении коллективных механизмов трансфера технологий наука-бизнес в России, сначала в порядке правового эксперимента.

Ключевые слова:

трансфер технологий, валоризация, исследования и разработки, эгатизм, ОУТТ, Франция, Исследовательский кодекс, Национальное исследовательское агентство, Публичный инвестиционный банк, профессиональный технический центр

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030»

Основные направления государственной политики в области научно-технологического развития и меры по ее реализации

«Формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства, повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, развитие научного предпринимательства осуществляются путем <...> организации системы трансфера технологий <...>. Создание инфраструктуры и условий, отвечающих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности и основанных на лучших российских и мировых практиках, для проведения научных исследований и разработок и внедрения научно-технических технологий обеспечивается путем <...> поддержки отдельных территорий (субъектов Российской Федерации) с высоким научно-технологическим потенциалом в целях его сохранения, укрепления и эффективного использования, а также в целях трансфера технологий <...>».

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, пункты 28-29

// Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г.

№ 145.

Введение

В XXI веке в невиданных прежде масштабах соперничество государств представляет собой гонку за первенство в получении, освоении, присвоении достижений науки. Лидеры гонки получают приз в виде новых (высоких, передовых) технологий гражданского, военного или двойного назначения, позволяющих эффективнее решать задачи внутренней политики и крепче стоять на ногах в международных делах. Отстающие рисуют стать аутсайдером во всем (в развитии промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, вооруженных сил и т.д.), а также утратить реальный суверенитет, превратившись в технологического заложника иностранных держав.

Если в этой гонке государство желает быть в числе фаворитов, ему нужно создать максимально благоприятные условия для того, чтобы результаты исследований и разработок, получаемые в стенах его научных и научно-образовательных организаций (высших учебных заведений — вузов, или, по терминологии современного российского законодательства, образовательных организаций высшего образования), не оставались лежать там мертвым грузом, а перетекали в сферу производства и оказания услуг, далее в общественное и личное потребление — чем скорее и в больших масштабах, тем лучше.

В СССР указанный вывод и, одновременно, вызов формулировался в виде постулата о превращении науки в производительную силу общества:

«Одна из характерных особенностей НТР [научно-технической революции — Авт.] в том, что по сравнению с прошлым коренным образом изменяется роль науки, завершается ее превращение в непосредственную производительную силу общества <...> Последней в конечном счете принадлежит решающая роль, поскольку именно она обеспечивает радикальные сдвиги в системе научных знаний, проникновение человека в тайны природы.

Будучи тесно связанной с производством, наука в то же время приобретает и большую самостоятельность по отношению к нему, образуя обширную и относительно автономную сферу народного хозяйства. Это знаменует новое крупное общественное разделение труда» [\[2, с. 105\]](#).

Сегодня в России и за рубежом в тех же целях употребляется выражение «трансфер (иначе — передача) технологий» или, в более широком контексте, «трансфер знаний» из научной в хозяйственную жизнь; известна и комбинированная форма «трансфер технологий и знаний» (франц. transfert de technologie et de connaissance) = «трансфер знаний и технологий» (англ. Knowledge and Technology Transfer) [\[3, с. 12, 28, 235; 4\]](#).

Трансфер технологий (далее, преимущественно, будем придерживаться этого обозначения) также приобрел статус юридической категории, используемой в национальных (внутригосударственных) правовых системах и международно-правовых актах:

Федеральный закон США «О трансфере технологий» 1986 г. (краткое наименование), или «Закон об изменении Закона Стивенсона-Вайдлера о технологических инновациях в целях содействия трансферу технологий посредством наделения управляемых правительством лабораторий правом заключать кооперационные исследовательские соглашения и посредством учреждения Федерального консорциума лабораторий по

развитию трансфера технологий внутри Национального бюро по стандартам, и в других целях» (полное наименование) [\[5\]](#);

Закон Республики Филиппины «О трансфере технологий» 2009 г. (краткое наименование), или «Закон о создании рамок и системы в поддержку владения, управления, пользования интеллектуальной собственностью, получаемой в результате финансируемых правительством исследований и разработок, ее коммерциализации, и в других целях» (полное наименование) [\[6\]](#);

раздел III «Стимулирование научных и технических исследований, инноваций, трансфера знаний (исп. transferencia del conocimiento), их распространения и научной, технологической и инновационной культуры» испанского Закона 2014 г. «О науке, технологиях и инновациях» [\[7\]](#) и дополняющий его Королевский указ той же страны «Об учреждении офисов трансфера знаний и создании их реестра» 2022 г. [\[8\]](#);

Модельный закон «О трансфере технологий и мерах по его поддержке и регулированию в государствах — участниках СНГ» (Приложение к Постановлению МПА СНГ [Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств — Авт.] от 14 апреля 2023 г. № 55-6) и т.д.

(Следует оговориться, что правоотношения по трансферу технологий складываются не только по линии *наука-бизнес*, но и в иных форматах, прежде всего, между хозяйствующими субъектами одной или разных стран, передающими друг другу лицензии на изобретения, ноу-хау и т.д. (трансфер технологий *бизнес-бизнес*).

Об этом, в частности, свидетельствуют оба варианта нормы-дефиниции (особенно, первый), которые Модельный закон «О трансфере технологий и мерах по его поддержке и регулированию в государствах — участниках СНГ» предлагает на выбор органов законодательной власти данных государств, включая Россию:

«Вариант 1

трансфер технологий — передача технологии, в том числе в целях внедрения, адаптации, применения, от одной стороны другой как в фиксированной, обезличенной форме (такой как статьи, отчеты, чертежи, оборудование и т. п.), так и в личной, нефиксированной (технические ноу-хау, профессиональные экспертные знания); процесс передачи технологии, в том числе прав на нее, от одного субъекта другому на основании соглашения, на возмездной или безвозмездной основе, в том числе предоставление сопроводительной документации в отношении технологии; оказание услуг по сопровождению или обеспечению внедрения, использования технологии; предоставление информации и навыков, необходимых для использования технологии (путем обучения персонала и (или) предоставления документации на основании соглашения о передаче технологии), включая предоставление (неисключительной) лицензии.

Вариант 2

трансфер технологий — процесс передачи результатов (прав на результаты) научной, научно-технической деятельности из сферы их получения (*разработки*) в сферу практического использования».

В Национальном стандарте Российской Федерации от 31 декабря 2016 г. «Трансфер технологий. Общие положения» (ГОСТ Р 57194.1-2016) трансфер технологий (или

трансфер технологии в единственном числе) тоже рассматривается в широком смысле, т.е. неважно, между какими субъектами, и безотносительно к тому, имеются ли среди них научные/научно-образовательные организации:

«трансфер технологии: Процесс передачи технологии и соответствующих прав на них [на технологии во множественном числе — Авт.] от передающей стороны к принимающей в целях их последующего внедрения и использования»;

«Участниками процесса трансфера технологий являются субъекты, создающие технологии или производители, т.е. передающая сторона, и субъекты, использующие готовые технологии или потребители, т.е. принимающая сторона, а также, в ряде случаев, органы государственной власти Российской Федерации и других государств».

Напротив, в справочных материалах Всемирной организации по интеллектуальной собственности (ВОИС) о трансфере технологий (а равно трансфере знаний) говорится только применительно к отношениям между наукой и бизнесом:

«Трансфер знаний и технологий (ТЗТ) — совместный процесс, который обеспечивает передачу результатов научной деятельности, знаний и интеллектуальной собственности от создателей, таких как университеты и научно-исследовательские институты, публичным и частным пользователям. ТЗТ служит преобразованию изобретений и научных результатов в новые товары и услуги, приносящие пользу обществу» [\[4\]](#).

По-разному трансфер технологий интерпретируется и в зарубежной теоретической литературе вплоть до того, что в одной и той же публикации могут присутствовать два определения трансфера: широкое, применимое к любым субъектам («перемещение ноу-хау, технических или технологических знаний из одной организации в другую»), и узкое, относящееся только к трансферу по вектору наука → бизнес («процесс, посредством которого идеи, проверки концепции, опытные образцы перемещаются из сферы “относящиеся к исследованиям” в сферу “относящиеся к продукции”») [\[9, с. 135\]](#).

Характеристику сущности, проблемных и неоднозначных моментов трансфера технологий в трудах отечественных ученых, в том числе представителей российской юридической науки, см., например: [\[10; 11; 12; 13; 14; 15; 16\]](#).

Во Франции, которая находится в центре внимания настоящей статьи, и еще в ряде других стран (например, Испания, Италия, Чили) наряду с трансфером технологий широкое распространение получил термин «валоризация». Во французской правовой системе оба понятия мы находим, в частности, в одном из ее основополагающих актов, кодифицировавшем в XXI веке национальное «право науки» — Исследовательском кодексе. Последняя книга V этого Кодекса, принятая в 2014 г., носит название «*Валоризация результатов исследований и трансфер технологий в экономику, ассоциациям и фондам, признанным общественно полезными*»; при этом ни данная книга, ни Кодекс в целом не дают легальных определений (норм-дефиниций), устанавливающих и разграничающих юридическое содержание валоризации и трансфера [\[17\]](#).

Во французском языке термин «валоризация (valorisation)» происходит от слова «*valeur*», которое означает либо абстрактная «ценность», т.е. важность, нужность, полезность вообще, либо «стоимость», т.е. экономическая ценность, обычно измеряемая в денежном выражении.

Применительно к валоризации научных достижений во Франции в теории и на практике

(в том числе в юридических документах) данный термин обычно используется во втором смысле — как «экономическая валоризация» (франц. *valorisation économique*), подтекстом которой служит стремление властей сделать научный сектор финансово рентабельным (в капиталистическом обществе наука тоже должна приносить прибыль).

В трудах французских экономистов отсюда предлагается следующее определение валоризации:

«Валоризация публичных исследований [исследований, проводимых в публичных, преимущественно государственных, научных организациях и вузах — Авт.] означает комплекс мероприятий, направленных на то, чтобы обеспечить возможность использования участниками социально-экономической жизни, чаще всего предприятиями, знаний, полученных в публичных исследовательских лабораториях» [\[3, с. 28\]](#).

Аналогичным образом валоризацию определяют государственные органы страны. В частности, в трактовке Счетной палаты Франции:

«Валоризация означает способ, посредством которого знания, полученные в ходе публичных исследований, используются предприятиями или самими исследователями для создания социально-экономической ценности [= стоимости — Авт.]».

Согласно тому же органу валоризация является многогранным процессом и протекает в разных формах, неисчерпывающий перечень которых включает:

«партнерские исследования между публичными лабораториями и предприятиями» на основании двусторонних договоров, в рамках взаимных консорциумов и путем учреждения совместных лабораторий;

«трансфер технологий, который охватывает коммерческую эксплуатацию предприятиями в форме [заключенного с ними — Авт.] лицензионного договора либо путем создания [нового — Авт.] предприятия интеллектуальной собственности или ноу-хау, полученных исследовательскими лабораториями»;

«мобильность исследователей между публичным и частным секторами [между научными учреждениями и бизнесом — Авт.], а также иные виды связей, которые способны поддерживать между собой сферу публичных исследований и частная сфера» [\[18, с. 9-10\]](#).

В том же духе экономического понимания валоризации утвержденные постановлением премьер-министра Франции от 10 февраля 2021 г. Типовые условия, в соответствии с которыми проводился последний к настоящему времени конкурс по выделению грантов «обществам по ускорению трансфера технологий» (см. ниже в настоящей статье), предусматривают:

«Валоризация, составной частью которой является трансфер технологий, обозначает здесь коммерциализацию товаров, методов и услуг, спроектированных исходя из результатов публичных исследований <...> Трансфер технологий может осуществляться либо путем передачи лицензий существующим предприятиям, либо посредством создания стартапов».

Как можно видеть, во Франции валоризация (экономическая) научных достижений и трансфер технологий (по линии наука-бизнес) соотносятся как целое и часть, как род и вид: трансфер технологий — компонент (элемент, аспект, одно из направлений)

валоризации, которая может идти еще другими путями.

Однако в реальной жизни оба понятия во Франции могут отождествляться, что и произошло в случае интересующих нас «обществ по ускорению трансфера технологий». Судя по названию, подобные общества, казалось бы, должны заниматься только «трансфером». Если же обратиться к документам, закрепляющим их правовой статус, и к их уставам, то увидим, что там речь идет уже о «валоризации»).

В современных научных и научно-образовательных организациях деятельность по трансферу технологий, а во Франции и по валоризации (экономической) результатов их научного творчества все больше приобретает черты особого вида бизнеса. Отсюда набирает обороты «профессионализация деятельности по трансферу» (франц. *professionnalisation des activités du transfert*), как характеризуют данный феномен (и, одновременно, тенденцию) французские эксперты [9, с. 123]: от эпизодических, реализуемых от случая к случаю, мероприятий вузы и научно-исследовательские институты переводят трансфер на поток, постоянно взаимодействуя с коммерческими организациями и (или) создавая собственные стартапы, и учреждая с этой целью в своем управленческом аппарате специализированные механизмы (структуры, подразделения, службы), комплектуемые тоже специально подготовленными сотрудниками (проектные менеджеры, маркетологи, юристы и т.д.).

Общепринятым обозначением подобных механизмов служит «офис трансфера технологий (OTT)» (другие варианты: «центр» или «бюро» трансфера технологий), а их роль официально определяется следующим образом:

«OTT — офис (центр) трансфера технологий — структурное подразделение Организации [университета или научно-исследовательской организации — Авт.] или самостоятельная структура, специализирующаяся на коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности, на передаче творческих продуктов и (или) технологий из науки в реальный сектор экономики и оказывающая содействие разработчикам в охране, продвижении и внедрении результатов интеллектуальной деятельности» (Политика в области интеллектуальной собственности для университетов и научно-исследовательских организаций — Типовое положение Всемирной организации интеллектуальной собственности, адаптировано для Российской Федерации. Утверждено Департаментом стран с переходной и развитой экономикой Всемирной организации интеллектуальной собственности и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации 31 июля 2018 г.) [19].

OTT исторически возникли и в подавляющем большинстве случаев функционируют как индивидуальные механизмы трансфера в том смысле, что каждый такой офис обычно обслуживает потребности одной-единственной научной/научно-образовательной организации, которая его создает и присваивает ему уникальное для него название, как то:

«Стэнфордский офис технологий» (англ. Stanford Office of Technology) в Стэнфордском университете, США;

«Офис технологических лицензий» (англ. Technology License Office) в Массачусетском технологическом университете, США;

«Университетский колледж Лондона — Бизнес» (англ. London University Colledge Business), Великобритания;

«Макс Планк — Инновации» (нем., англ. Max-Planck-Innovation) в Обществе имени Макса Планка по развитию науки, Германия;

«Исследования и разработки Лёвенского католического университета» (англ. KU Leuven Research & Development), Бельгия [\[20; 21, с. 1\]](#).

Ради обмена опытом и рассмотрения других вопросов, представляющих общий интерес, офисы трансфера технологий могут дальше объединяться во *внутригосударственные*, затем *международные ассоциации ОТТ* (формальные или неформальные), например:

«Германский союз по трансферу знаний и технологий — TransferAllianz» (нем. Deutsche Verband für Wissens- und Technologietransfer);

«Сеть по валоризации науки — NETVAL» в Италии (итал. NETwork per la VALorizzazione della Ricerca);

«Сеть центров колледжей по трансферу технологий — Сеть CCTT» в канадской провинции Квебек (франц. Réseau des CCTT = centres collégiaux de transfert de technologies);

«Ассоциация менеджеров инноваций и технологий — ITMA» в Малайзии (англ. Innovation and Technology Managers Association);

«Ассоциация европейских специалистов по трансферу научных знаний и технологий — ASTP (англ. Association of European Science and Technology Transfer Professionals);

глобальный «Альянс специалистов в области трансфера технологий — ATTP» (англ. Alliance of Technology Transfer Professionals).

Особенностью Франции служит то, что там были созданы и получили специальное юридическое закрепление еще *коллективные ОТТ*, которые оказывают соответствующие услуги нескольким или даже всем научным/научно-образовательным организациям, расположенным в том или ином регионе страны.

Французский опыт по объединению (коллективизации) ОТТ не только любопытен сам по себе, но и небезинтересен в практическом плане на предмет возможного его использования в нашей стране, которая сегодня находится в поиске собственной эффективной организации трансфера технологий с учетом лучшей мировой практики. Этому опыту в его правовом измерении посвящена настоящая статья.

История возникновения

Как и Россию, Францию принято считать страной с ярко выраженными *этатистскими традициями* (этатистский/этатизм от франц. *État* — государство), т.е. сильным вмешательством государства в общественные процессы — прежде всего, в хозяйственной сфере (в результате волн приватизации конца XX — начала XXI веков доля государственного сектора во французской экономике снизилась, но по-прежнему остается значительной; что касается научного и образовательного секторов, то подавляющее большинство составляющих его университетов, научно-исследовательских институтов и т.д. являются во Франции государственными учреждениями) [\[22; 23, с. 34\]](#).

Отличительной чертой французского (впрочем, не только французского) этатизма выступает стремление властей к созданию коллективных структур, объединяющих предприятия, другие организации по отраслевому или региональному признаку и функционирующих при поддержке, но также под контролем государства.

Для понимания исторических корней «обществ по ускорению трансфера технологий», рассматриваемых в настоящей статье, наибольший интерес представляют «промышленные технические центры — ПТЦ» (франц. centres techniques industriels — CTI). ПТЦ возникли после Второй мировой войны на основании специально посвященного им закона 1948 г., положения которого сегодня вошли в одну из глав вышеупомянутой книги V французского Исследовательского кодекса «Валоризация результатов исследований и трансфер технологий в экономику, ассоциациям и фондам, признанным общественно полезными».

Каждый ПТЦ есть не что иное, как специализированное научно-экспертное и консультационное учреждение, которое оказывает поддержку предприятиям, желающим развивать наукоемкие и высокотехнологические производства. Для этого ПТЦ комплектуются квалифицированным персоналом (большинство сотрудников — технические специалисты) и лабораториями с оборудованием для проведения измерительных и испытательных работ; заинтересованные предприятия также могут получать со стороны ПТЦ помочь в хозяйственном планировании, сертификации продукции, исследовании рынка и т.п.

Французский Исследовательский кодекс (ст. L. 521-2) определяет роль ПТЦ следующим образом:

«Целью промышленных технических центров является содействие техническому прогрессу, участие в повышении производительности и в обеспечении качества в промышленности.

С этой целью, прежде всего, они осуществляют координацию и облегчают реализацию инициатив. Они проводят необходимые лабораторные и опытно-конструкторские работы или обеспечивают их проведение и, в частности, в рамках существующего законодательства и по согласованию со специально уполномоченными организациями принимают участие в исследованиях по стандартизации и в установлении правил, позволяющих контролировать качество. Они предоставляют результаты своей работы в распоряжение заинтересованной отрасли деятельности.

Промышленные технические центры функционируют в рамках сети и должны сообщать координирующей их инстанции с согласия предприятий, обратившихся за помощью в исследованиях и инновациях, информацию, которая может способствовать вовлечению всех центров, входящих в сеть. При осуществлении таких мероприятий они следят за тем, чтобы не разглашались ставшие им известными секреты производства, если иное не установлено законом».

Также согласно французскому Исследовательскому кодексу (ст. L. 521-1, L. 521-3 — L. 521-6, R. 521-1) ПТЦ в организационном плане представляют собой «общественно-полезные учреждения» со статусом юридического лица, пользуются «административной и финансовой автономией», но подчинены «экономическому и финансовому контролю государства». ПТЦ создаются по решению «компетентного административного органа» государства «в любой отрасли деятельности, где этого требует общий интерес, <...> после получения заключения наиболее представительных профессиональных организаций работодателей и работников этих отраслей деятельности». Высший коллегиальный орган каждого ПТЦ — правление (франц. conseil d'administration), комплектуется из представителей руководителей предприятий, представителей персонала соответствующей отрасли, а также представителей высших технических учебных заведений и еще «особо компетентных лиц», выраждающих интересы

соответствующей отрасли или потребителей ее продукции. Государство представлено на заседаниях правления каждого ПТЦ правительственным комиссаром, обладающим правом отлагательного вето на его решения (вето подтверждает либо снимает глава министерства, под начало которого поставлен конкретный ПТЦ: министерство промышленности, сельского хозяйства и т.д.).

В настоящее время «Сеть ПТЦ» (франц. CTI Réseau), куда входят в профессиональные технические центры и их аналоги со всей страны, насчитывает 15 подобных учреждений. Современные французские ПТЦ действуют в разных, хотя и не во всех, отраслях национальной промышленности («Промышленный технический центр металлоконструкций», «Технический центр машиностроения», «Центр исследований и разработок бетонной промышленности» и т.д.), имеют 55 региональных отделений и насчитывают примерно 2600 сотрудников, среди которых 1900 (свыше 70 %) являются инженерами и техниками [\[24\]](#).

ПТЦ в XXI веке вдохновили французские власти на учреждение коллективных структур, объединивших на сей раз некоммерческие организации, из которых складывается сектор вузовской (университеты и т.п.) и невузовской (научно-исследовательские институты и т.п.) французской науки.

Инициатива создать офисы трансфера технологий, находящиеся в совместном пользовании двух и более научных/научно-образовательных организаций того или иного региона страны (по-французски: «mutualisation» от «mutuel» — взаимный, совместный), в том числе путем объединения (коллективизации) индивидуальных офисов трансфера, если таковые имелись, была выдвинута в 2003 г. министрами, курировавшими во французском правительстве промышленность, научные исследования и новые технологии [\[9, с. 15-16\]](#).

Для реализации этой инициативы в 2005 г. Национальное исследовательское агентство (франц. Agence nationale de recherche) — единое государственное учреждение (фонд) грантового финансирования науки, провело конкурс отбора проектов, в результате чего примерно на половине территории страны заработали «совместные механизмы трансфера технологий» (франц. dispositifs mutualisés de transfert de technologie) [\[25, с. 2-3\]](#).

Окончательное оформление идея коллективизации офисов трансфера технологий получила на рубеже первой и второй декад XXI века. В подготовленном в 2009 г. по поручению президента Франции специальной комиссией из государственных и независимых экспертов под руководством двух бывших премьер-министров страны, представляющих разные фланги политического спектра (М. Рокар — социалист; А. Жюппе — голлист, правоцентрист), докладе под названием «Инвестиции в будущее» государству было рекомендовано, среди прочего, дополнительно раскошелиться на мероприятия по «профессионализации и коллективизации (mutualisation) механизмов сопровождения трансфера технологий» [\[26\]](#).

Результатом стало принятие правительством и парламентом в 2010 г. масштабной программы, точнее, серии программ многолетних бюджетных ассигнований под названием «Программа инвестиций в будущее» (первая Программа 2010 г. — 35 млрд. евро; вторая Программа 2014 г. — 12 млрд. евро; третья Программа 2017 г. — 10 млрд. евро; четвертая Программа 2020 г. — 20 млрд. евро) [\[27\]](#) и, в этих рамках, выделение финансовых средств на создание уже по всей стране «обществ по ускорению трансфера технологий — ОУТТ» (франц. sociétés d'accélération du transfert de technologies —

SATT), как в итоге был назван интересующий нас механизм (далее без кавычек).

Вводными положениями Конвенции от 29 июля 2010 г. о финансировании ОУТТ – административно-правового договора между французским государством в целом (от имени последнего документ подписывали премьер-министр, министр, ответственный за экономику и промышленность, и министр высшего образования и исследований) – с одной стороны, и государственным же фондом грантового финансирования науки (Национальное исследовательское агентство) – с другой стороны, характер и предназначение нового механизма были определены следующим образом:

«Государство намерено повысить эффективность французской системы валоризации публичных исследований, серьезно нарастить ее результаты как в форме лицензий [предоставляемых на использование результатов интеллектуальной деятельности – Авт.], промышленных партнерств, создания предприятий, так и содействуя мобильности публичных исследователей в частный сектор и обратно. <...> 900 млн. евро [первоначальный финансовый вклад государства – Авт.] будут направлены на поддержку создания очень ограниченного числа обществ по валоризации на местах (до двенадцати) группами исследовательских учреждений и организаций. Эти общества именуются далее “общества по ускорению трансфера технологий (ОУТТ)”. Они предназначены объединить коллективы сотрудников, которые занимаются валоризацией в местах нахождения университетов, и покончить с раздробленностью таких структур, чтобы значительно увеличить эффективность трансфера технологий и создаваемую экономическую ценность. Их появление должно привести к большему профессионализму валоризации исследований и усилию компетентности [в вопросах валоризации и трансфера – Авт.]» [\[28\]](#).

Организованные затем Национальным исследовательским центром конкурсы привели к созданию в 2011 – 2014 гг. 14 ОУТТ (на два больше, чем первоначально планировалось), в том числе путем трансформации вышеупомянутых «совместных механизмов трансфера технологий». В дальнейшем это число сократилось до 13 ОУТТ, но при сохранении общегосударственного охвата, благодаря чему практически каждая французская научная/научно-образовательная организация способна найти для себя подходящее общество в своем месте нахождения и стать его членом.

Источники правового статуса

В отличие от других важнейших правовых (в том числе организационно-правовых) механизмов стимулирования экономической рентабельности научных исследований и наукоемкого бизнеса во Франции, таких как «налоговый кредит – исследования» (франц. crédit d'impôt-recherche), «совместные фонды по инвестированию в инновации» (франц. fonds communs de placement dans l'innovation) или рассмотренные выше промышленные технические центры, ОУТТ не регулируются французским Исследовательским кодексом.

С одной стороны, это может расцениваться и критиковаться как пробел указанного источника: кодекс ради того и принимается, чтобы охватить своими нормами все существенно значимые аспекты отрасли права или иной крупной сферы общественной жизни, а значимость ОУТТ для французской науки не подлежит сомнению.

С другой стороны, это же обеспечивает гибкость правового регулирования рассматриваемого механизма: позволяет властям, не затрагивая основополагающий акт французского «права науки», корректировать правила функционирования ОУТТ или даже принимать решение об их ликвидации или трансформации в иной механизм, если

дальнейшее их существование будет признано нецелесообразным.

Участие французского парламента, т.е. законодательной власти, в регулировании ОУТТ сводится к санкционированию в финансовых (бюджетных) законах ассигнований на их поддержку. В остальном вся регламентация исходит от исполнительной власти в широком смысле слова, включая не только правительство и его компетентные министерства, но также пользующиеся юридической, административной и финансовой автономией инстанции, такие как *Национальное исследовательское агентство* — упоминавшийся ранее государственный фонд грантовой поддержки науки, и *Публичный инвестиционный банк* (франц. *Banque publique d'investissement*) — национальный институт развития, сходный с российской Государственной корпорацией развития ВЭБ.РФ (бывший Внешэкономбанк).

Соответственно, основными источниками правового статуса ОУТТ служат **административно-правовые договоры нормативного характера** (франц. *contrats administratifs*), заключаемые между государством в целом (от его имени выступает правительство в лице премьер-министра и проильных министров) и названными инстанциями.

Первым из них стала подписанная на десятилетний срок Конвенция от 29 июля 2010 г. между государством и Национальным исследовательским агентством, которая юридически учредила механизм ОУТТ (см. предыдущий раздел настоящей статьи). На смену Конвенции от 29 июля 2010 г. пришли *конвенции от 19 июля 2019 г. вместе с дополнительными соглашениями 2020 – 2023 гг.*:

между теми же сторонами на предмет продления финансовой помощи для ОУТТ сначала до 29 июля 2025 г., затем до 31 декабря 2029 г. [\[29; 30; 31\]](#);

между теми же сторонами и Публичным инвестиционным банком (сам Банк как государственное учреждение «Публичный инвестиционный банк» — EPIC Bfifrance» плюс его дочерняя компания в форме акционерного общества «Bpifrance Financement SA») [\[32\]](#).

Согласно вышеуказанным источникам окончательное решение о присвоении статуса ОУТТ принимает премьер-министр, т.е. глава правительства страны. Он же посредством односторонних административных актов (франц. *actes administratifs unilatéraux*), утверждает *Типовые условия отбора проектов ОУТТ на конкурсах по выделению грантов, проводимых Национальным исследовательским агентством*. Последний к настоящему времени такой конкурс состоялся в 2021 г. согласно Типовым условиям, утвержденным постановлением премьер-министра Франции от 10 февраля 2021 г. [\[33; 34\]](#).

Исходя из положений источников, определяющих правовой статус ОУТТ в целом, государство вместе с заинтересованными научными/научно-образовательными организациями далее составляют акты и договоры, выступающие в качестве **учредительных документов** каждого отдельного ОУТТ:

контракт о предоставлении финансирования (франц. *contrat bénéficiaire*), посредством которого Национальное исследовательское агентство обязуется выделить определенные суммы денежных средств (с правом финансового контроля за их расходованием), а научные/научно-образовательные организации принимают корреспондирующие обязательства по достижению заданных показателей эффективности, представлению финансовой отчетности и т.п. (подписание контракта — непременное условие, только при

выполнении которого научная/научно-образовательная организация может войти в состав ОУТТ);

устав (франц. *statuts*), куда, с одной стороны, инкорпорируются предусмотренные вышеупомянутыми источниками права стандартные правила для всех ОУТТ, с другой стороны, вносятся положения, отражающие специфику конкретного ОУТТ (наименование, участники, место нахождения, размер уставного капитала и т.д.).

Принципы создания и функционирования

1. Добровольность. Создание ОУТТ — результат инициативы самих научных/научно-образовательных организаций, которые желают объединить свои индивидуальные офисы трансфера технологий или создать их с нуля, если подобных офисов у них раньше не существовало. Государство поощряет подобные инициативы исключительно методом финансового «пряника», обещая предоставить денежную поддержку, если проект создания или продолжения функционирования конкретного ОУТТ будет отобран в ходе конкурса, организованного Национальным исследовательским агентством, и утвержден премьер-министром страны.

Как показала практика, финансовое стимулирование в данном случае является весьма действенным, оставляя, тем не менее, научным/научно-образовательным организациям простор для собственных «капризов».

Так, крупнейший представитель невузовского подсектора французской науки, действующий в масштабах всей страны и включающий научно-исследовательские институты по всем отраслям знаний — Национальный научно-исследовательский центр (франц. *Centre national de la recherche scientifique — CNRS*), активно поддержал новый механизм и вошел в состав всех 13 ОУТТ.

Напротив, Комиссариат по атомной энергии и альтернативным видам энергии (франц. *Commissariat à l'énergie atomique et aux énergies alternatives — CEA*) — другой флагман французской науки (тоже невузовской), который сегодня проводит исследования и разработки не только в энергетической сфере, занял скептическую позицию. Позднее Комиссариат все же согласился присоединиться к ОУТТ в некоторых регионах, но продолжает развивать трансфер технологий, в основном, через свой собственный (индивидуальный) офис, которым он — первый среди французских научных организаций — обзавелся еще в 1957 г.

Если научная/научно-образовательная организация не хочет (или пока не готова) войти в состав ОУТТ, но желает наладить с ним взаимодействие и пользоваться его услугами, то допустимо использование схемы *двустороннего партнерства* на основании договоров, заключаемых между ней и конкретным ОУТТ как самостоятельными юридическими лицами. По данной схеме с некоторыми региональными ОУТТ работают, в частности, такие общегосударственные научные организации, как Национальный исследовательский институт в области информатики и автоматики (франц. *Institut national de recherche en informatique et en automatique — INRIA*) или Национальный институт агрономических исследований (франц. *Institut National de la Recherche Agronomique — INRA*), преобразованный в 2020 г. в Национальный исследовательский институт в области сельского хозяйства, продовольствия и окружающей среды(франц. *Institut national de recherche pour l'agriculture, l'alimentation et l'environnement — INRAE*).

(Если не указано иное, статистическая и иная справочная информация о функционировании ОУТТ приводится в соответствии с оценочными докладами,

подготовленными Счетной палатой и комиссией по финансам Сената — верхней палаты парламента Франции [\[18; 35\]](#).

2. Неисключительность (неэксклюзивность). Изначально ОУТТ проектировались французскими властями как механизм одного окна (франц. *guichet unique*) в области трансфера технологий наука-бизнес, который «должен был заменить все существующие на местах подразделения университетов и исследовательских организаций, отвечающие за трансфер» [\[36\]](#).

Однако жизнь пошла по иному пути. Французские научные/научно-образовательные организации не только не принуждаются входить в состав ОУТТ, но и, если входят, по этому случаю *не обязаны отказываться от индивидуальных офисов трансфера*, как они и поступили в подавляющем большинстве случаев. Отсюда — делают вывод французские исследователи ОУТТ — в качестве коллективных офисов трансфера технологий ОУТТ «не заменяют», а только «дополняют собой» индивидуальные офисы, которые продолжают работать во французских вузах и научно-исследовательских институтах [\[9, с. 57, 61\]](#).

Равным образом появление ОУТТ не повлекло за собой ликвидации *других организаций, которые занимаются трансфером технологий на общегосударственном и региональном уровнях* — таких как «региональные центры инноваций и трансфера технологий» (франц. *Centres régionaux d'innovation et de transfert de technologie — CRITT*), функционирующие с 80-х гг. XX века.

Подобного рода множественность (плурализм) организационных структур, с одной стороны, придает французской организации трансфера технологий дополнительную сложность с элементами дублирования (одни и те же мероприятия в пользу одной и той же научной/научно-образовательной организации выполняют сотрудники как ее индивидуального, так и коллективного офиса, т.е. ОУТТ), а также делает ее более дорогостоящей (дополнительные расходы на оплату труда персонала разных офисов трансфера, на аренду помещений и т.д.).

С другой стороны, благодаря этому в трансфере технологий получают развитие конкурентные начала, когда разные офисы трансфера соревнуются между собой за клиентуру, а научные/научно-образовательные организации и их сотрудники получают возможность обращаться к тем, кто, по их мнению, справится лучше, либо, не добившись успеха в одном офисе, повторять попытку в другом (своеобразный рынок услуг по трансферу технологий).

3. Региональный характер. Исторический прообраз ОУТТ — промышленные технические центры (ПТЦ), которые оказывают услуги предприятиям по развитию наукоемких производств, сформированы по отраслевому признаку — машиностроение, бетонная промышленность и т.д. (см. предыдущий раздел настоящей статьи).

В ОУТТ использование отраслевого подхода не представляется возможным, поскольку лишь часть научных/научно-образовательных организаций имеют специализированный характер; другие же (в частности, все университеты и крупнейшие многодисциплинарные научные организации, такие как Национальный научно-исследовательский центр) являются многодисциплинарными учреждениями, т.е. проводят исследования и разработки в разных отраслях как науки, так и народного хозяйства.

В основу ОУТТ, таким образом, положен территориальный (региональный) критерий: они объединяет научные/научно-образовательные организации, расположенные в тех или иных регионах — крупнейших единицах административно-территориального деления

страны и, одновременно, «территориальных коллективах» (франц. *collectivités territoriales*) с собственными органами и прерогативами публичной власти, которые определяются Общим кодексом территориальных коллективов Франции [37].

После территориальной реформы 2014 г. количество регионов в европейской части Франции было сокращено с 22 до 13; столько же сегодня насчитывается и ОУТТ. Однако это не означает, что географически каждый ОУТТ привязан к одному-единственному региону. Существуют ОУТТ, распространяющие деятельность на несколько регионов. С другой стороны, есть и такие регионы, где созданы два или большее число ОУТТ (лидирует столичный регион Иль-де-Франс, на территории которого работают три ОУТТ с разным составом участников).

Не возбраняется и параллельное членство в разных ОУТТ. Этой возможностью, в частности, пользуются научные организации общегосударственного характера (напомним, что крупнейшая из них — Национальный научно-исследовательский центр, вошла в состав всех ОУТТ).

Региональный характер ОУТТ подразумевает, что осуществляемый ими трансфер технологий должен быть ориентирован, в первую очередь, в сторону местного бизнеса, а значит на поддержку экономического и научно-технологического развития своего региона или своей группы регионов. На практике свыше 40 % лицензий на изобретения или другие интеллектуальные права ОУТТ, действительно, предоставляют предприятиям по месту своего нахождения. Однако речь идет о среднестатистическом показателе, величина которого у конкретных ОУТТ может варьироваться от 20 % до 70 % [38, с. 8].

Региональный характер не исключает дальнейшей отраслевой (тематической) специализации внутри конкретных ОУТТ между разными их структурными подразделениями или сотрудниками их персонала. К примеру, ОУТТ «AxLR — Средиземноморская Окситания» (объединяет двенадцать региональных и общегосударственных научных/научно-образовательных организаций, работающих на юге Франции: Университет г. Монпелье и Национальный научно-исследовательский центр — крупнейшие участники, плюс еще три местных университета, Национальный институт здравоохранения и медицинских исследований, Национальная высшая школа химии г. Монпелье и др.) трансфер технологий организован по двум «стратегическим тематическим полюсам», которые, как указано в отчетной документации данного ОУТТ, «отражают экосистему публичных исследований» в регионе его функционирования: Полюс «Инженерные науки» («химия, материалы и процессы»; «математика, информатика, физика систем») и Полюс «Науки о жизни» («здравоохранение и биотехнологии»; «агрономия и окружающая среда»; «гуманитарные и общественные науки») [39, с. 9].

4. Статус частно-правовой корпорации. Хотя подавляющее большинство научных/научно-образовательных организаций, входящих в состав ОУТТ, выступают государственными учреждениями (т.е. публично-правовыми юридическим лицами), ОУТТ создаются и действуют в плоскости французского частного (точнее, торгового) права и представляют собой корпорации в российском смысле этого слова («Юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган»: ст. 65.1 «Корпоративные и унитарные юридические лица» Гражданского кодекса Российской Федерации).

Согласно источникам, определяющим правовой статус ОУТТ (см. предыдущий раздел настоящей статьи), они создаются в организационно-правовой форме «упрощенного

акционерного общества», кратко SAS (франц. société par actions simplifiée). В отличие от обычного «акционерного общества», кратко SA (франц. société anonyme), которое было предусмотрено во Франции еще ее первым Торговым кодексом 1807 г. (ныне действующий Торговый кодекс принят в 2000 г. в виде законодательной части, к которой в 2007 г. добавилась регламентарная часть, утверждаемая правительством), форма упрощенного акционерного общества появилась сравнительно недавно (в 1994 г.) с целью облегчить учреждение «совместных дочерних предприятий» (франц. filiales communes) [\[40, с. 550\]](#).

В SAS по сравнению с SA участники (члены) обладают значительно более широкой свободой усмотрения в установлении правил внутреннего функционирования, включая определение размера уставного капитала (достаточно одного евро, тогда как для SA минимальный размер ныне составляет 37 тыс. евро). С другой стороны, у SAS акции не могут быть объектом биржевой или аналогичной торговли на открытых площадках (SAS, таким образом — всегда непубличные общества).

В уставы ОУТТ также неизменно добавляется условие о том, что прием в них новых участников требует согласия тех, кто в них уже состоит. Следовательно, ОУТТ в форме SAS являются еще акционерными обществами закрытого типа.

Итак, ОУТТ де-юре и де-факто есть не что иное, как совместные предприятия учреждений французской науки, через которые может проводиться весь спектр коммерческих операций по трансферу создаваемых ими технологий (а равно по валоризации результатов их исследований в иных формах). В источниках правового статуса ОУТТ и их уставах особо оговариваются правомочия заключать торговые (коммерческие) договоры и учреждать новые компании, прежде всего, стартапы.

Согласно тем же документам ОУТТ могут делегировать часть своих функций иным организациям, руководствуясь положениями Закона «О субподряде» 1975 г. [\[41\]](#).

ОУТТ не запрещено оказывать услуги сторонним лицам (например, во исполнение договоров о партнерстве с научными научно-образовательными организациями, которые не пожелали войти в их состав). Однако такая деятельность должна носить вспомогательный характер, а в центре внимания всегда должно находиться обслуживание участников данного конкретного ОУТТ.

Например, в Уставе ОУТТ «Париж-Саклэ» (участники из числа научных/научно-образовательных организаций: Университет «Париж-Саклэ», Парижский политехнический институт и Национальной научно-исследовательский центр) данное условие изложено следующим образом:

«Общество является обществом по ускорению трансфера технологий (ОУТТ). В рамках валоризации исследований предметом его деятельности служат — прямо или косвенно, во Франции или за рубежом — защита, валоризация и продвижение инноваций, в основном, его участников и, дополнительно, других его клиентов» (ст. 2 «Предмет деятельности Общества») [\[42\]](#).

Фактический размер уставного капитала ОУТТ, оплачиваемого примерно на треть государством (см. ниже), способен достигать значительных величин с тенденцией к дальнейшему увеличению. Так, у двух вышеупомянутых ОУТТ он измеряется миллионами евро: у ОУТТ «Париж-Саклэ» уставный капитал составляет ровно 1 млн. евро, а у ОУТТ «AxLR — Средиземноморская Окситания» после 2022 г. в результате дополнительной

эмиссии акций на 90 тыс. евро повышен с 1 млн. 112 тыс. евро до 1 млн. 202 тыс. евро [43].

Наконец, акционерная форма ОУТТ позволяет дифференцировать финансовый вклад, а значит и влияние на процесс принятия решений разных научных/научно-образовательных организаций: у более крупных и богатых организаций они выше, у менее крупных и не столь богатых — ниже. К примеру, согласно уставу ОУТТ «AxLR — Средиземноморская Окситания» два его крупнейших участника — Университет г. Монпелье и Национальный научно-исследовательский центр, имеют и оплачивают по 216 и 230 акций соответственно; остальные десять состоящих в данном ОУТТ научных/научно-образовательных организаций являются владельцами от 10 до 42 акций каждая (номинальная стоимость одной акции — 1 тыс. евро).

5. Участие центральной и местной администрации. Органы публичной власти и управления Франции не только определяют статус и оказывают финансовую помощь ОУТТ, но и — вместе с научными/научно-образовательными организациями — входят в их состав на правах акционеров, продвигая в каждом из них интересы государства в целом или соответствующего региона (хотя французские научные/научно-образовательные организации, как отмечалось, в большинстве своем выступают государственными учреждениями, в качестве самостоятельных юридических лиц во главу угла они ставят собственные интересы, которые не обязательно совпадают с задачами национальной/региональной научно-технологической, экономической и иной политики).

Общегосударственные интересы в ОУТТ олицетворяет Публичный инвестиционный банк. Согласно документам, определяющим правовой статус ОУТТ, в каждом ОУТТ Публичный инвестиционный банк должен контролировать 26 — 33 % уставного капитала, что является еще одной формой государственной поддержки подобных структур. Согласно тем же документам доля уставного капитала ОУТТ, контролируемого научными/научно-образовательными организациями, должна составлять максимум 67 % (минимальный порог не фиксируется).

Чтобы в руководстве ОУТТ государство не оказалось в роли простого статиста, вышеуказанные документы и, в соответствии с ними, уставы каждого ОУТТ предусматривают, что ключевые решения, принимаемые правлением ОУТТ, нуждаются в согласии членов правления, назначенных Публичным инвестиционным банком (сюда относятся, в частности, принятие бизнес-плана и ежегодного бюджета ОУТТ, решения об ассигнованиях на сумму свыше 120 тыс. евро и др.). Что касается назначения президента — высшего должностного лица ОУТТ, то его кандидатура требует не только одобрения членов правления, представляющих Публичный инвестиционный банк (= государство), но и предварительно рассматривается в правительстве.

Важно и то, что при назначении Публичным инвестиционным банком в правления ОУТТ представителей государства, назначены должны происходить из разных ведомств, которые способны иметь неодинаковое видение на деятельность ОУТТ и могут контролировать поведение друг друга. А именно, в каждом ОУТТ Публичный инвестиционный банк назначает по три члена правления: один представляет сам этот Банк; второй — министра, курирующего научные исследования; третий — министра, курирующего промышленность.

Всего правление каждого ОУТТ должно насчитывать максимум тринадцать (в исключительных случаях четырнадцать) человек. Помимо трех представителей

государства, от трех до восьми представителей являющихся участниками (акционерами) научных/научно-образовательных организаций и еще одного представителя государства, выступающего в качестве независимого эксперта, членами правления могут становиться один-два представителя органов местной администрации — *регионов и метрополий* (крупных городских агломераций), если данные территориальные коллективы входят в состав ОУТТ и, в качестве акционеров, тоже вносят вклад в его финансирования.

В отличие от центральной, участие местной администрации в ОУТТ является факультативным. Например, в одном из двух ранее взятых в качестве иллюстрации обществ они есть — регион «Окситания» и метрополия «Средиземноморский Монпелье» в ОУТТ «AxLR — Средиземноморская Окситания» (контролируют и оплачивают в равных долях, в общей сложности, 9,32 % уставного капитала), в другом их нет — в ОУТТ «Париж Саклэ».

6. Объединение в сеть. Вскоре после своего возникновения ОУТТ на добровольных началах объединились в «Сеть ОУТТ» (франц. Réseau SATT), имеющую собственного председателя (на этот пост избирается президент одного из ОУТТ).

Сеть ОУТТ имеет статус ассоциации (общественного объединения) в значении Закона «О договоре ассоциации» 1901 г. [44].

Согласно декларации о создании от 30 мая 2014 г. предметом деятельности ассоциации «Сеть ОУТТ» является «проведение совместных мероприятий членов с целью повысить эффективность их работы, сделать их более известными и понятными, в частности, путем использования сообща имеющихся средств и совместного информирования о своей деятельности; развитие механизма, олицетворяемого ОУТТ в целом; представительство членов в отношениях с третьими сторонами, следуя принципам, которые будут установлены» [45].

Заключение

Об эффективности любого механизма судят по результатам его работы. У французских обществ по ускорению трансфера технологий (ОУТТ) они есть, и прогноз на будущее позитивный, хотя не все изначально складывалось гладко.

С одной стороны, как отмечалось, французские научные/научно-образовательные организации, хотя и в разной степени (наиболее сдержано — Комиссионат по атомной энергии и альтернативным видам энергии, активно занимающийся трансфером собственных технологий еще с середины XX века), поддержали правительенную инициативу по созданию между собой на региональной основе коллективных структур, каковыми выступают ОУТТ — тем более, что под эту инициативу были обещаны и продолжают выделяться государственные финансовые ресурсы.

С другой стороны, те же самые организации, за редкими исключениями, отказались пожертвовать ради ОУТТ своими индивидуальными офисами трансфера (там, где они существовали). В результате на место изначально планировавшегося французскими властями для ОУТТ «принципа исключительности (или эксклюзивности)» (франц. principe d'exclusivité), как его называет Счетная палата Франции [18, с. 29-30], пришел противоположный принцип неисключительности (неэксклюзивности), когда ОУТТ являются лишь одним из множества элементов в национальной организации трансфера, конкурируя с аналогичными механизмами на уровне государства, регионов и в рамках самих научных/научно-образовательных организаций.

В оценочных докладах Сената и Счетной палаты, подготовленных по итогам первой пятилетки функционирования ОУТТ, в критическом плане также было обращено внимание на их «неравные результаты» (франц. résultats inégaux). Некоторые ОУТТ взяли высокий старт, но были и такие, которые работали малоэффективно [\[18, с. 41; 35, с. 57\]](#).

Теми же государственными инстанциями были высказаны другие замечания, например, упреки (которые, впрочем, могут быть адресованы любым офисам трансфера технологий — коллективным и индивидуальным, французским и нефранцузским) в краткосрочном видении и планировании будущего в ущерб долгосрочной стратегии развития, и по поводу акцента на сугубо количественные (валовые) показатели эффективности, такие как количество предоставленных (проданных) бизнесу лицензий на использование результатов интеллектуальной деятельности, приобретаемых, в том числе, иностранными компаниями, что вряд ли способствует продвижению национальных интересов.

Согласно новейшему оценочному докладу, обнародованному в конце 2024 г. одним из французских неправительственных мозговых центров, ОУТТ сегодня «находятся на позитивной траектории развития», более того, вошли в когорту «лучших организаций трансфера технологий в международном сопоставлении», а по некоторым показателям обогнали зарубежные аналоги. К примеру, каждое французское ОУТТ в среднем ежегодно создает 6,15 стартапов, тогда как в других европейских странах на один университетский/институтский офис трансфера технологий в среднем приходится 1,3 стартапа в год.

Согласно тому же докладу в других европейских странах подавляющее большинство (96 %) офисов трансфера технологий являются индивидуальными, т.е. обслуживают потребности одной-единственной научной/научно-образовательной организации. Французские коллективные ОУТТ в среднем объединяют по 12 учреждений вузовской и невузовской науки и превосходят офисы трансфера технологий других европейских стран по размеру персонала: в среднем 43 сотрудника на одно ОУТТ против среднего европейского показателя в 11 человек на офис [\[21\]](#).

Главным козырем ОУТТ как коллективного механизма трансфера технологий, очевидно, выступает порождаемый им эффект масштаба: то, что научные/научно-образовательные организации раньше делали либо не могли полноценно делать самостоятельно (исследования рынка, рекламные кампании и т.д.), теперь для них, вместе взятых, делает персонал их общего ОУТТ. Эффект масштаба, но уже на общегосударственном уровне, усиливает совместная деятельность ОУТТ в рамках их национальной ассоциации (Сеть ОУТТ).

«Ярчайшей иллюстрацией тому — отмечал в конце 2024 г. президент ОУТТ «Париж-Саклэ» и, одновременно, председатель Сети ОУТТ, — служит платформа Tech-365, которая предоставляет промышленности прямой доступ к более чем 450 предложениям технологий, подготовленных к использованию [разными — Авт.] ОУТТ. В ходе проведенных в июле 2024 г. мероприятий Tech-365 и благодаря платформе Tech-365 в режиме видеоконференции было организовано свыше 1100 деловых встреч экспертов ОУТТ с 450 предприятиями. На 2025 г. ставится цель удвоить эту величину» [\[46\]](#).

О положительном влиянии ОУТТ на развитие трансфера технологий еще свидетельствуют положительные отзывы французских ученых, опрошенных французскими сенаторами:

«Созданы подлинные команды, ответственные за сопровождение исследователей в

доведении их [научного — Авт.] проекта до завершающей стадии и, далее, в изыскании путей его коммерциализации <...> Некоторые исследователи и предприниматели, заслуженные вашим [комиссии по финансам Сената — Авт.] докладчиком, отметили, что ОУТТ проявляют большую активность в нахождении проектов для валоризации, проводя мероприятия по их выявлению, которые раньше слабо присутствовали в университетах и научных организациях. Они [исследователи — Авт.] указали, что в прошлом валоризация результатов их работы имела место, только когда они сами обращались к компетентным службам исследовательских учреждений и организаций.

Один из исследователей даже заявил, что без ОУТТ он, вероятно, никогда и не подумал бы о валоризации многих результатов своей работы <...> До появления ОУТТ исследователей, по всей видимости, даже не спрашивали в их лабораториях насчет перспектив валоризации их исследовательских работ <...>

Другие [исследователи — Авт.] также обратили внимание на реальную ангажированность команд ОУТТ на достижение цели трансфера предлагаемой технологии, в то время как раньше соответствующие исследовательские организации могли больше интересоваться патентованием результатов и меньше — их коммерческой валоризацией. Еще было обращено внимание на способность лиц, ответственных за развитие бизнеса [сотрудников ОУТТ, курирующих связи с деловыми кругами — Авт.], понимать содержание деятельности и потребности предприятий на предмет использования предлагаемых им проектов.

Аналогичным образом, было обращено внимание на усиление профессионализма валоризации [результатов — Авт.] исследований в том, что касается защиты интеллектуальной собственности и управления ею. Так, ОУТТ привлекли на работу специализированных юристов, которые смогли нарастить очень глубокие компетенции в некоторых секторах. Еще были созданы специфические и потенциально очень редко встречавшиеся до сих пор на территории страны виды профессий, такие как инженер по патентной работе» [\[35, с. 51\]](#).

В максимальной выгоде от создания ОУТТ находятся *менее крупные, расположенные в отдалении от главных научных и образовательных центров страны, скромные по своим финансовым возможностям, университеты и институты, в некоторых из которых, по свидетельству французской Счетной палаты, до появления ОУТТ трансфером технологий занимался всего-навсего один человек* [\[18, с. 60\]](#).

Объединение сил и средств в ОУТТ, отсюда, способствует *уравниванию шансов больших и малых, богатых и бедных, столичных и провинциальных научных/научно-образовательных организаций, а вместе с этим сбалансированному развитию разных частей страны*: ведь функционирующие в региональном масштабе ОУТТ работают, преимущественно, с местным бизнесом.

Не следует сбрасывать со счетов и такой фактор, как стимулирование *совместных прикладных исследований и разработок* разных вузов и научно-исследовательских институтов: в рамках каждого регионального ОУТТ для осуществления сложных и междисциплинарных проектов трансфера, требующих интеграции творческого потенциала научного сектора определенного региона, и по всей стране (под эгидой Сети ОУТТ) для налаживания взаимодействия между научными/научно-образовательными организациями разных регионов.

* *

*

Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации поставлена задача создания эффективной, отвечающей современным вызовам и потребностям отечественной модели трансфера технологий, учитывающей лучшие российские и мировые практики (см. эпиграф к настоящей статье). Составной частью такой практики могут считаться французские общества по ускорению трансфера технологий (ОУТТ), рассмотренные в настоящей статье — не идеальный (идеал вряд ли достижим), но имеющий ряд серьезных достоинств правовой механизм государственно-научного партнерства по продвижению достижений науки в повседневную жизнь. Данный механизм, отсюда, заслуживает того, чтобы добавить его в нашу копилку полезного зарубежного опыта, чтобы с соответствующими изменениями (для учета нашей специфики) попробовать испытать его на российской почве — сначала в экспериментальном режиме, затем, не исключено, и на постоянной основе.

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030»

Библиография

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
2. Политическая экономия: Учебник для вузов / Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И. и др. М.: Политиздат, 1988. — 735 с.
3. Pott A. Valorisation de la recherche publique, nature des impacts et contribution des offices de transfert. Education. Thèse de doctorat de Sciences Economiques. Université de Strasbourg, 2022. — 347 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://theses.hal.science/tel-04359815v1/file/PORT_Antoine_2022_ED221.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
4. WIPO [World Intellectual Property Organization]. Knowledge and Technology Transfer: Supporting the life cycle of technology, from inception to market diffusion and commercialization. What is Knowledge and Technology Transfer? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.wipo.int/web/technology-transfer/>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
5. Federal Technology Transfer Act of 1986 — An Act to amend the Stevenson-Wydler Technology Innovation Act of 1980 to promote technology transfer by authorizing Government-operated laboratories to enter into cooperative research agreements and by establishing a Federal Laboratory Consortium for Technology Transfer within the National Bureau of Standards, and for other purposes. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg1785.pdf>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
6. Philippine Technology Transfer Act of 2009 — An Act Providing the Framework and Support System for the Ownership, Management, Use, and Commercialization of Intellectual Property Generated from Research and Development Funded by Government and for Other Purposes. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://lawphil.net/statutes/repacts/ra2010/ra_10055_2010.html> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
7. Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-9617#:~:text=Esta%20ley%20establece%20el%20marco,problemas%20esenciales%20de%20la%20sociedad>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

8. Real Decreto 984/2022, de 22 de noviembre, por el que se establecen las Oficinas de Transferencia de Conocimiento y se crea su Registro. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2022-19918>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
9. Oumohand O. Les structures intermédiaires entre les laboratoires de recherche publique et les entreprises. Thèse de doctorat d'Université Paris-Est. Champ disciplinaire: Sciences de gestion. Université Paris-Est, 2020. — 401 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://pastel.hal.science/tel-03128897/document>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
10. Козлова Е. Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера // Цивилист. 2024. № 4. — С. 44-53. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://civilistmag.ru/tpost/dx9r21x2v1-defekti-pravovogo-regulirovaniya-dogovor>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
11. Латынцев А. В. Предложения по определению термина «Трансфер технологии» // Журнал российского права. 2017. № 4 (244). — С. 62-69. DOI: [10.12737/article_58e39ece836e75.34264006](https://doi.org/10.12737/article_58e39ece836e75.34264006).
12. Рыбкина Е. А., Хайруллин Р. Н. Трансфер технологий в России и за рубежом // Инновации. 2018. № 9 (239). — С. 45-52.
13. Салицкая Е. А. Правовой статус государственных вузов и научных организаций в контексте трансфера технологий // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 2 (12). — С. 71-89.
14. Сотников А. А., Ершова И. Г. Угрозы и факторы реализации трансфера технологий в национальной инновационной системе // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (54). — С. 238-240.
15. Трансфер технологий в инновационной экономике: учебник для вузов / А. Ю. Анисимов [и др.]; под общей редакцией А. Ю. Анисимова, О. А. Пятаевой. М.: Юрайт, 2024. — 251 с.
16. Трансфер технологий в инновационной экономике: учебник для вузов / А. Ю. Анисимов [и др.]; под общей редакцией А. Ю. Анисимова, О. А. Пятаевой. М.: Юрайт, 2024. — 251 с.
17. Code de la recherche. Livre V: La valorisation des résultats de la recherche et le transfert de technologie en direction du monde économique et des associations et fondations, reconnues d'utilité publique. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071190/LEGISCTA000028617033/#LEGISCTA000028617033>; <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071190/LEGISCTA000048771908/#LEGISCTA000048771908> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
18. Cour des comptes. Les outils du programme d'investissements d'avenir (PIA) consacrés à la valorisation de la recherche publique: Une forte ambition stratégique, des réalisations en retrait. Rapport public thématique. Mars 2018. — 226 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.info.gouv.fr/upload/media/organization/0001/01/sites_default_files_contenu_piece-jointe_2021_01_rapport_cour_des_comptes_outils_pia_valorisation_recherche_2018-03.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
19. Политика в области интеллектуальной собственности для университетов и научно-исследовательских организаций. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://base.garant.ru/72076928/>>; <https://minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/10/Politika_v_oblasti_IS_s_VOIS.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
20. Теребова С. В., Волкова С. А. Принципы и практика функционирования зарубежных центров трансфера технологий // Экономические и социальные перемены: факты,

- тенденции, прогнозы. 2011. № 1 (13). — С. 101-107.
21. Réseau SATT. Les SATT parmi les meilleurs Organismes de transfert de technologies internationaux. Communiqué de presse. 4 février 2025. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.satt.fr/wp-content/uploads/2025/02/ReseauSATT_Communique_International.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
22. Секачева А. Теоретические подходы к формированию внешнеэкономической политики Франции на современном этапе ее развития // Международная жизнь. 11.02.2023. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://interaffairs.ru/news/show/38962>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
23. Benninghoff M., Ramuz R. Les transformations des systèmes de recherche publique suisse et français // Politiques et management public. 2022. Vol. 20. № 1. — P. 31 – 47. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.persee.fr/doc/pomap_0758-1726_2002_num_20_1_2704> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
24. CTI Réseau: La force d'un réseau. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://reseau-cti.com/le-reseau-cti/la-force-dun-reseau/>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
25. Gorry Ph., Haunold Ch. Dispositifs mutualisés de transfert de technologies et de valorisation de la recherche: exemple et bilan. Séminaire Ressources technologiques et innovation. Séance du 27 avril 2011. — 12 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/278815759_Dispositifs_mutualises_de_transfert_technologique_et_de_valorisation_de_la_recherche_exemple_et_bilan?enrichId=rqreq-99bdf9e08c42be1d0db6e8d13d2acb09-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdIOzI3ODgxNTc1OTtBUzo1MDg3NjQ2NjM4OTQwMTZAMTQ5ODMxMDM1NjkzNQ%3D%3D&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
26. Investir pour l'avenir: Priorités stratégiques d'investissement et emprunt national. 19 novembre 2009. P. 70. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://reseau-cti.com/le-reseau-cti/la-force-dun-reseau/>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
27. Secrétariat général pour l'investissement (SGPI): Le Programme d'investissements d'avenir. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.info.gouv.fr/actualite/le-programme-d-investissements-d-avenir>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
28. Investissements d'avenir, convention Etat-ANR Action: «valorisation — Fonds national de valorisation». 29 juillet 2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000022630213>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
29. Convention du 19 août 2019 (portant avenant n° 7 à la convention du 29 juillet 2010 entre l'Etat et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action: «Valorisation - Fonds national de valorisation»). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038937614?init=true&page=1&query=Valorisation+-+Fonds+national+de+valorisation&searchField=ALL&tab_selection=all> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
30. Convention du 4 mars 2020 portant avenant n° 1 à la convention du 19 août 2019 entre l'Etat et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action : «Valorisation - Fonds national de valorisation»). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000041690869?init=true&page=1&query=convention+du+4+mars+2020+portant+avenant+&searchField=ALL&tab_selection=all> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
31. Avenant n° 1 du 17 octobre 2023 à la convention du 4 mars 2020 portant avenant n° 1 à

la convention du 19 août 2019 entre l'Etat et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action «Valorisation - Fonds national de valorisation»). [Электронный ресурс] — Режим доступа:

<https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000048236428?init=true&page=1&query=convention+du+4+mars+2020+portant+avenant+&searchField=A LL&tab_selection=all> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

32. Convention du 19 août 2019 entre l'Etat, l'EPIC Bpifrance, Bpifrance [Financement SA] et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action: «Valorisation-Fonds national de valorisation relative au Fonds d'investissement dans les SATT»). [Электронный ресурс] — Режим доступа:

<<https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038937610>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

33. Arrêté du 10 février 2021 relatif à l'approbation du cahier des charges de l'appel à projets «Accélération des SATT». [Электронный ресурс] — Режим доступа:

<<https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043155863>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

34. Agence nationale de recherche. Investissement d'avenir. Action: Fonds national de valorisation. Volet: Acceleration. Cahier des charges de l'Appel à Projets. Date de lancement: 22 février 2021. Date de clôture: 15 septembre 2021 — 12h. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://anr.fr/fileadmin/aap/2021/ia-satt-2021.pdf>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

35. Sénat. Rapport d'information fait au nom de la commission des finances sur les sociétés d'accélération du transfert de technologies (SATT). Enregistré à la Présidence le 26 juillet 2017. № 683. — 134 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа:

<<https://www.senat.fr/rap/r16-683/r16-6831.pdf>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

36. Loi de programmation pluriannuelle de la recherche. Groupe de travail 3 Recherche partenariale et innovation. Rapport. 23.09.2019. P. 15. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/sites/default/files/content_migration/document/RAPPORT_FINAL_GT3_Researche_partenariale_et_innovation_1178466.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

37. Code général des collectivités territoriales [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070633> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

38. Développement d'une méthode d'étude de l'impact des 14 SATT: Rapport final.

Technopolis Group. Octobre 2020. [Электронный ресурс] — Режим доступа:

<https://www.technopolis-group.com/wp-content/uploads/2021/02/satt_rapport_final_vf_2020-10-16.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

39. SATT AxLR Occitanie. Rapport d'activités 2023. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.technopolis-group.com/wp-content/uploads/2021/02/satt_rapport_final_vf_2020-10-16.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

40. Vidal D. Droit des sociétés. Paris: LGDJ, 2003. — 674 p.

41. Loi n° 75-1334 du 31 décembre 1975 relative à la sous-traitance. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000889241/>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

42. SATT Paris Saclay. Statuts. Mis à jour le 8 juillet 2022 // Registre du commerce et des sociétés. RCS: EVRY. Code greffe: 7801. Numéro de section: 2014 B 02633. Numéro SIREN: 853 858 430. Nom du dénominateur: SATT Paris Saclay. Numéro de dépôt: 13327. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.pappers.fr/entreprise/satt-paris->>

saclay-803858430/documents/SATT%20PARIS%20SACLAY%20-%20Statuts%20mis%20%C3%A0%20jour%2021-07-2022.pdf (дата обращения: 08.04.2025 г.).

43. AxLR, SATT Occitanie Méditerranée. Procès-verbal des décisions du président du 16 fevrier 2022 // Registre du commerce et des sociétés. Actes des sociétés (A). Numéro de gestion: 2012 B 02548. Numéro SIREN: 753 642 248. Nom ou dénomination: SATT Occitanie Méditerranée. Enregistré le 04/03/2022 sous le numéro de dépôt 4281. P. 2. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.pappers.fr/entreprise/axlr-satt-occitanie-mediterranee-753642248/documents/AXLR%2C%20SATT%20OCCITANIE%20MEDITERRANEE%20-%20Statuts%20mis%20%C3%A0%20jour%2004-03-2022.pdf>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

44. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006069570>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

45. Annonce № 1596. Département de Paris. Déclaration à la préfecture de police. Association des SATT // Annexe au Journal officiel de la République française. № 24. 14 juin 2014.

46. Les évolutions et défis du Réseau SATT par Xavier Apolinarski. 23.10.2024. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <<https://www.linksium.fr/magazine/portraits/les-evolutions-et-defis-du-reseau-satt-par-xavier-apolinarski>> (дата обращения: 08.04.2025 г.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, коллективные механизмы трансфера технологий наука-бизнес в зарубежных странах. Автор сосредоточил внимание на анализе юридических аспектов функционирования французских «обществ по ускорению трансфера технологий». Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В XXI веке в невиданных прежде масштабах соперничество государств представляет собой гонку за первенство в получении, освоении, присвоении достижений науки. Лидеры гонки получают приз в виде новых (высоких, передовых) технологий гражданского, военного или двойного назначения, позволяющих эффективнее решать задачи внутренней политики и крепче стоять на ногах в международных делах. Отстающие рискуют стать аутсайдером во всем (в развитии промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, вооруженных сил и т.д.), а также утратить реальный суверенитет, превратившись в технологического заложника иностранных держав. Если в этой гонке государство желает быть в числе фаворитов, ему нужно создать максимально благоприятные условия для того, чтобы результаты исследований и разработок, получаемые в стенах его научных и научно-образовательных организаций (высших учебных заведений — вузов, или, по терминологии современного российского законодательства, образовательных организаций высшего образования), не оставались лежать там мертвым грузом, а перетекали в сферу производства и оказания услуг, далее в общественное и личное

потребление — чем скорее и в больших масштабах, тем лучше" и др. Дополнительно ученому необходимо раскрыть степень изученности поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется во вводе автором в научный оборот массива сведений, имеющих непосредственное теоретическое и практическое значение: "Согласно новейшему оценочному докладу, обнародованному в конце 2024 г. одним из французских неправительственных мозговых центров, ОУТТ сегодня «находятся на позитивной траектории развития», более того, вошли в когорту «лучших организаций трансфера технологий в международном сопоставлении», а по некоторым показателям обогнали зарубежные аналоги. К примеру, каждое французское ОУТТ в среднем ежегодно создает 6,15 стартапов, тогда как в других европейских странах на один университетский/институтский офиса трансфера технологий в среднем приходится 1,3 стартапа в год. Согласно тому же докладу в других европейских странах подавляющее большинство (96 %) офисов трансфера технологий являются индивидуальными, т.е. обслуживают потребности одной-единственной научной/научно-образовательной организации"; "Главным козырем ОУТТ как коллективного механизма трансфера технологий, очевидно, выступает порождаемый им эффект масштаба: то, что научные/научно-образовательные организации раньше делали либо не могли полноценно делать самостоятельно (исследования рынка, рекламные кампании и т.д.), теперь для них, вместе взятых, делает персонал их общего ОУТТ. Эффект масштаба, но уже на общегосударственном уровне, усиливает совместная деятельность ОУТТ в рамках их национальной ассоциации (Сеть ОУТТ)"; "Объединение сил и средств в ОУТТ, отсюда, способствует уравниванию шансов больших и малых, богатых и бедных, столичных и провинциальных научных/научно-образовательных организаций, а вместе с этим сбалансированному развитию разных частей страны: ведь функционирующие в региональном масштабе ОУТТ работают, преимущественно, с местным бизнесом. Не следует сбрасывать со счетов и такой фактор, как стимулирование совместных прикладных исследований и разработок разных вузов и научно-исследовательских институтов: в рамках каждого регионального ОУТТ для осуществления сложных и междисциплинарных проектов трансфера, требующих интеграции творческого потенциала научного сектора определенного региона, и по всей стране (под эгидой Сети ОУТТ) для налаживания взаимодействия между научными/научно-образовательными организациями разных регионов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует коллективные механизмы трансфера технологий наука-бизнес в зарубежных странах на примере Франции. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Как и Россию, Францию принято считать страной с ярко выраженным этатистскими традициями (этатистский/этатизм от франц. *État* — государство), т.е. сильным вмешательством государства в общественные процессы — прежде всего, в хозяйственной сфере..." - "Как и Россию, Францию принято считать страной с ярко выраженным этатистскими традициями (этатистский/этатизм от франц. *État* — государство), т. е. сильным вмешательством государства в общественные процессы — прежде всего, в хозяйственной сфере...." (опечатки).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются

опечатки.

Библиография исследования представлена 46 источниками (монографией, научными статьями, учебником, правовыми документами, аналитическими материалами), в том числе на английском и французском языках. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы многочисленными примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Об эффективности любого механизма судят по результатам его работы. У французских обществ по ускорению трансфера технологий (ОУТТ) они есть, и прогноз на будущее позитивный, хотя не все изначально складывалось гладко. С одной стороны, как отмечалось, французские научные/научно-образовательные организации, хотя и в разной степени (наиболее сдержано — Комиссионный комитет по атомной энергии и альтернативным видам энергии, активно занимающийся трансфером собственных технологий еще с середины XX века), поддержали правительственную инициативу по созданию между собой на региональной основе коллективных структур, каковыми выступают ОУТТ — тем более, что под эту инициативу были обещаны и продолжают выделяться государственные финансовые ресурсы. С другой стороны, те же самые организации, за редкими исключениями, отказались пожертвовать ради ОУТТ своими индивидуальными офисами трансфера (там, где они существовали). В результате на место изначально планировавшегося французскими властями для ОУТТ «принципа исключительности (или эксклюзивности)» (франц. principe d'exclusivité), как его называет Счетная палата Франции [18, с. 29-30], пришел противоположный принцип неисключительности (неэксклюзивности), когда ОУТТ являются лишь одним из множества элементов в национальной организации трансфера, конкурируя с аналогичными механизмами на уровне государства, регионов и в рамках самих научных/научно-образовательных организаций. В оценочных докладах Сената и Счетной палаты, подготовленных по итогам первой пятилетки функционирования ОУТТ, в критическом плане также было обращено внимание на их «неравные результаты» (франц. résultats inégaux). Некоторые ОУТТ взяли высокий старт, но были и такие, которые работали малоэффективно [18, с. 41; 35, с. 57]. Теми же государственными инстанциями были высказаны другие замечания, например, упреки (которые, впрочем, могут быть адресованы любым офисам трансфера технологий — коллективным и индивидуальным, французским и нефранцузским) в краткосрочном видении и планировании будущего в ущерб долгосрочной стратегии развития, и по поводу акцента на сугубо количественные (валовые) показатели эффективности, такие как количество предоставленных (проданных) бизнесу лицензий на использование результатов интеллектуальной деятельности, приобретаемых, в том числе, иностранными компаниями, что вряд ли способствует продвижению национальных интересов. Согласно новейшему оценочному докладу, обнародованному в конце 2024 г. одним из французских неправительственных мозговых центров, ОУТТ сегодня «находятся на позитивной траектории развития», более того, вошли в когорту «лучших организаций трансфера технологий в международном сопоставлении», а по некоторым показателям обогнали зарубежные аналоги. К примеру, каждое французское ОУТТ в среднем ежегодно создает 6,15 стартапов, тогда как в других европейских странах на один университетский/институтский офис трансфера технологий в среднем приходится 1,3 стартапа в год"; "Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации поставлена задача создания

эффективной, отвечающей современным вызовам и потребностям отечественной модели трансфера технологий, учитывающей лучшие российские и мировые практики (см. эпиграф к настоящей статье). Составной частью такой практики могут считаться французские общества по ускорению трансфера технологий (ОУТТ), рассмотренные в настоящей статье — не идеальный (идеал вряд ли достижим), но имеющий ряд серьезных достоинств правовой механизм государственно-научного партнерства по продвижению достижений науки в повседневную жизнь. Данный механизм, отсюда, заслуживает того, чтобы добавить его в нашу копилку полезного зарубежного опыта, чтобы с соответствующими изменениями (для учета нашей специфики) попробовать испытать его на российской почве — сначала в экспериментальном режиме, затем, не исключено, и на постоянной основе" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устраниении нарушений в оформлении статьи.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Калис М.Н. Динамика материального правоотношения на терминальной стадии // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74197 EDN: KTYZUI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74197

Динамика материального правоотношения на терминальной стадии

Калис Мария Николаевна

ORCID: 0009-0004-4446-7195

старший преподаватель; кафедра гражданского и корпоративного права; Санкт-Петербургский государственный экономический университет

190005, Россия, г. Санкт-Петербург, Адмиралтейский р-н, ул. 7-я Красноармейская, д. 6-8

✉ law.kalismaria@gmail.com[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.74197

EDN:

KTYZUI

Дата направления статьи в редакцию:

21-04-2025

Дата публикации:

28-04-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию терминальной стадии динамики материального правоотношения — особого периода между выражением одной из сторон воли на прекращение правоотношения и его фактическим юридическим прекращением. Автор, принимая во внимание сложившиеся в науке подходы к понятию динамики правоотношения, исходит из того, что данный этап обладает самостоятельным значением, как с точки зрения юридического содержания, так и с точки зрения правовых последствий. В рамках исследования рассматриваются случаи, в которых прекращение правоотношения происходит в результате сложного юридического состава, включая волеизъявление стороны, действия суда и поведение контрагента. Актуальность темы обусловлена отсутствием единообразного подхода к определению момента прекращения правоотношения и неопределенностью правового статуса

действий сторон на терминальной стадии. Использованы диалектический, формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Применяется метод правового моделирования и анализ судебной практики. Научная новизна исследования заключается в том, что введено понятие терминальной стадии правоотношения как самостоятельного этапа его динамики. Обосновано, что прекращение правоотношения может иметь сложную внутреннюю структуру и быть ретроспективным по своим последствиям. Предложена классификация терминальных стадий по формам прекращения, основаниям и характеру правового эффекта. Основные выводы, сделанные по результатам исследования: 1) При внеюрисдикционной форме терминальной стадии выбор того, будет ли правоотношение прекращено перспективно или ретроспективно, зависит от соглашения сторон. 2) При юрисдикционной форме терминальной стадии ретроспективное прекращение правоотношений возможно лишь в случаях, когда обращение в юрисдикционный орган связано с наличием спора о праве, а не является обязательным в силу закона. При определении момента прекращения должно приниматься во внимание, когда наступили иные обстоятельства, необходимые для прекращения правоотношения, и когда воля на такое прекращение была доведена до сведения контрагента, а также продолжилось ли осуществление регулятивного правоотношения. 3) «Исцеление» правоотношения на терминальной стадии – прекращение охранительного правоотношения и сохранение регулятивного – возможно по воле обеих сторон или по инициативе лица, заявившего о таком прекращении (например, путем отказа от иска). Устранение нарушений, повлекших переход на терминальную стадию, такого «исцеления» не влечет.

Ключевые слова:

динамика правоотношения, прекращение правоотношения, юридические факты, стадии правоотношения, расторжение договора, расторжение брака, охранительные правоотношения, ретроспективное расторжение, терминальная стадия правоотношения, преобразовательный иск

Введение

Понятие «динамика правоотношения» весьма распространено в юридической литературе. Зачастую авторы, говоря о «динамике», «влиянии на динамику» и «месте в динамике» не конкретизируют, что именно они понимают под динамикой правоотношения – как если бы данное понятие не требовало разъяснения.

Определяя содержание понятия «динамика правоотношения» В. Ф. Попондопуло предлагал подразделять динамику правоотношений на динамику в широком смысле, связанную с изменением правового регулирования той или иной сферы общественных отношений, и в узком смысле – как их возникновение, изменение, прекращение (динамика правоотношения как формы права, происходящая под воздействием норм права). Кроме того, в зависимости от того, соответствует ли динамика правоотношения в узком смысле требованиям закрепляющей его нормы права, он предлагал выделять нормальную и аномальную стадии динамики, которую рассматривал в качестве «развития содержания правоотношения»^[1].

Хотя мнение о том, что к динамике любого вида гражданского правоотношения относятся такие стадии его развития, как возникновение, изменение и прекращение^[2], является наиболее распространенным в юридической литературе, данная точка зрения не

является единственной [3,4].

Так, С. С. Алексеев указывал на то, что движение гражданского правоотношения не может быть сведено к перечисленным трем «главным этапам его развития» («внешним метаморфозам»), гражданскому правоотношению присуще «внутреннее развитие» – примером которого является переход в результате правонарушения в состояние притязания и «стадию принудительного осуществления» гражданского правоотношения [5, с. 294]. Идея о том, что динамика правоотношения не ограничивается возникновением и прекращением, высказывается и некоторыми современными авторами – например, предлагается выделять стадию «трансформации правоотношения» [6]. Однако данное направление исследований не имеет широкой популярности в настоящее время.

Понятие динамики правоотношения неразрывно связано с теорией юридических фактов – обстоятельств, с которыми норма права связывает наступление юридически значимых последствий. Так, например, Р. О. Халфина в главе, посвященной динамике правоотношений, рассматривала именно понятие и классификацию юридических фактов; в работе отмечалось, что «необходимость определенного юридического факта для возникновения и развития правоотношения ... подчеркивает неразрывную связь реального поведения и правовой формы, невозможность в реальной жизни отделить одно от другого» [7, с. 286].

Вместе с тем, перечисленные ранее возникновение, изменение и прекращение правоотношения являются именно юридически значимыми последствиями, а не стадиями динамики правоотношения. Вследствие этого исследование динамики правоотношения фактически сводится к исследованию юридических фактов, влекущих наступление указанных последствий.

Однако интерес представляет и развитие правоотношения при накоплении юридического состава, необходимого для их наступления. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим вопросы динамики правоотношения в период его прекращения по инициативе одной из сторон.

Ни в законодательстве, ни в литературе для обозначения данного периода не используются какие-либо термины. В рамках настоящей работы мы предлагаем для его описания использовать выражение «терминальная стадия правоотношения». Оно не является общеупотребительным, но перекликается с используемым в зарубежной юридической литературе для описания периода расторжения договора понятием «termination stage» [8], а также отражает характерную для данного этапа необратимость причин, послуживших основанием для движения к прекращению правоотношений.

Предметом настоящего исследования будет выступать, таким образом, определение и обоснование особенностей динамики материального правоотношения на терминальной стадии развития, продолжающейся от момента выражения стороной правоотношения намерения прекратить правоотношения до их прекращения.

Исследование основано на применении диалектического метода, позволившего рассматривать материальное правоотношение в развитии – от выражения воли на прекращение до его завершения. Формально-юридический метод использован для анализа нормативных положений, регулирующих прекращение правоотношений, и выявления их внутренней логики. Системный подход применён для рассмотрения правоотношения как целостной структуры, элементы которой изменяются в ходе его

динамики, особенно на терминальной стадии. Метод правового моделирования позволил предложить классификацию ситуаций терминальной стадии по способу, основаниям и характеру прекращения правоотношения. Анализ судебной практики осуществлялся с использованием метода обобщения эмпирического материала: изучены правовые позиции судов по делам о расторжении договоров, прекращении обязательств и брачных отношений. Комплексная методология исследования направлена на выявление особенностей развития правоотношения на завершающей стадии его существования и формулирование предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Дискуссионные вопросы динамики правоотношения на терминальной стадии.

Первый дискуссионный вопрос связан с тем, в какой момент правоотношение будет считаться прекратившимся: в момент наступления завершающего юридический состав юридического факта или в иной момент, в том числе более ранний по времени?

Само по себе ретроспективное наступление правовых последствий дляящихся юридических процедур известно отечественному законодательству и практике. Например, принятое наследство считается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства (п. 4 ст. 1152 ГК РФ); срок действия исключительного права на изобретение исчисляется с момента подачи заявки (п. 1 ст. 1363 ГК РФ); в состав наследства может быть включено недвижимое имущество, в отношении которого гражданин подал заявление о приватизации, но умер до государственной регистрации права собственности (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 года № 8).

Иной подход применяется к прекращению правоотношений. Например, согласно ст. 25 Семейного кодекса РФ, брак, расторгаемый в органах записи актов гражданского состояния, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде - со дня вступления решения суда в законную силу. По общему правилу, при одностороннем отказе от договора он считается прекращенным с даты получения контрагентом уведомления об отказе (п. 1 ст. 450.1 ГК РФ), а при расторжении по соглашению сторон - с момента заключения соглашения (абз. 1 п. 3 ст. 453 ГК РФ); иное в обоих перечисленных случаях может быть определено соглашением сторон.

При расторжении в судебном порядке договор считается расторгнутым, по общему правилу, с момента вступления в законную силу решения суда – однако федеральным законом от 24.07.2023 N 347-ФЗ абз. 2 п. 3 ст. 453 ГК РФ был изложен в редакции, предоставляющая суду право предусмотреть иную дату, с которой обязательства считаются соответственно измененными или прекращенными. Такая дата определяется судом исходя из существа договора и (или) характера правовых последствий его изменения, но не может быть ранее даты наступления обстоятельств, послуживших основанием для изменения или расторжения договора. Потребность в установлении возможности ретроспективного прекращения договорных правоотношений при расторжении договора в судебном порядке была в значительной степени обусловлена потребностями практики, выявившимися в период распространения коронавирусной инфекции, породившей большое число споров о расторжении договоров в связи с существенным изменением обстоятельств^[91]. Арендаторы, ссылаясь на утрату потребности в аренде помещения из-за невозможности осуществления предпринимательской деятельности в период пандемии, фактически прекращали арендные правоотношения задолго до того, как будет вынесено решение суда – однако действовавшее в тот период законодательство не позволяло суду определить момент

расторжения договора исходя из фактических правоотношений сторон.

Практика применения судами указанных положений абз. 2 п. 3 ст. 453 ГК РФ в новой редакции свидетельствует о том, что наиболее распространено применение оговорки о ретроспективном характере расторжения договора именно в арендных правоотношениях (см., напр., Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2025 N Ф08-11795/2024 по делу N А53-41045/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.02.2025 N Ф05-28716/2024 по делу N А40-294785/2023; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.12.2024 N Ф03-4624/2024 по делу N А73-7862/2023), в иных правоотношениях (например, возникающих из договора поставки) суды зачастую не усматривают оснований для расторжения с даты, предшествующей вступлению решения в силу, даже при схожих фактических обстоятельствах (например, при наличии уведомления поставщиком покупателя о невозможности поставки определенных товаров по причине внешнеэкономических и санкционных ограничений: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.03.2025 N Ф02-638/2025 по делу N А19-18682/2023).

Следовательно, в период рассмотрения преобразовательного иска стороны не только не знают, будет ли правоотношение прекращено или изменено, но и не могут знать когда это произойдет – ни с точки зрения конкретной календарной даты в будущем, ни с точки зрения применения судом норм, позволяющих самостоятельно определять момент, когда, например, договор будет считаться расторгнутым.

Сказанное в значительной степени связано с вторым дискуссионным вопросом – о последствиях наступления в ходе терминальной стадии правоотношения юридически значимых обстоятельств, не входящих в состав, необходимый для прекращения правоотношения, а также о возможности «исцеления» правоотношения – предотвращения его прекращения и возвращения к нормальному развитию.

Так, исследователи задавались вопросом о правовых последствиях смерти одного из супругов в период с момента выражения воли на расторжение брака до момента его расторжения, в том числе – в период рассмотрения иска о расторжении брака. И исходя из вышеупомянутых положений ст. 25 Семейного кодекса РФ, и в соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании», в случае расторжения брака в судебном порядке бывший супруг наследодателя лишается права наследовать в указанном качестве, если соответствующее решение суда вступило в законную силу до дня открытия наследства (то есть до смерти супруга). Производство по делу о расторжении брака должно быть прекращено в связи с тем, что сторона умерла и правоотношение не допускает правопреемства, на основании ст. 220 ГПК РФ. При этом в литературе отмечается, что по законодательству Германии при наличии поданного в суд заявления о расторжении брака переживший супруг лишается права наследования; аналогичные положения имеются в законодательстве Сербии, Хорватии и Литвы^[10].

Попытки «исцелить» правоотношение после его перехода на терминальную стадию связаны, как правило, с устранением контрагентом нарушений, послуживших основанием для изъявления другой стороной воли на прекращение правоотношений. В судебной практике высказано две противоположные позиции относительно последствий таких действий.

Согласно п. 8 Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от

05.05.1997 N 14), требование о расторжении договора аренды не подлежит удовлетворению, если в разумный срок устраниены нарушения, послужившие основанием для обращения в арбитражный суд.

Схожая позиция применительно к основаниям принудительной ликвидации была высказана в п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. N 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации»: не может быть ликвидировано по основанию, предусмотренному пунктом 3 статьи 26 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», юридическое лицо, которое хотя и после предъявления иска о его ликвидации, но до вынесения решения судом первой инстанции сообщило регистрирующему органу сведения, предусмотренные подпунктами «а» - «д», «л» пункта 1 статьи 5 названного Федерального закона.

Иной подход был высказан в пункте 23 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 N 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», где указано, что даже после устранения арендатором допущенных им нарушений арендодатель вправе в разумный срок предъявить иск о расторжении договора. Фактически данная позиция должна исключить применение п. 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 N 14 в случаях, когда истец обратился в суд в разумный срок.

Однако и после появления новой позиции суды в ряде случаев отказывают в удовлетворении исков о расторжении договора (см., напр., Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.02.2015 N Ф05-373/2015 по делу N A41-66870/13; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.06.2020 N Ф01-9171/2020 по делу N A31-235/2019). Отвергая ссылку на актуальное толкование суды указывают, что разъяснения 2011 года «касаются права арендодателя предъявить в разумный срок иск о расторжении договора после уплаты долга и не содержат указания на наличие у суда обязанности по расторжению договора в таком случае».

При этом существует значительное число судебных актов, в которых суды, несмотря на устранение ответчиком нарушений, повлекших предъявление иска о расторжении договора, удовлетворяют такие иски (см., напр., Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.04.2022 N Ф02-1403/2022 по делу N A19-7796/2021; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.11.2014 N Ф05-12208/14 по делу N A41-4224/14; Определение ВС РФ от 26.08.2016 года по делу N 309-ЭС16-10089).

Таким образом, практика испытывает потребность в определении конкретных последствий добровольного исполнения требований, невыполнение которых повлекло обращение в суд с преобразовательными исками, направленными на изменение или прекращение правоотношений. Предложенные варианты процессуального поведения в отсутствие обоснования причин их выбора используются судами неоднозначно.

При внесудебном прекращении договора – например, в связи с односторонним отказом стороны от договора в связи с допущенными другой стороной нарушениями – описанная ситуация также может возникнуть: например, после направления продавцом уведомления об отказе от договора в связи с просрочкой оплаты со стороны покупателя, но до его получения его покупателем, последним исполнена обязанность по оплате. В аналогичной ситуации суд согласился с позицией покупателя, настаивавшего на

надлежащем исполнении им обязательств, и не поддержал продавца, утверждавшего, что договор прекращен в связи с односторонним отказом (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.02.2025 по делу № А41-12899/2021).

Взаимосвязь между особенностями терминальной стадии правоотношения и его динамикой

Полагаем необходимым классифицировать правоотношения, находящиеся на терминальной стадии, для определения особенностей их динамики.

По способу прекращения терминальная стадия может протекать как во внеюрисдикционной, так и в юрисдикционной (либо административной) формах. При этом выбор юрисдикционной формы в подавляющем большинстве случаев связан с наличием спора о праве – так как используется при невозможности прекращения правоотношений на основании одностороннего волеизъявления или по соглашению сторон; однако, например, в случае с расторжением брака в судебном порядке спор о праве может отсутствовать (расторжение по согласию обоих супругов, но при наличии несовершеннолетних детей). Данная классификация определяет, какой именно юридический факт будет являться завершающим для накопления юридического состава; кроме того, в случае прекращения правоотношения в юрисдикционной форме порядок и последствия прекращения правоотношений определяются не самими сторонами, а юрисдикционным органом.

В зависимости от причин прекращения терминальная стадия может быть связана или не связана с наличием нарушений со стороны контрагента. При этом нарушение порождает право воспользоваться таким способом защиты, который предполагает прекращение правоотношения. В случае, если основанием прекращения не является нарушение, то сторона, не изъявившая волю на прекращение отношения, своими односторонними действиями «исцелить» правоотношение – так как факт нарушения не входит в юридический состав, необходимый для прекращения правоотношения.

По характеру правового эффекта терминальная стадия может предполагать прекращение правоотношения с момента наступления завершающего юридический состав факта, т. е. «перспективно» (ex nunc) и прекращение с ретроспективным эффектом (ex tunc). Поскольку для внеюрисдикционного способа прекращения правоотношений выбор между указанными вариантами может определяться волей сторон, необходимо обосновать соответствующий выбор (или его отсутствие) для случаев юрисдикционного прекращения правоотношений.

В случае, если юрисдикционная форма прекращения правоотношения является обязательной в силу закона (например, в случае с расторжением брака), целью ее установления является предоставление шанса на исцеление правоотношения совместными действиями сторон (примирение и отказ от расторжения брака). В отличие от других упомянутых ранее дляящихся процедур, завершающихся принятием юрисдикционным, административным или иным аналогичным органом или лицом решения, где дляящаяся процедура предназначена для выполнения соответствующим органом проверочных мероприятий (проверка заявки на изобретение, оснований для принятия наследства, наличия оснований для приватизации), при расторжении брака судом или органами ЗАГС в период с момента подачи заявления о расторжении брака до момента его расторжения не выполняются аналогичные действия. Следовательно, поскольку завершение процедуры расторжения брака может быть осуществлено только в случае, если стороны совместно не изменили своего решения, прекращение

правоотношения в этом случае не может быть ретроспективным – так как в противном случае утрачивался бы установленный законодателем смысл подобного «примирительного периода»

Если же обращение к юрисдикционной форме связано с наличием спора о праве, и при его отсутствии правоотношения могли бы быть прекращены по соглашению сторон, то обоснованным является прекращение судом правоотношения с момента, когда наступили все иные элементы юридического состава, необходимого для прекращения правоотношения, фактически регулятивные правоотношения не осуществлялись (например, было освобождено арендованное помещение, не осуществлялись поставки товара), и стороной, впоследствии обратившейся за прекращением в юрисдикционном порядке, была доведена до контрагента воля на прекращение правоотношения.

В случае обращения к юрисдикционному порядку прекращения отношений из-за несогласия другой стороны на прекращение по соглашению сторон, с момента доведения до иной стороны воли на прекращение правоотношения (а в ряде случаев и раньше – например, при расторжении договора аренды – по истечении срока, установленного в указанном в ст. 619 ГК РФ предупреждении о необходимости исполнения обязательства) возникает охранительное правоотношение с иным содержанием по сравнению с регулятивным правоотношением: оно направлено на прекращение правоотношений и может быть принудительно реализовано.

Поэтому в таких случаях устранение обязанным лицом нарушения, повлекшего возникновение у другой стороны права требовать прекращения правоотношений, само по себе не может «исцелить» правоотношение – так как «исцеление» предполагало бы прекращение охранительного правоотношения и сохранение регулятивного, однако действия по исполнению обязанностей, входящих в содержание регулятивного правоотношения, не направлены на удовлетворение притязания охранительного.

Заключение и выводы.

В рамках проведенного исследования обосновано, что период прекращения правоотношения, охватывающий промежуток времени от выражения воли на прекращение до фактического юридического прекращения правоотношения, может рассматриваться в качестве отдельной – терминальной – стадии правоотношения.

Выявлены ключевые дискуссионные вопросы динамики правоотношения на данной стадии: неопределенность момента прекращения и возможность ретроспективного прекращения, а также неоднозначность последствий устраниния нарушений, послуживших основанием для возникновения намерения осуществить прекращение правоотношений.

Для теоретического обоснования выводов по указанным дискуссионным вопросам предложена классификация терминальных стадий по критериям: форма прекращения (юрисдикционная/внеюрисдикционная), основания прекращения (вследствие нарушения/по иным причинам), характер правового эффекта (*ex nunc/ex tunc*).

Сформулированы следующие выводы:

- 1) При внеюрисдикционной форме терминальной стадии выбор того, будет ли правоотношение прекращено перспективно или ретроспективно, зависит от соглашения сторон.
- 2) При юрисдикционной форме терминальной стадии возможность ретроспективного

прекращения связана с тем, является ли обращение в юрисдикционный или административный орган обязательным в силу закона или вызвано наличием спора. Если такое обращение является обязательным, прекращение наступает лишь с момента принятия соответствующим органом решения (или его вступления в силу), т.е. не ретроспективно; если же обращение обусловлено нежеланием контрагента прекращать правоотношения на основании соглашения – то юрисдикционный орган может прекратить правоотношения с момента, когда наступили все иные элементы юридического состава, необходимого для прекращения правоотношения, фактически регулятивные правоотношения не осуществлялись и стороной, впоследствии обратившейся за прекращением в юрисдикционном порядке, была доведена до контрагента воля на прекращение правоотношения;

3) После доведения до контрагента воли на прекращение правоотношения устранение причин (нарушений) не может стать препятствием для такого прекращения, в том числе – по результатам обращения в юрисдикционный орган, так как уже возникло охранительное правоотношение, содержанием которого является право требовать прекращения регулятивных отношений. Если же прекращение правоотношения не связано с нарушениями, допущенными другой стороной, то она тем более не может своими односторонними действиями воспрепятствовать такому прекращению. «Исцеление» правоотношения – прекращение охранительного правоотношения и сохранение регулятивного – возможно по воле обеих сторон или по инициативе лица, заявившего о таком прекращении (например, путем отказа от иска).

Библиография

1. Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность / В. Ф. Попондопуло. - Владивосток : Дальневосточный ун-т, 1985. - 112 с. EDN: XPCAFN.
2. Лунева Е. В. Статика и динамика вещных правоотношений: новый взгляд на проблему / Е. В. Лунева // Российский журнал правовых исследований. - 2016. - Т. 3, № 1 (6). - С. 190-194. EDN: UUQJKH.
3. Машуков Р. А. Теоретические подходы к изучению категории "движение гражданского правоотношения" / Р. А. Машуков // Проблемы права: теория и практика. - 2020. - № 49. - С. 168-180. EDN: PVKIZR.
4. Грязда Э. А. Основные признаки юридического факта как основания динамики вещного правоотношения / Э. А. Грязда // Власть Закона. - 2013. - № 3 (15). - С. 65-71. EDN: RRSTDР.
5. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 1 : Гражданское право : сочинения 1958-1970 годов. - М. : Статут, 2010. - 496 с.
6. Фролов А. И. Основания трансформации регулятивного обязательства в охранительное обязательство при невозможности его исполнения / А. И. Фролов // Юридический мир. - 2017. - № 1. - С. 54-58. EDN: XVMTCR.
7. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Ин-т государства и права АН СССР. - М. : Юрид. лит., 1974. - 351 с.
8. Discharge vs termination of contract: what's the difference? [Электронный ресурс] // Juro. - URL: <https://juro.com/learn/contract-discharge-vs-termination> (дата обращения: 22.04.2025).
9. Шалегин С. П. Ретроспективное изменение или расторжение договора: анализ законодательства и правоприменительной практики / С. П. Шалегин, Е. А. Шелепина // Российский научный вестник. - 2024. - № 10 - С. 55-59. EDN: DUVXYC.
10. Юрченко О. Ю. Смерть как юридический факт в гражданском праве России / О. Ю. Юрченко // Нотариус. - 2012. - № 3. - С. 11-15. EDN: PICZMH.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, динамика материального правоотношения на терминальной стадии. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В рамках настоящей статьи мы рассмотрим вопросы динамики правоотношения в период его прекращения по инициативе одной из сторон. Ни в законодательстве, ни в литературе для обозначения данного периода не используются какие-либо термины. В рамках настоящей работы мы предлагаем для его описания использовать выражение «терминальная стадия правоотношения». Оно не является общеупотребительным, но перекликается с используемым в зарубежной юридической литературе для описания периода расторжения договора понятием «*termination stage*»[8], а также отражает характерную для данного этапа необратимость причин, послуживших основанием для движения к прекращению правоотношений". Ученый раскрывает степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Понятие «динамика правоотношения» весьма распространено в юридической литературе. Зачастую авторы, говоря о «динамике», «влиянии на динамику» и «месте в динамике» не конкретизируют, что именно они понимают под динамикой правоотношения – как если бы данное понятие не требовало разъяснения"; "Хотя мнение о том, что к динамике любого вида гражданского правоотношения относятся такие стадии его развития, как возникновение, изменение и прекращение[2], является наиболее распространенным в юридической литературе, данная точка зрения не является единственной[3,4]" и др.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... наиболее распространено применение оговорки о ретроспективном характере расторжения договора именно в арендных правоотношениях (см., напр., Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2025 N Ф08-11795/2024 по делу N A53-41045/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.02.2025 N Ф05-28716/2024 по делу N A40-294785/2023; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.12.2024 N Ф03-4624/2024 по делу N A73-7862/2023), в иных правоотношениях (например, возникающих из договора поставки) суды зачастую не усматривают оснований для расторжения с даты, предшествующей вступлению решения в силу, даже при схожих фактических обстоятельствах (например, при наличии уведомления поставщиком покупателя о невозможности поставки определенных товаров по причине внешнеэкономических и санкционных ограничений: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.03.2025 N Ф02-638/2025 по делу N A19-18682/2023). Следовательно, в период рассмотрения преобразовательного иска стороны не только не знают, будет ли правоотношение прекращено или изменено, но и не могут знать когда это произойдет – ни с точки зрения конкретной календарной даты в будущем, ни с точки зрения применения судом норм, позволяющих самостоятельно определять момент, когда, например, договор будет считаться расторгнутым"; "Таким образом, практика испытывает потребность в определении конкретных последствий добровольного исполнения требований, невыполнение которых повлекло обращение в суд с преобразовательными исками, направленными на изменение или прекращение правоотношений. Предложенные варианты процессуального поведения в отсутствие

обоснования причин их выбора используются судами неедиобразно"; "Для теоретического обоснования выводов по указанным дискуссионным вопросам предложена классификация терминальных стадий предложена по критериям: форма прекращения (юрисдикционная/внеюрисдикционная), основания прекращения (вследствие нарушения/по иным причинам), характер правового эффекта (ex nunc/ex tunc)" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из двух разделов: "Дискуссионные вопросы динамики правоотношения на терминальной стадии"; "Взаимосвязь между особенностями терминальной стадии правоотношения и его динамикой". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В рамках проведенного исследования обосновано, что период прекращение правоотношения, охватывающий промежуток времени от выражения воли на прекращение до фактического юридического прекращения правоотношения, может рассматриваться в качестве отдельной – терминальной - стадии правоотношения" - "период прекращения правоотношения" (опечатка).

Ученый отмечает: "Для теоретического обоснования выводов по указанным дискуссионным вопросам предложена классификация терминальных стадий предложена по критериям: форма прекращения (юрисдикционная/внеюрисдикционная), основания прекращения (вследствие нарушения/по иным причинам), характер правового эффекта (ex nunc/ex tunc)" - "Для теоретического обоснования выводов по указанным дискуссионным вопросам предложена классификация терминальных стадий по критериям: форма прекращения (юрисдикционная/внеюрисдикционная), основания прекращения (вследствие нарушения/по иным причинам), характер правового эффекта (ex nunc/ex tunc)" (повтор слова).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографиями и научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Е. В. Лунева, В. Ф. Попондопуло и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1) При внеюрисдикционной форме терминальной стадии выбор того, будет ли правоотношение прекращено перспективно или ретроспективно, зависит от соглашения сторон. 2) При юрисдикционной форме терминальной стадии возможность ретроспективного прекращения связана с тем, является ли обращение в юрисдикционный или административный орган обязательным в силу закона или вызвано наличием спора. Если такое обращение является обязательным, прекращение наступает лишь с момента принятия соответствующим органом решения (или его вступления в силу), т.е. не ретроспективно; если же обращение обусловлено нежеланием контрагента прекращать правоотношения на основании соглашения – то юрисдикционный орган может

прекратить правоотношения с момента, когда наступили все иные элементы юридического состава, необходимого для прекращения правоотношения, фактически регулятивные правоотношения не осуществлялись и стороной, впоследствии обратившейся за прекращением в юрисдикционном порядке, была доведена до контрагента воля на прекращение правоотношения; 3) После доведения до контрагента воли на прекращение правоотношения устранение причин (нарушений) не может стать препятствием для такого прекращения, в том числе – путем обращения в юрисдикционный орган, так как уже возникло охранительное правоотношение, содержанием которого является право требовать прекращения регулятивных отношений. Если же прекращение правоотношения не связано с нарушениями, допущенными другой стороной, то она тем более не может своими односторонними действиями воспрепятствовать такому прекращению. «Исцеление» правоотношения – прекращение охранительного правоотношения и сохранение регулятивного – возможно по воле обеих сторон или по инициативе лица, заявившего о таком прекращении (например, путем отказа от иска")», они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, гражданского права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает теоретическое обоснование и определение особенностей динамики материального правоотношения на терминальной стадии его развития. Автор рассматривает период правоотношения, продолжающийся от момента выражения стороной намерения прекратить правоотношение до его фактического юридического прекращения. Введение термина "терминальная стадия правоотношения" обосновывается автором необходимостью обозначения этого промежуточного периода, который, по мнению автора, имеет собственную специфику и закономерности развития. Особое внимание уделяется вопросам неопределенности момента прекращения правоотношения, возможности ретроспективного прекращения и оценке юридических последствий устранения нарушений, послуживших основанием для инициирования прекращения.

Методология исследования

Методологический аппарат исследования достаточно разнообразен и отвечает поставленным задачам. Автор применяет:

1. Диалектический метод, позволяющий рассматривать материальное правоотношение в развитии от выражения воли на прекращение до его завершения.
2. Формально-юридический метод, использованный для анализа нормативных положений, регулирующих прекращение правоотношений.
3. Системный подход для рассмотрения правоотношения как целостной структуры.
4. Метод правового моделирования, позволивший предложить классификацию ситуаций терминальной стадии.
5. Метод обобщения эмпирического материала при анализе судебной практики.

Методология исследования представляется обоснованной и соответствующей предмету

исследования. Комплексное применение указанных методов обеспечивает всестороннее рассмотрение проблемы и формулирование аргументированных выводов. Тем не менее, работа выиграла бы от применения сравнительно-правового метода в более развернутом виде, учитывая имеющиеся упоминания зарубежного опыта.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Во-первых, автор справедливо отмечает недостаточную теоретическую разработанность понятия "динамика правоотношения" при его широком использовании в юридической литературе. Во-вторых, исследование направлено на решение практических проблем, возникающих в процессе прекращения правоотношений, особенно в свете изменений законодательства (в частности, новой редакции абз. 2 п. 3 ст. 453 ГК РФ).

Особую актуальность работе придает анализ судебной практики, выявляющий противоречивые подходы к важным практическим вопросам прекращения правоотношений, таким как возможность "исцеления" правоотношения и определение момента его прекращения. Автор также обращается к проблемам, возникшим в период пандемии коронавирусной инфекции, что подчеркивает своевременность исследования.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в следующих аспектах: 1. Введение и обоснование понятия "терминальная стадия правоотношения" как самостоятельного этапа в динамике правоотношения, имеющего особые характеристики. 2. Разработка классификации терминальных стадий по критериям формы прекращения, оснований прекращения и характера правового эффекта. 3. Теоретическое обоснование условий возможности/невозможности "исцеления" правоотношения на терминальной стадии. 4. Формулирование критериев допустимости ретроспективного прекращения правоотношений при юрисдикционной форме терминальной стадии.

Автор не только вводит новый термин, но и создает теоретическую конструкцию, позволяющую систематизировать различные аспекты прекращения правоотношений и разрешить существующие в теории и практике противоречия.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным языком, отличается логичностью изложения и последовательностью аргументации. Структура работы построена в соответствии с задачами исследования и включает:

- введение с обоснованием актуальности темы и определением предмета исследования;
- раздел о дискуссионных вопросах динамики правоотношения на терминальной стадии;
- раздел о взаимосвязи между особенностями терминальной стадии правоотношения и его динамикой;
- заключение с выводами.

Содержание статьи отличается глубиной теоретического анализа и практической направленностью. Автор опирается на работы признанных теоретиков права (С.С. Алексеев, Р.О. Халфина, В.Ф. Попондупло), что обеспечивает фундаментальность исследования. Одновременно с этим в работе проанализирована актуальная судебная практика и новейшие изменения законодательства, что придает исследованию практическую значимость.

К недостаткам можно отнести некоторую перегруженность судебными примерами в отдельных разделах, что частично затрудняет восприятие авторской мысли. Также в статье мог бы быть расширен сравнительно-правовой аспект, учитывая, что автор упоминает зарубежный опыт, но не развивает его анализ.

Библиография

Библиографический список включает 10 источников, что представляется недостаточным для такой фундаментальной темы. Позитивно следует оценить включение как

классических работ по теории правоотношений (Халфина Р.О., Алексеев С.С.), так и современных источников. Однако список мог бы быть расширен за счет:

1. Зарубежных источников по теме исследования (имеется лишь ссылка на интернет-ресурс).

2. Большего количества современных научных статей по смежным вопросам.

3. Монографических исследований по теории правоотношений.

Недостаточно представлены работы последних лет, посвященные динамике правоотношений, что создает впечатление определенного исследовательского пробела.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно и профессионально ведет научную полемику, представляя различные точки зрения по дискуссионным вопросам. В статье представлены противоположные подходы в судебной практике к вопросу о возможности "исцеления" правоотношения. Автор анализирует различные трактовки понятия "динамика правоотношения" в работах В.Ф. Попондопуло, С.С. Алексеева и других авторов.

Однако можно отметить, что в некоторых случаях автор ограничивается констатацией противоречий в судебной практике и доктрине, не всегда представляя развернутую критику противоположных точек зрения. Более глубокий анализ аргументов оппонентов и их критическое осмысление усилили бы позицию автора.

Выводы в целом, интерес читательской аудитории

Статья представляет значительный интерес для научного сообщества и практикующих юристов. Автор предлагает оригинальный теоретический конструкт "терминальная стадия правоотношения", позволяющий по-новому взглянуть на проблемы прекращения правоотношений и разрешить ряд практических противоречий.

Основные выводы исследования логически обоснованы и имеют как теоретическую ценность для развития учения о динамике правоотношений, так и практическую значимость для формирования единообразной судебной практики. Особенно ценноими представляются выводы относительно критериев возможности ретроспективного прекращения правоотношений и условий "исцеления" правоотношения на терминальной стадии.

Работа будет интересна широкому кругу читателей:

- ученым-правоведам, занимающимся теорией правоотношений;
- специалистам в области гражданского и семейного права;
- судьям и практикующим юристам, сталкивающимся с проблемами прекращения договорных и иных правоотношений;
- аспирантам и студентам юридических вузов.

В целом, несмотря на отмеченные недостатки, статья представляет собой оригинальное, методологически обоснованное исследование актуальной проблемы и вносит значимый вклад в развитие теории правоотношений и совершенствование правоприменительной практики.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Хохлова А.Д. Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74320 EDN: IUJKBQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74320

Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы**Хохлова Алина Дмитриевна**

ORCID: 0000-0003-4669-0978

ассистент кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института
Федерального государственного автономного учреждения высшего образования "Российский
университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"
аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Российского
университета дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ khokhlova_ad@pfur.ru

Статья из рубрики "Человек и государство"**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.74320

EDN:

IUJKBQ

Дата направления статьи в редакцию:

29-04-2025

Дата публикации:

06-05-2025

Аннотация: Актуальность исследования принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства обусловлена его ключевой ролью в обеспечении стабильности правовых систем и легитимности государственного управления. Противоречия между, с одной стороны, принципом поддержания доверия к действиям властей, требующего правовой определенности и стабильности, и гибкостью государственного управления — с другой стороны — подчеркивают необходимость

системного анализа механизмов реализации анализируемого принципа. Цель работы — выявление теоретических и практических аспектов применения защиты правомерных (законных) ожиданий как элемента принципа поддержания доверия к действиям властей в контексте сравнительного правоведения, а также определение его места в российской правовой системе через синтез зарубежного опыта и национальных правоприменительных тенденций. Методологическая основа включает сравнительно-правовой анализ зарубежных доктрин и российской практики, историко-правовой метод реконструкции эволюции принципа и формально-юридический анализ нормативных актов и решений Конституционного Суда РФ. Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении взаимодействия законных ожиданий с институтами процессуальной справедливости и правовой определенности в различных юрисдикциях, синтезе зарубежных концепций (например, немецкого принципа защиты доверия, французской юридической безопасности, англо-американских законных ожиданий) с российскими правоприменительными подходами. В работе предпринята попытка классификации оснований возникновения правомерных (законных) ожиданий (индивидуальные заверения, устоявшаяся практика, нормативные акты). Результаты исследования выявили различия в интерпретации доктрины в правовых системах: процессуальная защита в Великобритании, компенсационная модель во Франции, конституционный принцип доверия в Германии, приоритет общественных интересов в Канаде и Австралии. Российский принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства включает в себя разграничение «законных» и «правомерных» ожиданий, и реализуется через законотворческий и правоприменительный аспекты. Критический анализ выявил противоречия и проблемы практической реализации анализируемого принципа, позволив сформулировать тенденции дальнейшего его развития: унификация критериев оценки ожиданий, включая чёткое определение оснований их возникновения, критериев законности и механизмов защиты. Практическая значимость работы связана с возможностью использования её выводов для совершенствования законодательства и судебной практики, включая разработку критериев баланса между защитой правовых ожиданий и гибкостью государственного управления.

Ключевые слова:

принцип поддержания доверия, законные ожидания, правомерные ожидания, правовая стабильность, верховенство права, Конституционный Суд РФ, сравнительно-правовой анализ, правовая определенность, процессуальная справедливость, баланс интересов

Введение

Актуальность исследования принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства обусловлена его ключевой ролью в обеспечении стабильности правовых систем и легитимности государственного управления. В условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения механизма государственного регулирования сохранение доверия общества к государству обеспечивается в первую очередь соответствием между, с одной стороны, ожиданиями участников правоотношений от государства и закона, и, с другой стороны, действиями представителей государства в лице законодательных и правоприменительных органов. Поддержание доверия граждан к закону и действиям властей как неотъемлемый элемент верховенства права не может не служить полем для столкновения интересов публичной

власти и правомерных ожиданий частных лиц, что предопределяет непрерывный поиск механизмов обеспечения баланса между указанными интересами. Несмотря на значительное число работ, посвященных законным ожиданиям в зарубежной доктрине (в российской юридической науке и практике наиболее точным термином-аналогом выступают «правомерные» ожидания), в отечественной науке вопросы генезиса и практической реализации данного принципа остаются недостаточно изученными, что обуславливает необходимость комплексного анализа как зарубежного опыта, так и российских правоприменительных тенденций. Особую значимость приобретает исследование противоречий между принципами законности и правовой определенности (сохранение которой способствует поддержанию доверия общества к государству), возникающих при изменении государственной политики, а также оценка критериев, позволяющих учитывать общественные и частные интересы в подобных конфликтах.

Целью работы является выявление теоретических основ и практических аспектов применения принципа защиты правомерных (законных) ожиданий как ключевого элемента принципа поддержания доверия к действиям властей в контексте сравнительного правоведения, а также определение его места в российской правовой системе. **Предмет исследования** включает нормативные, доктринальные и прецедентные источники, раскрывающие содержание правомерных ожиданий, историческое развитие указанной доктрины и современную ее интерпретацию в правовых системах континентальной и англосаксонской семей.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой анализ, позволивший выявить специфику подходов к законным ожиданиям в английском, немецком, европейском и российском праве, а также историко-правовой метод, примененный для реконструкции эволюции анализируемого принципа от судебных решений 1970-х гг. до современных толкований. Важную роль сыграл формально-юридический анализ российских нормативных правовых актов и судебной практики, включая решения Конституционного Суда РФ, что позволило определить особенности реализации аналогичного принципа защиты правомерных ожиданий в отечественном правовом пространстве.

Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении принципа правомерных (законных) ожиданий через призму его взаимодействия с институтами процессуальной справедливости, правовой определенности и добросовестности власти. В работе предпринята попытка синтезировать зарубежные теоретические концепции (такие, как немецкий принцип защиты доверия (*Vertrauensschutz*), французская концепция юридической безопасности (*sécurité juridique*) или англо-американские законные ожидания (*legitimate expectations*)) с российскими правоприменительными подходами, а также определить критерии разграничения «законных» и «правомерных» ожиданий, что вносит вклад в развитие отечественной доктрины конституционного права. Кроме того, авторским вкладом является анализ прецедентов, демонстрирующих зависимость защиты ожиданий от характера государственных гарантий (индивидуальные заверения, устоявшаяся практика, нормативные акты), что расширяет понимание условий применимости принципа в публично-правовых отношениях.

Исторический контекст доктрины законных ожиданий

Доктрина законных ожиданий сформировалась в юридической практике (прежде всего, Великобритании) во второй половине XX века, получив первоначальное оформление в решении по делу *Schmidt v. Secretary of State for Home Affairs* (1969). Судья лорд М. Р. Деннинг обосновал право иностранного гражданина, получившего разрешение на въезд

в Великобританию, оспаривать его досрочную отмену, подчеркнув, что лица вправе ожидать выполнения государством взятых на себя обязательств, а «защита законных ожиданий лежит в основе конституционного принципа верховенства права» (дело *Schmidt v Home Office (1969)*). Это решение заложило основу для развития доктрины защиты законных ожиданий в английском административном праве, хотя аналогичные принципы ранее применялись в европейской практике. Примером, иллюстрирующим принципиальный подход европейских судов, является дело *E.C. Commission v. E.C. Council (1973)*, где Европейский суд указал на необходимость соблюдения прецедентных решений для обеспечения стабильности правового регулирования в целях «защиты законного доверия». В странах континентальной правовой семьи развивались аналогичные, однако терминологически отличные идеи: акцент был смещен на «доверие» к государству, в отличие от англосаксонской традиции, где утвердился термин «ожидания», отражающий фокус на предсказуемости действий власти [1, р. 359].

В английской правовой системе законные ожидания делятся на процессуальные и материальные. Процессуальные связаны с гарантией соблюдения установленных процедур. Например, в деле *R. v. Secretary of State for the Home Department, Ex parte Khan (1980)* суд обязал министерство внутренних дел следовать собственным правилам рассмотрения заявлений об усыновлении, подчеркнув, что изменение политики без соблюдения процедур слушаний допустимо лишь в исключительных случаях: «когда государственный орган обещает следовать определенной процедуре, в интересах надлежащего управления он должен действовать справедливо и выполнять свое обещание до тех пор, пока выполнение не противоречит его уставным обязанностям». Таким образом, процессуальные законные ожидания предполагают право на процессуальную справедливость (право быть выслушанным в отношении обстоятельств, «разочаровывающих» ожидания лица).

Материальные ожидания в свою очередь затрагивают непосредственные интересы лиц, например, право на получение социальных благ. Так, в деле *R. v. Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, ex p. Hamble (Offshore) Fisheries Ltd. (1995)* суд признал недопустимым отзыв лицензии у компании, если это нарушает её законные ожидания, несмотря на изменение государственной политики. Однако позже Апелляционный суд в деле *R. v. Secretary of State for the Home Department, ex parte Hargreaves (1997)* отметил, что свобода пересмотра политики властями остаётся конституционным принципом, что подчёркивает сложность баланса между правовой определенностью, стабильностью и предсказуемостью регулирования в целях поддержания доверия общества и гибкостью государственного управления и его способностью оперативно реагировать на динамику общественных отношений.

Анализ зарубежной судебной практики показывает, что законные ожидания формируются под влиянием различных факторов: публичных заявлений, устойчивой практики или нормативных актов. Разнообразие подходов к их признанию в разных правовых системах (от прямых обещаний до подразумеваемых гарантий) требует систематизации критериев, определяющих их законность и защиту. Это обуславливает необходимость классификации оснований возникновения законных ожиданий, которая позволит выявить универсальные принципы и особенности их применения в контексте национальных правовых традиций.

Классификация оснований возникновения законных ожиданий в зарубежной правовой доктрине и практике

Доктрина законных ожиданий, несмотря на длительную историю развития, остается

концептуально неоднозначной и лишенной универсальных критериев применения [2, р. 633; 3, р. 61]. Ее генезис, связанный с судебским правотворчеством в системе общего права, привел к фрагментарности толкования, что проявляется в неоднородности судебной практики. Суды нередко подменяют ею иные правовые принципы или используют избыточно, игнорируя наличие альтернативных механизмов защиты. При этом сами английские судьи признают, что «концепция (доктрина, принцип, называйте это как хотите) законного ожидания <...> в настоящее время используется так широко и разнообразно, что пришло время изучить, какую реальную помощь можно извлечь из этого» (дело *R v Devon CC; ex parte Baker (1995)*). Эта неопределенность стимулировала появление множества классификаций оснований формирования законных ожиданий, особенно в административном праве, где их защита наиболее востребована из-за широких дискреционных полномочий государственных органов.

Так, например, Европейский суд справедливости связывает ожидания с четкими заверениями органов власти, нормативными актами, ошибочными действиями администрации или избирательными выгодами для определенных групп [4].

П. Крейг выделяет четыре сценария возникновения законных ожиданий:

- (1) изменение ранее принятой общей для всех политики;
- (2) отклонение от нее в конкретном случае;
- (3) применение в отношении конкретного лица индивидуальных обещаний (разъяснений), которые государственный орган нарушает в свете смены политики;
- (4) принятие в отношении лица решений, противоречащих первоначально данным ему разъяснениям (обещаниям) [5, pp. 679-680].

Особое внимание заслуживает подход австралийской исследовательницы П. Тейт [6, pp. 27-28, 39-40], которая систематизировала ключевые контексты формирования обоснованных ожиданий в административном праве. Её классификация включает шесть основных категорий.

Во-первых, установившаяся практика государственных органов: если в аналогичных случаях решения принимались по единой схеме, лица вправе ожидать аналогичного подхода. Например, если налоговая служба многократно продлевала сроки уплаты сборов для определённой категории плательщиков, внезапное отклонение от этой практики без веских причин может нарушить законные ожидания.

Во-вторых, прямые заверения должностных лиц: чёткие обещания, данные государственными органами, создают обязательства их выполнить. Классическим примером служит циркулярное письмо в ранее упомянутом деле *R. v. Secretary of State for the Home Department, Ex parte Khan (1980)*, в котором министерство гарантировало заявителю соблюдение определенной процедуры выдачи разрешений на усыновление, а последующий отказ в их предоставлении был признан необоснованным.

В-третьих, подразумеваемые гарантии, когда даже без явных заявлений поведение администрации создаёт у заявителя уверенность в определённом исходе. Например, если орган власти неоднократно принимал документы с незначительными нарушениями формальностей, резкий отказ в регистрации подобного заявления может быть расценен как нарушение ожиданий.

В-четвертых, прозрачные и предсказуемые процедуры принятия решений: если механизм рассмотрения обращений заранее известен и понятен, лица вправе рассчитывать на его соблюдение.

В-пятых, законодательная база: нормативные акты, детально регламентирующие действия власти, формируют ожидания их неизменного исполнения.

Наконец, в-шестых, социальные ценности и государственная политика: если практика органов соответствует общепринятым принципам справедливости, лица могут ожидать учета этих ценностей в решениях государственных органов.

Подход П. Тейт подчёркивает, что защита ожиданий не сводится к формальным критериям, а требует анализа контекста, включая осведомлённость заявителя о практике власти и её последовательность.

Основным критерием оспаривания решений становится нарушение разумных ожиданий, порожденных действиями государства. Однако отсутствие единобразия в трактовке «правомерности» ожиданий, а также в подходах к учету субъективного элемента (осведомленности лица о существующей практике) оставляет вопросы о границах доктрины открытыми. Эти противоречия подчеркивают необходимость сравнительного анализа интерпретации законных ожиданий в различных правовых системах, что позволит выявить общие принципы и специфические подходы к обеспечению баланса между стабильностью правового регулирования и гибкостью государственного управления.

Сравнительный анализ интерпретации доктрины законных ожиданий в зарубежных правовых системах

Современную концепцию материальных законных ожиданий в английском праве демонстрирует прецедент *R. v. North and East Devon Health Authority, ex p Coughlan (2001)*. Заявительница, получившая тяжелую инвалидность, была помещена в специализированное учреждение, где Управление здравоохранения Девона гарантировало пожизненное проживание. Однако в 1998 году Управление, ссылаясь на высокие расходы, решило закрыть учреждение. Суд признал решение незаконным, подчеркнув, что материальные ожидания заявительницы, основанные на прямых заверениях власти, требовали выполнения обещаний, а закрытие учреждения не служило значимым общественным интересам, а лишь цели сокращения финансовых расходов. Этот случай закрепил подход, согласно которому суды должны балансировать между защитой законных ожиданий и учетом общественных интересов, хотя позднее суды стремились скорректировать его, подчеркивая уважение к законодательной деятельности (см., например, дело *R (Bibi) v. Newham London Borough Council (2001)*).

Анализ зарубежной практики выявляет различия в толковании доктрины. Английское право фокусируется на процессуальных аспектах ожиданий, тогда как право ЕС предоставляет защиту в основном ожиданиям материальным. Так, в деле, рассмотренном 22 января 2009 года («Булвес АД» против Болгарии), ЕСПЧ признал обоснованным материальное ожидание компании получить выгоду от признания права на вычет входящего налога на добавленную стоимость.

Во Франции защита ожиданий реализуется через компенсацию ущерба, а не процессуальные ограничения, опираясь на принципы «правовой безопасности» (*sécurité juridique*)[\[7, р. 55\]](#). В Германии концепция *Vertrauensschutz* (защита доверия) признает материальные ожидания, даже если обещание противоречит законодательным актам[\[8\]](#),

как в прецеденте 1956 года, где суд отменил требование возврата социальных выплат, несмотря на незаконность их назначения, учитывая уязвимость заявительницы [9, р. 243].

В Канаде защита материальных ожиданий ограничена, а пересмотр политики властей допускается, если это служит общественным интересам: «именно министр [правотворец – прим. автора] определяет, оправданы ли общественные интересы нарушением материальных законных ожиданий» (*Mount Sinai Hospital Center v. Quebec (Minister of Health and Social Services)* (2001)). Аналогичный подход наблюдается в Австралии: «правительствам требуется возможность пересматривать политику, направленную на осуществление дискреционных полномочий, даже если это может привести к большой несправедливости по отношению к людям, которых затрагивает эта политика» [10, р. 498].

Таким образом, доктрина законных ожиданий варьируется в зависимости от правовой системы: от процессуальной защиты (Великобритания) до компенсационной модели (Франция) и конституционного принципа доверия (Германия).

Суды стремятся балансировать между стабильностью правового регулирования и гибкостью государственной политики, что порождает противоречия, особенно в странах общего права.

Сравнительный анализ правоприменительных подходов к интерпретации концепции законных ожиданий в иностранных юрисдикциях позволяет прийти к следующим выводам.

Общие принципы, лежащие в основе анализируемого принципа в большинстве правовых систем – это, во-первых, баланс интересов, предполагающий, что суды стремятся найти компромисс между защитой законных ожиданий, сохранением стабильности, поддержанием доверия к государству и гибкостью управления, предполагающей возможность пересмотра административных политик, учет изменяющихся общественных потребностей. Во-вторых, в большинстве проанализированных юрисдикций правоприменители стремятся учитывать общественные интересы: даже в странах с сильной защитой материальных ожиданий, таких, как Германия, Франция, суды допускают «разочарование» ожиданий, если это оправдано значимыми общественными целями. Логично, что и в Канаде, отвергающей концепцию материальных ожиданий, суды подчеркивают, что министр вправе нарушить ожидания, если это служит общественным интересам. Разница между данными правовыми системами состоит только в степени значимости обеспечиваемых публичных целей, противопоставляемых частным ожиданиям конкретного лица.

Наконец, практически во всех государствах защита ожиданий связана с соблюдением процессуальных норм и обеспечением процедурной справедливости.

Среди подходов к механизмам защиты или восстановления нарушенных ожиданий можно выделить следующее.

1 . Процессуальная защита (Англия и Уэльс): суды ограничиваются проверкой соблюдения процедур, редко вмешиваясь в суть принятых административных решений. Пример такого исключения – дело *R. v. North and East Devon Health Authority, ex p Coughlan* (2001), где решение было изменено судом по существу как нарушающее ожидания, явно несправедливое и не оправданное общественными интересами.

2. Материальная защита (Европейский Союз): суды ЕС защищают ожидания, даже если это ограничивает гибкость управления, стремясь обеспечить единство правового поля

(акцент на гармонизацию законодательства и защиту экономических интересов).

3. Компенсационная модель (Франция): вместо запрета на изменение политик суды требуют компенсации ущерба, вызванного нарушением ожиданий (принцип *sécurité juridique*).

4. Конституционный принцип защиты доверия (Германия): защита ожиданий, основанных даже на незаконных актах, учет уязвимости лиц, чьи ожидания пострадали.

5. Приоритет общественных интересов (Канада и Австралия): административные органы вправе пересматривать политику и менять свои решения, даже если это приводит к несправедливости для отдельных лиц, так как суды ориентированы в первую очередь на уважение дискреции властей и обеспечение гибкости государственного управления, необходимой для его эффективности.

Ключевые различия в подходах представлены в Таблице 1:

Страна	Метод защиты ожиданий	Роль суда	Приоритет
Великобритания	Процессуальный контроль	Ограничено вмешательство	Стабильность через процедуры
Германия	Конституционный принцип	Активное восстановление справедливости	Доверие к государству
Франция	Компенсация ущерба	Коррекция последствий, а не решений	Правовая безопасность
Канада/Австралия	Минимизация защиты	Уважение к дискреции властей	Гибкость управления

Таблица 1. Ключевые различия между зарубежными подходами к соотношению законных ожиданий и гибкостью государственного управления

Несмотря на то, что доктрина законных ожиданий укрепила защиту частных лиц от произвольных действий власти, её реализация сталкивается с теоретическими и практическими сложностями. Неоднозначность критериев формирования ожиданий и их юридической значимости, противоречия между принципами законности и справедливости, а также разнотечения в национальных юрисдикциях требуют переосмысления роли доктрины в современном праве и подчеркивают актуальность ее критического анализа. Эти вопросы лягут в основу дальнейшего анализа альтернативных моделей и критических возражений.

Доктрина законных ожиданий, сформировавшаяся в рамках англо-саксонской правовой системы, остается одной из наиболее дискуссионных категорий административного права. Несмотря на многолетнюю эволюцию, её применение продолжает вызывать споры среди ученых и судей, что связано с неоднозначностью трактовки оснований возникновения ожиданий и критериев их защиты. Критический анализ, предложенный профессором Мельбурнского университета Джейсоном Варухасом, позволяет выделить ключевые проблемы, которые иллюстрируют сложности в разграничении доктрины законных ожиданий и смежных правовых принципов.

Критика доктрины: «ложные» законные ожидания (по Дж. Варухасу)

Дж. Варухас, анализируя практику судей общего права, выделил четыре категории дел, которые ошибочно классифицируются как связанные с законными ожиданиями, но на деле требуют иного правового подхода.

Изменение общей политики. Суды часто апеллируют к доктрине, когда государственные органы пересматривают политику, что, по мнению данного автора, противоречит принципу свободы усмотрения администрации. Например, в делах, где суды оценивают достаточность переходных мер при изменении законодательства, более уместно ссылааться на принципы рациональности и пропорциональности, а не на «ожидания», возникшие из общей практики. Критикуя подход лорда Вульфа в деле *Coughlan*, профессор подчеркивает, что защита ожиданий, основанных на политике, неизбежно ограничивает гибкость управления, делая государственные институты заложниками прошлых решений.

Отступление от устоявшейся практики. Случаи, когда орган власти отклоняется от собственных правил без объяснений, автор относит к сфере действия принципа последовательности, а не законных ожиданий. Например, в деле *Khan* суд защищал не ожидания заявителя, а требование соблюдения процедур, описанных в циркулярах. Здесь ключевым становится вопрос о прозрачности административных действий, а не субъективных ожиданиях граждан.

Секретная практика. Дела, связанные с неопубликованными правилами, Дж. Варухас предлагает рассматривать через призму принципа верховенства права, требующего публичности государственных решений, поскольку, по мнению автора, сама суть доктрины, как ее применяют в странах общего права, состоит в том, что ожидание предполагает наличие у лица субъективного отношения к действиям органов государственного управления и представления о том, какими эти действия должны быть в соответствии с принятой практикой, что невозможно, если лицо не знает о самой практике. Так, в деле *Lumba (R (Lumba) v Secretary of State for the Home Department (2012))* суд подчеркнул, что администрация должна следовать опубликованным нормам, а отступления допустимы лишь при наличии исключительных обстоятельств.

Отмена долгосрочных льгот. Хотя такие ситуации часто ассоциируются с законными ожиданиями, в том числе в практике Конституционного Суда РФ, упомянутый исследователь указывает на неуместность применения в данной категории дел принципа защиты законных ожиданий, ссылаясь на исчерпавшую себя историческую обусловленность применения анализируемой доктрины в таких делах: в эпоху, когда процессуальные гарантии защищали только закрепленные права, а не интересы лица, законные ожидания стали инструментом восполнения правовых пробелов. Однако в современных условиях применение данной концепции избыточно, так как аналогичные цели можно достичь через принципы справедливости и недискриминации.

Дж. Варухас настаивает на сужении сферы применения доктрины, ограничивая её случаями явных обещаний или заверений со стороны государства, влияющих на интересы лица или группы лиц [11, р. 40].

Таким образом, законные ожидания не эквивалентны субъективным правам, а возникают в условиях, когда публичные органы, имея дискреционные полномочия, обязаны учитывать последствия изменений политики для частных лиц. Доктрина сформировалась как ответ на недостаточность традиционных правовых механизмов защиты интересов, требующих не только формальной законности, но и уважения разумных ожиданий, основанных на устоявшейся практике, заверениях властей или логике правового

регулирования.

Общей чертой всех случаев защиты ожиданий является конфликт между юридически значимым интересом, возникшим в момент X, и действиями государства в момент Y, которые ставят под сомнение этот интерес.

Российская правовая доктрина и практика: правомерные vs. законные ожидания

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает схожесть зарубежного принципа защиты законных ожиданий с российским конституционным принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства^[12]. Доверие к правовой системе, которое необходимо поддерживать, по мнению исследователей, предполагает соответствие между правовыми обещаниями государства и ожиданиями общества^[13]. В отличие от зарубежной доктрины, отечественная правовая наука разграничивает правомерные и законные ожидания как «целое» и «часть»^[14]: первые могут возникать даже при отсутствии прямого нормативного закрепления, тогда как вторые требуют обязательной опоры на законодательные акты^[15; 16].

Конституционный Суд РФ подтверждает это различие, указывая, что законные ожидания формируются на основе действующих норм (Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2010 № 9-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П), а правомерные – отражают общую справедливость (Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 № 15-П) и логику правового регулирования (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 № 4-П). Например, справедливое законодательство о налогах и сборах, устанавливающее налоги, приобретает свойство легитимности, если оно соответствует правомерным ожиданиям граждан. Таким образом, аналогом английской концепции «законных» ожиданий в России являются «правомерные» ожидания как наиболее близкие по своему смыслу к интерпретации судов общего права и выступающие элементом конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Доверие в правовой системе выступает заменой личных договорённостей, гарантируя, что государство не станет действовать вопреки интересам граждан, даже обладая формальной свободой усмотрения. В российской практике принцип доверия реализуется через законотворческий и правоприменительный аспекты. В законотворчестве он выражается в требовании ясности, стабильности, определенности норм^[17; 18] (Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П), запрета ретроактивных изменений, ухудшающих положение лиц (Определения Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 № 2561-О, от 26.11.2018 № 3054-О, Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 41-П) и обязательного предоставления адаптационного периода в случае внесения изменений в правовое регулирование (Постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2015 № 18-П).

В правоприменении доверие общества к государству обеспечивается через соблюдение установленных процедур, защиту ожиданий, возникших из практики или разъяснений властей, и недопустимость правоприменительного произвола, формализма (Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2019 № 32-П) или неквалифицированного правоприменения (Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П).

Судебная практика должна обеспечивать единообразие решений, исключая противоречивые толкования (Постановление от 15 февраля 2019 года № 10-П). Кроме

того, независимость судов и справедливость решений, основанных на анализе фактов, укрепляют доверие к правосудию.

Таким образом, законотворческие и правоприменительные механизмы в России образуют систему, направленную на поддержание доверия через стабильность регулирования и добросовестность деятельности государственных органов, что является ключевым условием легитимности власти.

Выводы

Анализ доктрины законных ожиданий в контексте различных правовых систем позволяет констатировать её значимость как инструмента баланса между интересами государства и правами частных лиц. Несмотря на историческое формирование в рамках английского судебского права, где акцент делался на процессуальных аспектах, современная интерпретация доктрины в зарубежных юрисдикциях демонстрирует расширение её материальной составляющей. Так, в немецком праве принцип *Vertrauensschutz* подчеркивает защиту доверия граждан к действиям власти даже при конфликте с законностью административных решений, тогда как во французской практике акцент смещается на компенсационные механизмы, а не процессуальные ограничения. Европейский Союз, напротив, интегрирует доктрину в качестве основополагающего начала, пересматривая действия государств-членов через призму законных ожиданий, возникающих из законодательства, политики или руководящих принципов.

Критический анализ выявил ключевые противоречия: неопределенность критериев формирования ожиданий, конфликт с принципами верховенства права и рациональности государственной политики, а также избыточность доктрины в случаях, где её применение дублирует иные правовые механизмы (например, требование справедливости или последовательности). Практика Канады и Австралии, где материальные ожидания не получили широкого распространения, подтверждает, что защита доверия часто упирается в необходимость сохранения гибкости административного управления.

Российская правовая доктрина, интегрируя зарубежный опыт, трансформирует концепцию в принцип поддержания доверия, разграничивая «законные» ожидания, основанные на нормативных актах, и «правомерные», вытекающие из целей и логики правового регулирования. Это позволяет учитывать как формальные критерии законности, так и этические императивы добросовестности государства. Таким образом, универсализация принципа защиты ожиданий требует не только унификации подходов, но и гибкости в оценке конкурирующих интересов, где соблюдение правового статуса quo сочетается с возможностью законодателя реагировать на общественные вызовы, сохраняя при этом легитимность государственной власти в глазах граждан.

Перспективы развития доктрины связаны с унификацией подходов к её толкованию, включая чёткое определение оснований возникновения ожиданий, критериев их законности и механизмов защиты. Это требует не только совершенствования законодательства, но и активной роли судебной практики в разграничении зон конкуренции между публичными и частными интересами. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление оптимальных моделей баланса между стабильностью правовых ожиданий и динамикой государственного управления в условиях глобализации.

Библиография

1. Usher J. The Influence of National Concepts on Decisions of the European Court //

- European Law Review. 1976. N 28. P. 363.
2. Watson J. Clarity and Ambiguity: A New Approach to the Test of Legitimacy in the Law of Legitimate Expectations // Legal Studies. 2010. N 30 (4). Pp. 633-652. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2010.00177.x.
3. Ahmed F., Perry A. The Coherence of the Doctrine of Legitimate Expectations // Cambridge Law Journal. 2014. N 73 (1). Pp. 61-85. DOI: 10.1017/S0008197314000026.
4. Барбук А. Защита законных ожиданий и прямое применение международного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. N 3. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2002-3/2002-3-barbuk> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Craig P. Administrative Law (7th edn) // Sweet and Maxwell. 2012. Pp. 679-680.
6. Tate P. The coherence of "Legitimate Expectations" and the Foundation of Natural Justice // Monash University Law Review. 1988. V. 14. P. 68.
7. Forestini R. Les accords avec l'administration fiscale, in Dossiers du Journal des Tribunaux, num. n°40 // Bruxelles: Larcier Group. 2003. P. 154.
8. Brown C. The Protection of Legitimate Expectations As A 'General Principle of Law': Some Preliminary Thoughts // Transnational Dispute Management. 2009. N 1. URL: www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=1303 (дата обращения: 04.05.2025).
9. Forsyth C.F. The Provenance and Protection of Legitimate Expectations // The Cambridge Law Journal. 1988. V. 47. N 2. Pp. 238-260. DOI: 10.1017/S000819730011801X.
10. Groves M. N. Substantive Legitimate Expectations in Australian Administrative Law // Melbourne University Law Review. 2008. V. 32. N 2. Pp. 470-523.
11. Varuhas J. N. In Search of a Doctrine: Mapping the Law of Legitimate Expectations in "Legitimate Expectations in the Common Law World" (1 ed.) by Groves M.; Weeks G. // Oxford UK: Hart Publishing. 2017. P. 368.
12. Информация Конституционного Суда РФ "Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)" (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения: 04.05.2025).
13. Андрюшин С. В. Применение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства при разрешении налоговых споров // Налоговед. 2019. N 2. URL: <https://e.nalogoved.ru/706902> (дата обращения: 01.05.2025). EDN: YWAHWX.
14. Макаренко Д. Г. Принцип доверия как детерминанта эффективного правового регулирования общественных отношений: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. N 4(25). С. 15-22. EDN: XRWKTZ.
15. Афанасьев Д. В. Нюансы защиты имущества юридических лиц в Европейском суде по правам человека // Хозяйство и право. 2011. N 6. С. 28-39. EDN: UNYVOR.
16. Черновол К. А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. Т. 63. N 1. С. 181-191. DOI: 10.21638/spbu25.2019.110. EDN: OJMDJC.
17. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России // Москва: Норма, ИНФРА-М. 2011. 719 с. ISBN 978-5-91768-221-1 (Норма), 978-5-16-005138-3 (ИНФРА-М). EDN: SDQRMD.
18. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет". Санкт-Петербург. 2015. 277 с. EDN: XWTCFN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих зарубежных и российского подходов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой анализ, позволивший выявить специфику подходов к законным ожиданиям в английском, немецком, европейском и российском праве, а также историко-правовой метод, примененный для реконструкции эволюции анализируемого принципа от судебных решений 1970-х гг. до современных толкований. Важную роль сыграл формально-юридический анализ российских нормативных правовых актов и судебной практики, включая решения Конституционного Суда РФ, что позволило определить особенности реализации аналогичного принципа защиты правомерных ожиданий в отечественном правовом пространстве".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Актуальность исследования принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства обусловлена его ключевой ролью в обеспечении стабильности правовых систем и легитимности государственного управления. В условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения механизма государственного регулирования сохранение доверия общества к государству обеспечивается в первую очередь соответствием между, с одной стороны, ожиданиями участников правоотношений от государства и закона, и, с другой стороны, действиями представителей государства в лице законодательных и правоприменительных органов. Поддержание доверия граждан к закону и действиям властей как неотъемлемый элемент верховенства права не может не служить полем для столкновения интересов публичной власти и правомерных ожиданий частных лиц, что предопределяет непрерывный поиск механизмов обеспечения баланса между указанными интересами. Несмотря на значительное число работ, посвященных законным ожиданиям в зарубежной доктрине (в российской юридической науке и практике наиболее точным термином-аналогом выступают «правомерные» ожидания), в отечественной науке вопросы генезиса и практической реализации данного принципа остаются недостаточно изученными, что обуславливает необходимость комплексного анализа как зарубежного опыта, так и российских правоприменительных тенденций. Особую значимость приобретает исследование противоречий между принципами законности и правовой определенности (сохранение которой способствует поддержанию доверия общества к государству), возникающих при изменении государственной политики, а также оценка критериев, позволяющих учитывать общественные и частные интересы в подобных конфликтах". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы "... заключается в системном рассмотрении принципа правомерных (законных) ожиданий через призму его взаимодействия с институтами процессуальной справедливости, правовой определенности и добросовестности власти. В работе предпринята попытка синтезировать зарубежные теоретические концепции (такие, как немецкий принцип защиты доверия (*Vertrauensschutz*), французская

концепция юридической безопасности (*sécurité juridique*) или англо-американские законные ожидания (*legitimate expectations*) с российскими правоприменительными подходами, а также определить критерии разграничения «законных» и «правомерных» ожиданий, что вносит вклад в развитие отечественной доктрины конституционного права. Кроме того, авторским вкладом является анализ прецедентов, демонстрирующих зависимость защиты ожиданий от характера государственных гарантий (индивидуальные заверения, устоявшаяся практика, нормативные акты), что расширяет понимание условий применимости принципа в публично-правовых отношениях" и проявляется в ряде заключений автора: "Анализ зарубежной судебной практики показывает, что законные ожидания формируются под влиянием различных факторов: публичных заявлений, устойчивой практики или нормативных актов. Разнообразие подходов к их признанию в разных правовых системах (от прямых обещаний до подразумеваемых гарантий) требует систематизации критериев, определяющих их законность и защиту. Это обуславливает необходимость классификации оснований возникновения законных ожиданий, которая позволит выявить универсальные принципы и особенности их применения в контексте национальных правовых традиций"; "Основным критерием оспаривания решений становится нарушение разумных ожиданий, порожденных действиями государства. Однако отсутствие единства в трактовке «правомерности» ожиданий, а также в подходах к учету субъективного элемента (осведомленности лица о существующей практике) оставляет вопросы о границах доктрины открытыми. Эти противоречия подчеркивают необходимость сравнительного анализа интерпретации законных ожиданий в различных правовых системах, что позволит выявить общие принципы и специфические подходы к обеспечению баланса между стабильностью правового регулирования и гибкостью государственного управления"; "Сравнительный анализ правоприменительных подходов к интерпретации концепции законных ожиданий в иностранных юрисдикциях позволяет прийти к следующим выводам. Общие принципы, лежащие в основе анализируемого принципа в большинстве правовых систем – это, во-первых, баланс интересов, предполагающий, что суды стремятся найти компромисс между защитой законных ожиданий, сохранением стабильности, поддержанием доверия к государству и гибкостью управления, предполагающей возможность пересмотра административных политик, учет изменяющихся общественных потребностей. Во-вторых, в большинстве проанализированных юрисдикций правоприменители стремятся учитывать общественные интересы: даже в странах с сильной защитой материальных ожиданий, таких, как Германия, Франция, суды допускают «разочарование» ожиданий, если это оправдано значимыми общественными целями. Логично, что и в Канаде, отвергающей концепцию материальных ожиданий, суды подчеркивают, что министр вправе нарушить ожидания, если это служит общественным интересам. Разница между данными правовыми системами состоит только в степени значимости обеспечиваемых публичных целей, противопоставляемых частным ожиданиям конкретного лица" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор рассматривает теоретические основы и практические аспекты применения принципа защиты правомерных (законных) ожиданий как ключевого элемента принципа поддержания доверия к действиям властей в контексте сравнительного правоведения, а также определяет его место в российской правовой системе. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 18 источниками (диссертационной работой, монографией, научными статьями, учебником), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Анализ доктрины законных ожиданий в контексте различных правовых систем позволяет констатировать её значимость как инструмента баланса между интересами государства и правами частных лиц. Несмотря на историческое формирование в рамках английского судебского права, где акцент делался на процессуальных аспектах, современная интерпретация доктрины в зарубежных юрисдикциях демонстрирует расширение её материальной составляющей. Так, в немецком праве принцип *Vertrauensschutz* подчеркивает защиту доверия граждан к действиям власти даже при конфликте с законностью административных решений, тогда как во французской практике акцент смещается на компенсационные механизмы, а не процессуальные ограничения. Европейский Союз, напротив, интегрирует доктрину в качестве основополагающего начала, пересматривая действия государств-членов через призму законных ожиданий, возникающих из законодательства, политики или руководящих принципов. Критический анализ выявил ключевые противоречия: неопределенность критериев формирования ожиданий, конфликт с принципами верховенства права и рациональности государственной политики, а также избыточность доктрины в случаях, где её применение дублирует иные правовые механизмы (например, требование справедливости или последовательности). Практика Канады и Австралии, где материальные ожидания не получили широкого распространения, подтверждает, что защита доверия часто упирается в необходимость сохранения гибкости административного управления. Российская правовая доктрина, интегрируя зарубежный опыт, трансформирует концепцию в принцип поддержания доверия, разграничивая «законные» ожидания, основанные на нормативных актах, и «правомерные», вытекающие из целей и логики правового регулирования. Это позволяет учитывать как формальные критерии законности, так и этические императивы добросовестности государства. Таким образом, универсализация принципа защиты ожиданий требует не только унификации подходов, но и гибкости в оценке конкурирующих интересов, где соблюдение правового статуса quo сочетается с возможностью законодателя реагировать на общественные вызовы, сохраняя при этом легитимность государственной власти в глазах граждан" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, административного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания).

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гусельникова О.В. Криминалистическая характеристика хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография» // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74078 EDN: НРUEKO URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=74078

Криминалистическая характеристика хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография»**Гусельникова Ольга Владимировна**

аспирант; факультет подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева

125080, Россия, г. Москва, р-н Сокол, ул. Врубеля, д. 12

✉ olya.gold25@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.4.74078

EDN:

НРUEKO

Дата направления статьи в редакцию:

13-04-2025

Аннотация: В статье рассматривается содержание криминалистической характеристики хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», ответственность за совершение которых предусмотрена ст.ст. 159–159.6, 285, 286, 290, 293 УК РФ. Актуальность темы статьи обусловлена высокой общественной опасностью хищений бюджетных средств, выделяемых государством на реализацию национального проекта «Демография». Несмотря на предпринимаемые меры по противодействию данным преступлениям, их количество остается значительным, а размер ущерба исчисляется миллиардами рублей. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования методики расследования хищений бюджетных средств, основу таких методик составляет криминалистическая характеристика преступлений, которая определяет направления для выработки рекомендаций по сбору, проверке и оценке доказательств по расследуемому делу. Для исследования проведен анализ следственно – судебной практики, изучены типичные схемы хищений, базой для этого послужили 216 уголовных дела по фактам хищения бюджетных средств,

предназначенных для реализации национального проекта «Демография», которые были рассмотрены судами в регионах России с 2021 г по 2024 г. В ходе исследования использовался метод анализа судебной практики, ее описания и обобщения, благодаря всеобщему диалектическому методу обобщены факты хищения бюджетных средств при реализации национального проекта "Демография", с использованием системно-структурного метода материал в статье изложен последовательно от анализа к выводам и дачи рекомендаций. Научная новизна исследования определяется изучением криминалистической характеристики, характерной для хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография». В результате изучения судебно-следственной практики следует, что в современных условиях способы совершения хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, достаточно разнообразны. Наиболее распространенными способами хищения бюджетных средств является предоставление в государственные (муниципальные) органы подложных документов для получения пособий (субсидий), а также при исполнении государственных (муниципальных) контрактов, путем предоставления недостоверных сведений о выполненных работах. В настоящее время требуется повышение качества раскрытия и расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», в целях определения причины их совершения, для последующего предотвращения.

Ключевые слова:

Криминалистическая характеристика, бюджетные средства, хищение бюджетных средств, мошенничество, экономическое преступление, должностное преступление, способы хищения, государственная собственность, национальный проект, национальный проект Демография

«Отрывной точкой для формулирования национальной программы «Демография» был указ № 204 от 7 мая 2018 года Президента Российской Федерации В. В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Ключевыми задачами нацпроекта были определены увеличение ожидаемой продолжительности жизни (до 67 лет), снижение уровня смертности населения старше трудоспособного возраста, увеличение рождаемости. Нацпроект «Демография», рассчитанный на 2019-2024 годы, включал в себя пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт - норма жизни». Общий бюджет на шесть лет составил 3,1 трлн. рублей [2]. Нацпроект «Демография» являлся самым масштабным национальным проектом по финансированию, что составляло почти 30% всего бюджета нацпроектов по 2024 году. Как отмечала Татьяна Голикова, «по объемам финансирования нацпроект «Демография» остается крупнейшим из всех национальных проектов» [1]. С 2025 года в России начали действовать новые нацпроекты, направленные на улучшение демографической ситуации, в том числе на поддержку семей с детьми: «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь» и «Новые технологии сбережения здоровья» [3].

Рост выявленных и доказанных преступлений по хищениям бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», в современных условиях вызывает серьезные проблемы в обеспечении безопасности государства. Суммы хищений в сфере демографии в России исчисляются «в миллиардах рублей, эти

преступления наносят федеральному бюджету и региональным бюджетам значительные материальные потери, которые в свою очередь влекут массу негативных последствий, таких как снижение продолжительности жизни населения, а также снижение авторитета государственной власти в глазах общества» [\[8, с. 326\]](#).

Повышение организованности при совершении хищений бюджетных средств, усиление связей с коррупционными составляющими способствуют необходимости дальнейшего совершенствования методики расследования преступлений, а также росту потребности в разработке методик для новых составов хищений бюджетных средств. Как правило, базисом таких методик является криминалистическая характеристика преступлений, определяющая направления для руководства в целях получения информации, а также оценке доводов по расследуемым делам.

Хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», «относятся к преступлениям против собственности и представляют собой умышленные посягательства по корыстным мотивам на имущество, деньги или иные материальные ценности, находящиеся в чужой собственности» [\[11, с. 77\]](#). Как отмечал Ю. П. Гармаев, «хищения, прежде всего, составы мошенничества, присвоения и растраты (ст.ст. 159-159.6, 160 УК РФ и др.)» [\[5, с. 178\]](#). Также раскрываются преступления, в которых должностные лица с преступным умыслом использовали свои полномочия для получения незаконной выгоды (ст.ст. 285, 286 УК РФ), получали взятки за совершение действий при исполнении должностных полномочий (ст. 290 УК РФ), не исполняли или не надлежаще исполняли свои обязанности (халатность) (ст. 293 УК РФ). «Наиболее опасные хищения совершаются в совокупности с коррупционными посягательствами. Криминалистическая характеристика анализируемых преступлений должна содержать типичные способы, следы, обстановку не только собственно хищений (ст.ст. 159-160 УК РФ и др.), но и сопутствующих коррупционных преступлений (ст.ст. 290-291.2 УК РФ и др.), данные о личности не только типичных расхитителей, но и их соучастников-коррупционеров, сведения о типичных организованных преступных формированиях» [\[7, с. 293\]](#).

При расследовании хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», применяют криминалистическую характеристику, которая «состоит из характера первоначальной информации о преступлении, характеристики способов мошенничества, механизмов следообразования, характеристики основных обстоятельств совершения преступления (место, время, обстановка), социально-психологической характеристики личности подозреваемого, его цели и мотивов, характеристики потерпевшего» [\[2, с. 66\]](#). «Понятие «криминалистическая характеристика» впервые упомянул П. И. Люблинский, рассматривая его в связи с уголовным делом. Первые научные работы, содержащие представление о криминалистической характеристике преступлений, принадлежат Л. А. Сергееву и А. Н. Колесниченко» [\[10, с. 301-302\]](#). А. Н. Колесниченко указал, что одним из структурных элементов любой методики расследования является криминалистическая характеристика преступления. Л. А. Сергеев одним из первых предложил перечень элементов, входящих в содержание рассматриваемой криминалистической категории, таких как способ совершения преступления, условия и обстановка его совершения, обстоятельства, связанные с объектами преступных посягательств, данные, характеризующие участников преступления. Р. С. Белкин считал, что знание о преступлении определяет метод раскрытия и расследования. «Ученые А. Н. Васильев, А. А. Эксархопуло, Н. П. Яблоков в качестве еще одного основания криминалистической классификации преступлений

называют следственные ситуации» [\[12, с. 76\]](#). «Благодаря трудам таких известных ученых, как А .Н. Васильев, И. А. Возгрин, И. Ф. Герасимов, А. Н. Колесниченко, В. А. Образцов Н. П. Яблоков, было установлено, что уголовно-правовая классификация преступлений не может в полной мере удовлетворять потребности криминалистической методики в силу накопления эмпирического материала» [\[12, с. 72\]](#). «И. М. Лузгин представлял криминалистическую характеристику преступления как информацию, выполняющую познавательную, организационно-методическую и оценочную функции» [\[2, с. 66\]](#).

Анализ практики показывает, что раскрытие хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», успешно проводится при грамотном использовании информации от проведенных следственных осмотров документов, мест совершения хищений бюджетных средств, от результатов выполненных обысков в местах жительства подозреваемых, от результатов назначенных почерковедческих экспертиз, а также от полученных отчетов по судебным технико-криминалистическим экспертизам документов, результатов экспертиз образцов, изъятых при выемке для сравнительного исследования. В ходе расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», назначаются истребования документов, выемка документов, предметов, инициируются проведения документальных проверок, в результате проведенных допросов получают нужную информацию, проводятся мероприятия по получению справок, данных по почтовым отправлениям, переписке через мессенджеры, организовываются наблюдение, контроль переговоров, изъятие электронных баз данных.

Р. С. Белкин указал, что «способ совершения и сокрытия преступления, точнее знание о нем, определяет путь познания истины по делу, т.е. метод раскрытия и расследования» [\[3, с. 805\]](#). Изучение наиболее часто встречающихся способов хищения бюджетных средств по нацпроекту «Демография», как правило, содействует эффективному расследованию преступлений в этой области.

Судебно-следственная практика показывает, что часто встречающимися преступлениями являются хищения денежных средств или иного имущества, которые осуществляются при получении пособий и социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат») (встречаются в 24,07% изученных дел). Например, в Саратовской области женщина, используя свидетельство о рождении на не родившегося у нее четвертого ребенка, подала заявление в адрес ГКУ Саратовской области «Управление социальной поддержки населения Аткарского района. По представленным подложным документам в период с 2017 по 2023 гг. ей была зачислена сумма в размере 724,7 тыс. руб. в качестве мер социальной поддержки малоимущего населения, которая состояла из дополнительного единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, единовременного пособия при рождении, ежемесячной денежной выплаты на ребёнка до достижения трех лет, ежемесячной денежной выплаты на ребёнка до семи лет, ежемесячного пособия по категории «одинокая мать», денежных средств для посещения театров членами многодетных семей. «Аткарским городским судом виновной вынесен приговор по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, по факту мошенничества при получении выплат с возмещением материального ущерба в сумме 724,7 тыс. руб.» [\[7\]](#).

Как показывает практика, наибольшее распространение получили преступления, совершенные в сфере реализации национального проекта «Демография» в рамках проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей», связанных с хищением бюджетных средств путем незаконного получения и «обналичивания» средств

материнского (семейного) капитала, при которых недобросовестные граждане представляют в компетентные органы ложные сведения о рождении детей вне медучреждений и без оказания медпомощи для получения социальных выплат и пособий (21,3% дел). Так, в 2021 году в г. Перми женщина, предварительно сговорившись с несколькими лицами, представила сведения об якобы рождении в домашних условиях второго ребенка через личный кабинет на едином портале «Госуслуги», получила сертификат на получение материнского (семейного) капитала в размере 639,4 тыс. руб. Далее она от ГУ-Отделение Пенсионного фонда РФ получила средства материнского (семейного) капитала, установленные Федеральным законом № 256 от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», в размере 639,0 тыс. руб., которыми распорядилась по своему усмотрению на цели, не связанные с улучшением жилищных условий. «Мотовилихинским районным судом г. Перми была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.159.2 УК РФ, по факту мошенничества при получении выплат» [\[8\]](#).

Часто встречающимися способами хищения в области демографии являются случаи, когда лица заключали фиктивные сделки по приобретению объектов недвижимости, которые затем оплачивались выплатами материнского (семейного) капитала (14,81% дел). Так, в г. Иркутске женщина, имея преступный умысел на хищение бюджетных средств, выделенных в рамках реализации нацпроекта «Демография», решила приобрести жилой дом и земельный участок с использованием средств материнского (семейного) капитала в сумме 453,0 тыс. руб. Она представила ложные сведения по покупке дома и земельного участка, причем оформленный дом на земельном участке не был пригоден для проживания. Подсудимая не планировала улучшать жилищные условия своей семьи, обналичила средства материнского (семейного) капитала на сумму 453,0 тыс. руб., которыми распорядилась по своему усмотрению. «Кировским районным судом г. Иркутска был вынесен приговор по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, по факту мошенничества при получении выплат» [\[9\]](#).

Зачастую лица заключали фиктивные сделки по приобретению объектов недвижимости по завышенной стоимости за счет заемных средств, которые впоследствии оплачивались средствами материнского (семейного) капитала (16,67% дел). Так, в 2022 году в Челябинской области у женщины, узнавшей о возникшем у нее праве по реализации мер господдержки жилищного (ипотечного) кредитования в рамках реализации национального проекта «Демография» по случаю рождения ребенка, с целью незаконного обогащения, возник преступный умысел на хищение средств за счёт разницы между покупной стоимостью объекта недвижимости и размером субсидии в сумме, не превышающей 450,0 тыс. руб. Она предоставила заведомо ложные и недостоверные сведения о приобретении объекта недвижимости по завышенной стоимости в АО «ДОМ.РФ», которое является агентом Правительства РФ по реализации мер господдержки семей, имеющих детей, по вопросам погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам). Женщина с группой лиц по предварительному сговору похитили денежные средства, полученные за счёт разницы между стоимостью объекта недвижимости и размером субсидии, в сумме 320,0 тыс. руб., которыми она распорядилась по собственному усмотрению. «Троицким городским судом Челябинской области был вынесен приговор по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, по факту мошенничества при получении субсидий» [\[11\]](#).

Следует отметить, что хищения в особо крупных размерах часто происходят в процессе государственных и муниципальных закупках (15,74% дел). Так, в 2019 году в Московской области был заключен государственный контракт между ГКУ МО Щелковский

ЦЗН и ГБПОУ МО «Щелковский колледж» на обучение граждан предпенсионного возраста в рамках реализации национального проекта «Демография» проекта «Старшее поколение», в количестве 60 человек по профессии «Оператор ПК» программы обучения «Оператор ЭВМ со знанием программы 1-С», сумма контракта составила 2 601,0 тыс. руб.. Директор ГБПОУ МО «Щелковский колледж», используя свои служебные полномочия, вопреки интересам службы, действуя из личной заинтересованности, подписала акт о выполнении работ, согласно которого 60 человек, якобы, проходили обучение в ГБПОУ МО «Щелковский колледж», подписала платежное поручение, на основании которого с расчетного счета ГКУ МО Щелковский ЦЗН на расчетный счет ГБПОУ МО «Щелковский колледж» перечислены денежные средства в размере 2 601,0 тыс. руб. «Щелковским городским судом Московской области был вынесен приговор в отношении директора по ч. 1 ст. 285 УК РФ как злоупотребление должностными полномочиями, то есть использование должностным лицом своих служебных полномочий» [\[10\]](#).

Также, имеют место хищения при получении социальных выплат самозанятыми путем предоставления ложных сведений в государственные органы (7,41% дел). Например, в 2022 г в Республике Татарстан женщина, которая была осведомлена о существовании социальной выплаты в рамках национального проекта «Демография» на оказание государственной социальной помощи на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности и самозанятости - на срок не более чем на 12 месяцев в виде денежных выплат (ежемесячного социального пособия, единовременной выплаты), из корыстных побуждений обратилась в Министерство труда, занятости и социальной защиты на предоставление единовременной выплаты в размере 250,0 тыс. руб. На момент заключения социального контракта на получение социальной выплаты для реализации бизнес - плана и социальной адаптации она не планировала выполнять принятые на себя обязательства, тем самым введя в заблуждение и обманывая сотрудников отдела социальной защиты. Зачисленная сумма была использована в личных интересах, в результате чего, госучреждению был причинен имущественный вред в крупном размере на сумму 250,0 тыс. руб. «Мамадышским районным судом Республики Татарстан признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 159 УК РФ как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана» [\[5\]](#).

Хищениям, как отмечал А. К. Безбогин, «способствует высокий уровень коррумпированности должностных лиц государственных организаций. Последние при заключении государственных контрактов (договоров подряда), разрабатывают различные комбинации, связанные с нарушением порядка проведения коммерческих конкурсов, фальсификации проектно-счетной документации, завышением стоимости выполняемых работ и др. [\[1, с. 19\]](#). При хищениях бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, как правило, преступники обладают административно-хозяйственными функциями, используют подчиненных им работников (10,7 % дел). Например, в 2020 году в Республике Башкортостан директор общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), имея корыстный умысел, решил совершить мошенничество, то есть хищение чужого имущества - денежных средств, выделенных в рамках национального проекта «Демография» по государственному контракту на строительно-монтажные, пусконаладочные работы по объекту «Строительство детского сада на 50 мест», в особо крупном размере, путем обмана сотрудников ГКУ «Управление капитального строительства» Республики Башкортостан. Директор дал указания своим подчиненным составить Акт о приемке выполненных работ

(КС-2) и Справку о стоимости выполненных работ и затрат (КС-3). Затем представил заказчику документы, в которых в сумму выполненных на объекте субподрядными организациями работ внес невыполненные работы на общую сумму 5 673,3 тыс. руб., которыми он распорядился по своему усмотрению, причинив государству имущественный ущерб в особо крупном размере на указанную сумму. «Октябрьским районным судом г. Уфы Республика Башкортостан вынесен приговор в отношении директора ООО по ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту мошенничества, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере» [\[6\]](#).

Как правило, хищения денежных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, совершаются для незаконного обогащения мошенников (7,14% дел). Так, в 2020 году в Алтайском крае между ООО и Учреждением были заключены государственные контракты на оказание ООО услуг по дополнительному профессиональному образованию женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет в рамках федерального проекта «Содействие занятости женщин», обратившихся в органы службы занятости по профессиям «Реабилитационная работа в социальной сфере», на профессиональное обучение граждан предпенсионного возраста по образовательной программе «Бухгалтер в социальной сфере» в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Директор ООО лично, с помощью подчиненных ей сотрудников, изготавлила и предоставила в Учреждение документы, содержащие заведомо недостоверные сведения об якобы оказанных в полном объеме услугах. После зачисления денежных средств Учреждения на подконтрольный ей расчетный счет ООО директор распорядилась ими по своему усмотрению. «Индустриальным районным судом г. Барнаула Алтайского края директор признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, по факту мошенничества, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере» [\[12\]](#).

В основном хищения в крупных размерах выявляются при строительстве объектов, запланированных в рамках национального проекта «Демография», в результате процесса государственных закупок (16,07% дел). Например, в 2022 году в Иркутской области по результатам электронного аукциона ООО был заключен муниципальный контракт на строительство спортивного оздоровительного комплекса в рамках исполнения федерального проекта программы «Спорт – норма жизни» национального проекта «Демография», которым была предусмотрена поставка технологического оборудования на сумму 2 894,3 тыс. руб. Генеральный директор ООО, реализуя преступный умысел, заключил с неосведомленным об его преступных намерениях индивидуальным предпринимателем (далее – ИП) договор на поставку медицинского оборудования и спортивного оборудования, однако, оплату товара не произвел. ИП подготовил поставку оборудования на объект, но директор заключил договор ответственного хранения на это оборудование, организовал составление документов о приемке этого оборудования и его стоимости, которые направил в администрацию муниципального образования, после чего получил за оборудование полную оплату на счет своей организации. Не оплатил ИП поставку оборудования, фактически медицинское и спортивное оборудование не поставил, а распорядился полученными денежными средствами по своему усмотрению. Затем, директор продолжил реализовывать свой преступный умысел и изготавливал акты о приемке выполненных работ по поставке оборудования для медицинского кабинета, по поставке оборудования для спортивного зала, справки о стоимости выполненных работ, в которых поставил

свою подпись и передал администрации муниципального образования. В ходе осмотра спортивно-оздоровительного комплекса было установлено, что медицинское испортивное оборудование на сумму 2 894,3 тыс. руб. поставлено не было. «Кировским районным судом г. Иркутска действия генерального директора квалифицировали по ч. 4 ст. 159 УК РФ как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенное с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере» [\[4\]](#).

Как поясняет Ю. В. Белецкая, «в результате незаконно полученных выплат, финансируемых из федерального бюджета, предназначенных для реализации национальных проектов, потерпевшей стороной признается государство. Исходя из всего изложенного, полагаем, что криминалистическая характеристика мошенничества при получении пособий и субсидий имеет особое значение, как в ходе рассмотрения сообщения о нем для установления его объекта и объективной стороны, так и при решении задач непосредственно предварительного расследования» [\[2, с. 68\]](#).

Следует отметить, что для качественного расследования хищений бюджетных средств, которые предназначены для реализации национального проекта «Демография», имеет значение дополнительно получаемая информация, такая как, сведения о семье, о состоянии здоровья, об источниках финансовых доходов всех членов семьи. Также необходимо изучение документов по всем государственным программам, реализуемых в рамках национального проекта «Демография». Как подчеркивает А. А. Бессонов, «способ преступления - это система объединённых единым преступным замыслом (для неосторожных преступлений - единым отношением к последствиям) действий преступника (его соучастников) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями его обстановки, объектом (предметом) посягательства и психофизиологическими свойствами личности, представляющих совокупность приёмов, орудий, средств и находящих своё отражение в объективной реальности в виде следов, обуславливающая методику его расследования и установление ретроспективной модели совершённого преступления» [\[4, с. 172\]](#).

Таким образом, каждое хищение бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», оставляет «следовую картину» преступления. Этот факт, прежде всего, способствует более точному определению способов совершения хищения, а также оперативному выявлению подозреваемых в совершении данных преступных посягательств. По утверждению О. П. Грибунова, «особенности расследования любого преступления определяются его криминалистической характеристикой, охватывающей как само деяние, так и способы его совершения, включая подготовку и сокрытие, а также механизм следообразования, личностные особенности субъекта преступления и потерпевшего» [\[9, с. 31\]](#).

Как указывает Ю. П. Гармаев, «в криминалистической же характеристике, кстати, должно быть подробно описано, где и как расхитители и коррупционеры прячут преступно нажитые активы» [\[6, с. 105\]](#). Причем, с каждым годом способы совершения преступлений модернизируются. По мнению Ю. П. Гармаева, «для следователей и оперативников, а главное – их руководителей должен быть обозначен приоритет, иначе – основное направление расследования. Это приоритет выявления и пресечения не единичных, а совокупности перечисленных посягательств, совершаемых серийно, а зачастую и организованно» [\[7, с. 293\]](#).

В результате, можно сделать вывод, что судебно-следственная практика показывает, что в современных условиях способы совершения хищений бюджетных средств,

предназначенных для реализации национальных проектов, достаточно разнообразны. Знания о способах совершения преступлений при хищении бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», имеют теоретическое и практическое значение для повышения эффективности расследования хищений бюджетных средств. В современных условиях необходимость повышения эффективности принимаемых мер борьбы с хищениями бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», необходимость повышения качества раскрытия и расследования соответствующих преступлений не только не теряют свою актуальность, но и становятся приоритетными на всех уровнях.

1. Материалы Совещания Зам. Председателя Правительства Голиковой Т. от 25.04.2024 г «Об итогах реализации нацпроекта «Демография» в 2023г и ходе его в 1 квартале 2024 г» // Официальный интернет портал правовой информации: сайт. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070058?ysclid=IwapbvljqI192288603> (дата обращения: 31.03.2025).
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации: сайт. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038?ysclid=IwapbvljqI192286803> (дата обращения: 31.03.2025).
- 3 . Официальный интернет портал правовой информации: сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070058?ysclid=IwapbvljqI192296457> (дата обращения: 25.03.2025)
- 4 . Приговор № 1-379/2022 1-48/2023 от 10 августа 2023 г. по делу № 1-379/2022 Кировский районный суд г. Иркутска (Иркутская область). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/EVKsafDyFLVu/> (дата обращения: 31.03.2025).
- 5 . Приговор № 1-92/2023 от 13 декабря 2023 г. по делу № 1-92/2023, Мамадышский районный суд (Республика Татарстан). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/NPJnjZiRMFot/> (дата обращения: 29.03.2025).
- 6 . Приговор № 1-101/2023 от 21 декабря 2023 г. по делу № 1-101/2023, Октябрьский районный суд г. Уфы (Республика Башкортостан). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/iwcRI5GQJ25W/> (дата обращения: 01.04.2025).
- 7 . Приговор № 1-102/2023 1-6/2024 от 25 января 2024 г. по делу № 1-102/2023, Аткарский городской суд (Саратовская область). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/zhoIzrJVZ7gs/> (дата обращения: 05.03.2025).
- 8 . Приговор № 1-370/2023 от 11 сентября 2023 г. по делу № 1-370/2023, Мотовилихинский районный суд г. Перми (Пермский край). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/BZ4SoNDHNVg8/> (дата обращения: 10.03.2025).
- 9 . Приговор № 1-411/2023 1-55/2024 от 30 января 2024 г. по делу № 1-411/2023, Кировский районный суд г. Иркутска (Иркутская область). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/zhoIzrJVZ7gs/> (дата обращения: 01.04.2025).
- 10 . Приговор № 1-435/2023 от 3 июля 2023 г. по делу № 1-435/2023, Щелковский городской суд (Московская область). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/AHHw4sDCZNHO/> (дата обращения: 31.03.2025).

11. Приговор № 1-23/2024 1-396/2023 от 15 января 2024 г. по делу № 1-23/2024, Троицкий городской суд (Челябинская область). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/PsYB4UBZuHYR/> (дата обращения: 01.04.2025).

12. Приговор № 1-45/2024 1-868/2023 от 13 февраля 2024 г. по делу № 1-45/2024, Индустриальный районный суд г. Барнаула (Алтайский край). [Электронный ресурс] URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/t6WW9XkA2hbm/> (дата обращения: 30.03.2025).

Библиография

1. Безбогин А.К. Организация первоначального этапа расследования хищений в строительстве: дис. ...канд. юрид. наук. – К., 2020. – 169 с.
2. Белецкая Ю.В. Основные элементы криминалистической характеристики мошенничества при получении социальных выплат в виде пособий и субсидий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2024. – № 2(64). – С. 65-70. EDN: BYQDXD
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – Москва: Закон и право, 2001. – 867 с.
4. Бессонов А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Проблемы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 171-173. EDN: SMYPFZ
5. Гармаев Ю.П. Основы криминалистической характеристики коррупционных преступлений: обновлённый методологический подход / Ю.П. Гармаев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 174-183. DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10042. EDN: XXPFGP
6. Гармаев Ю.П. Приоритеты государственной политики в контексте разработки и модернизации криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 1(54). – С. 101-108. EDN: VVNYFL
7. Гармаев Ю.П. Эффективность расследования преступлений в контексте приоритетов государственной политики // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 23 ноября 2023 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2024. – С. 288-295. EDN: GZCISZ
8. Глухов В.Г. О классификации способов хищений в сфере здравоохранения / В.Г. Глухов // Криминалистические чтения на Байкале-2024: Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 14-15 июня 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. – С. 325-334. EDN: MFCKZF
9. Грибунов О.П. К вопросу о проблемах раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений на первоначальном этапе расследования // В сборнике: Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных трудов. – 2014. – С. 31-35. EDN: TXAWYV
10. Хлус А. М. Проблемные аспекты и тенденции криминалистической характеристики преступлений / А. М. Хлус // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию со дня образования кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 13 апреля 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 301-309. EDN: HRXAPB
11. Хоменко А. Н. К вопросу о понятии и признаках хищения / А.Н. Хоменко // Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления. – 2023. –

№ 6. – С. 75-82. DOI: 10.24412/cl-37031-2023-2-94-104 EDN: NTFPZX

12. Шруб М. П. Криминалистическая классификация преступлений: сущность, значение, современные подходы / М. П. Шруб // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2024. – № 1(55). – С. 71-80. EDN: CFAYDN

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, криминалистическая характеристика хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография». Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Рост выявленных и доказанных преступлений по хищению бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», в современных условиях вызывают серьезные проблемы в обеспечении безопасности государства. Суммы хищений в сфере демографии в России исчисляются «в миллиардах рублей, эти преступления наносят федеральному бюджету и региональным бюджетам значительные материальные потери, которые в свою очередь влекут массу негативных последствий, таких как снижение продолжительности жизни населения, а также снижение авторитета государственной власти в глазах общества» [8, с. 326]. Повышение организованности при совершении хищений бюджетных средств, усиление связей с коррупционными составляющими способствуют необходимости дальнейшего совершенствования методики расследования преступлений, а также росту потребности в разработке методик для новых составов хищений бюджетных средств". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Анализ практики показывает, что раскрытие хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», успешно проводится при грамотном использовании информации от проведенных следственных осмотров документов, мест совершения хищений бюджетных средств, от результатов выполненных обысков в местах жительства подозреваемых, от результатов назначенных почековедческих экспертиз, а также от полученных отчетов по судебным технико-криминалистическим экспертизам документов, результатов экспертиз образцов, изъятых при выемке для сравнительного исследования. В ходе расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», назначаются истребования документов, выемка документов, предметов, инициируются проведения документальных проверок, в результате проведенных допросов получают нужную информацию, проводятся мероприятия по получению справок, данных по почтовым отправлениям, переписке через мессенджеры, организовываются наблюдение, контроль переговоров, изъятие электронных баз данных"; "Судебно-следственная практика показывает, что часто встречающимися преступлениями являются хищения денежных средств или иного имущества, которые осуществляются при получении пособий и социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат») (встречается в 24,07% изученных дел)"; "Как показывает практика, наибольшее распространение получили преступления,

совершенные в сфере реализации национального проекта «Демография» в рамках проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей», связанных с хищением бюджетных средств путем незаконного получения и «обналичивания» средств материнского (семейного) капитала, при которых недобросовестные граждане представляют в компетентные органы ложные сведения о рождении детей вне медучреждений и без оказания медпомощи для получения социальных выплат и пособий (21,3% дел); "Часто встречающимися способами хищения в области демографии являются случаи, когда лица заключали фиктивные сделки по приобретению объектов недвижимости, которые затем оплачивались выплатами материнского (семейного) капитала (14,81% дел)" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует криминалистическую характеристику хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», акцентируя внимание на ее отдельных особо значимых элементах. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Нацпроект «Демография» являлся самым масштабным национальным проектом по финансированию, что составлял почти 30% всего бюджета нацпроектов по 2024 году" - "составляло" (опечатка).

Ученый указывает: "Как отмечала Татьяна Голикова «По объемам финансирования нацпроект «Демография» остается крупнейшим из всех национальных проектов» [1]" - "Как отмечала Татьяна Голикова, «по объемам финансирования нацпроект «Демография» остается крупнейшим из всех национальных проектов» [1]" (см. на пунктуацию).

Автор отмечает: "Рост выявленных и доказанных преступлений по хищению бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», в современных условиях вызывают серьезные проблемы в обеспечении безопасности государства" - "вызывает" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 10 источниками (диссертационной работой, научными статьями и учебником). С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... судебно-следственная практика показывает, что в современных условиях способы совершения хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации национальных проектов, достаточно разнообразны. Знания о способах совершения преступлений при хищении бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», имеют теоретическое и практическое значение для повышения эффективности расследования хищений бюджетных средств. В современных условиях необходимость повышения эффективности принимаемых мер борьбы с хищениями

бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «Демография», необходимость повышения качества раскрытия и расследования соответствующих преступлений не только не теряют свою актуальность, но и становятся приоритетными на всех уровнях"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, уголовного процесса и криминалистики при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования данной статьи является криминалистическая характеристика преступлений, связанных с хищением бюджетных средств, выделенных на реализацию национального проекта «Демография». Автор рассматривает типичные способы совершения таких преступлений, их характерные признаки, обстановку, следовую картину, а также особенности совершения противоправных деяний различными категориями лиц.

Методология исследования

В работе прослеживается использование общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучных методов криминалистики. Автор применяет историко-правовой метод при изучении эволюции криминалистической характеристики преступлений, а также юридико-технический метод при анализе судебно-следственной практики. Заметно использование статистического метода при приведении количественных данных о различных способах совершения хищений (например, "встречаются в 24,07% изученных дел"). Однако методологическая основа исследования не была явно обозначена в начале работы, что затрудняет оценку достоверности полученных результатов.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Национальный проект «Демография» является крупнейшим по объему финансирования (3,1 трлн рублей), что делает его привлекательной мишенью для преступных посягательств. Автор справедливо отмечает, что хищения в данной сфере "наносят федеральному бюджету и региональным бюджетам значительные материальные потери", что в свою очередь приводит к снижению эффективности социальной поддержки населения. Кроме того, с 2025 года запущены новые нацпроекты, что делает исследование своевременным для предупреждения возможных хищений в будущем.

Научная новизна

Научная новизна работы проявляется в систематизации и анализе современных способов хищения бюджетных средств именно в рамках национального проекта «Демография». Автор представил детальную классификацию различных видов хищений

с указанием процентного соотношения их распространенности, что имеет практическое значение для правоохранительных органов. Заслуживает внимания анализ судебной практики по конкретным делам, связанным с хищениями в рамках таких федеральных проектов как «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Старшее поколение», «Спорт - норма жизни». Вместе с тем, теоретическая новизна исследования представляется недостаточной, поскольку автор в основном опирается на уже существующие научные разработки в области криминалистической характеристики преступлений.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет последовательную структуру, хотя явно не выделены разделы. Автор начинает с общей характеристики национального проекта «Демография», переходит к понятию криминалистической характеристики преступлений, а затем анализирует конкретные способы совершения хищений. Стиль изложения научный, но доступный для понимания.

В содержательном плане статья представляет собой удачное сочетание теоретических положений и анализа практических кейсов. Автор иллюстрирует каждый выделенный способ хищения конкретными примерами из судебной практики, что повышает практическую ценность исследования. В то же время, работе не хватает более глубокого теоретического анализа взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики данных преступлений. Недостаточно раскрыты вопросы криминалистической профилактики хищений.

Библиография

Библиографический список статьи включает 12 источников, которые представлены преимущественно материалами судебной практики (приговоры судов). Это свидетельствует о практической направленности исследования. В тексте имеются ссылки на работы известных криминалистов (Р.С. Белкин, А.Н. Колесниченко, Л.А. Сергеев, И.М. Лузгин, Ю.П. Гармаев и др.), однако не все эти источники отражены в библиографии, что является серьезным недостатком. Также отсутствуют ссылки на современные диссертационные исследования и монографии по теме хищений бюджетных средств. Ограниченный круг научных источников снижает теоретическую глубину работы.

Апелляция к оппонентам

Статья демонстрирует определенный уровень научной полемики. Автор приводит различные подходы к пониманию криминалистической характеристики преступлений (ссылаясь на работы П.И. Люблинского, Л.А. Сергеева, А.Н. Колесниченко, Р.С. Белкина и др.), однако не всегда критически их оценивает и не формулирует собственную позицию по дискуссионным вопросам. В работе отсутствует явная полемика с оппонентами в области криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств, что ослабляет научную аргументацию автора.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья представляет несомненный интерес для практических работников правоохранительных органов, занимающихся расследованием экономических преступлений, исследователей в области криминастики и уголовного права, а также для специалистов, ответственных за контроль над реализацией национальных проектов.

Основная ценность работы заключается в систематизации типичных способов совершения хищений бюджетных средств в рамках национального проекта «Демография» и иллюстрации их конкретными примерами из судебной практики. Автор убедительно доказывает, что знание криминалистической характеристики данных преступлений имеет важное значение для повышения эффективности их расследования.

К недостаткам работы следует отнести:

Отсутствие четкой методологической основы исследования;

Неполную библиографию, не отражающую весь спектр использованных источников;

Недостаточное внимание к теоретическим аспектам криминалистической характеристики хищений;

Отсутствие конкретных рекомендаций по совершенствованию методики расследования данных преступлений.

В целом, несмотря на указанные недостатки, статья представляет собой завершенное исследование, обладающее практической значимостью и отражающее современное состояние проблемы хищений бюджетных средств в рамках национального проекта «Демография».

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Туршин А.И. Участие специалиста в исследовании электронных доказательств в ходе судебного разбирательства // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74344 EDN: HQVNSV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74344

Участие специалиста в исследовании электронных доказательств в ходе судебного разбирательства**Туршин Андрей Иванович**

ORCID: 0009-0005-2926-9091

аспирант; кафедра уголовно-процессуального права им. Н.В. Радуной; Российский государственный университет правосудия

152850, Россия, Ярославская область, г. Пощеконье, наб. реки Согожи, 2, кв. 9

 antursh@yandex.ru[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.74344

EDN:

HQVNSV

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу участия специалиста в исследовании электронных доказательств на стадии судебного разбирательства по уголовным делам. Целью работы является определение роли специалиста как субъекта, обладающего специальными знаниями, и выявление направлений его деятельности, способствующих обеспечению полноты и достоверности исследования электронной информации на судебных стадиях уголовного судопроизводства. Предметом данной работы является правовой статус и практические аспекты участия специалиста в исследовании электронных доказательств в уголовном процессе. Объектом исследования выступают уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи с участием специалиста при исследовании электронных доказательств на стадии судебного разбирательства. В рамках исследования проводится анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, а также формулируются предложения, направленные на совершенствование правового регулирования. При подготовке статьи использовались общенаучный диалектический метод познания, формально-юридический

метод для анализа норм уголовно-процессуального законодательства об участии специалиста в уголовном судопроизводстве, а также доказательствах и доказывании. Логические методы (индукция, дедукция, анализ и синтез) применялись для обобщения научных рекомендаций и правоприменительной практики по теме работы. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе процессуального статуса специалиста как лица, оказывающего содействие суду и сторонам во время исследования электронных доказательств. В статье рассмотрены функции специалиста, которые прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, раскрыты особенности их реализации в контексте работы с электронной информацией. Основным выводом проведённого исследования является выявление новых форм участия специалиста, которые обусловлены спецификой электронных доказательств и не получили нормативного закрепления, но являются перспективными с точки зрения развития уголовного процесса в условиях цифровизации. К их числу относятся копирование и фиксация свойств скопированных электронных данных, выявление признаков их фальсификации («дипфейков»), а также устранение технических неполадок, препятствующих надлежащему исследованию в судебном заседании электронных доказательств. Предлагаемые функции специалиста могут позволить сократить риски утраты или искажения электронных доказательств, обеспечить соблюдение процессуальных прав участников на представление и исследование доказательств. Реализация данных форм участия специалиста возможна посредством внесения поправок в ст. 58 УПК РФ, направленных на расширение перечня его процессуальных функций.

Ключевые слова:

электронные доказательства, специалист, уголовный процесс, судебное разбирательство, специальные знания, электронная информация, копирование данных, фальсификация доказательств, цифровизация уголовного процесса, информационные технологии

Проведение полного и всестороннего исследования электронной информации, выступающей доказательством по уголовному делу, часто требует наличия специальных знаний в области информационных технологий. Поскольку юристы, как правило, не обладают такими знаниями, возникает необходимость привлечения экспертов и специалистов.

В соответствии со ст. 57, 58 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) эксперт и специалист имеют различные процессуальные роли [\[1, с. 65-69\]](#). Однако именно специалист принимает участие в процессуальных действиях в качестве лица, оказывающего дополнительную, консультативную помощь [\[2, с. 72-73\]](#). В связи с чем интерес представляет изучение роли специалиста в качестве лица, содействующего надлежащему исследованию электронных доказательств в суде.

Отдельные вопросы участия специалиста в исследовании электронной информации и электронных доказательств уже затрагивались в работах А.А. Балашовой, С.В. Зуева, А.С. Каменева, А.А. Количенко, С.И. Кувычкова, К.В. Малыгина, В.В. Момотова, П.С. Пастухова и др.

Так, В.В. Момотов отмечает, что привлечение специалистов и экспертов необходимо для правильного установления смысла и содержания электронных доказательств [\[3, с. 5\]](#). П.С.

Пастухов полагает, что в будущем использование электронных доказательств будет зависеть от активности следователей, прокуроров и адвокатов, которые смогут привлечь в помощь специалистов в соответствующей области [4, с. 341–342]. По мнению С.И. Кувычкова, исследование электронной информации проходит с привлечением специалиста, эксперта и с использованием необходимых технических средств и программного обеспечения [5, с. 206].

Вместе с тем в публикациях, как правило, рассматриваются вопросы участия специалистов во время собирания доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса. Однако роль специалиста в исследовании электронных доказательств в судебном разбирательстве остаётся мало изучена. В связи с чем в статье рассматривается актуальный вопрос привлечения специалиста судом для оказания содействия в исследовании электронных доказательств. Достижению научно обоснованных результатов способствовало применение всеобщего диалектического метода познания, логического метода, дедукции, индукции, анализа и синтеза. Для интерпретации действующего законодательства применялся формально-юридический метод. В результате проведённого исследования получены следующие результаты.

Из-за несовершенства юридической терминологии в УПК РФ слово «специалист» употребляется в двух значениях:

- 1) лицо, подготавливающее заключение и дающее показания, которые являются самостоятельным видом доказательств (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ);
- 2) лицо, привлекаемое к производству следственных и судебных действий, чья деятельность носит вспомогательный характер и не обладает самостоятельным доказательственным значением (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Сложности разграничения указанных статусов наглядно демонстрирует кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2022 № 222-УД22-60-А6. Так, по мнению защитника, суд постановил приговор с нарушением уголовно-процессуального права, поскольку специалист, участвовавший во время судебного заседания в осмотре мобильного телефона, не был предупреждён об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или заключения. Не согласившись с аргументами защитника, суд кассационной инстанции отметил, что в данном случае специалист не давал показаний или заключений, а его роль сводилась к выполнению указаний председательствующего по осмотру мобильного телефона.

В настоящей статье сосредоточимся на изучении только роли специалиста, оказывающего содействие суду и сторонам во время исследования электронных доказательств. Так, согласно ст. 58 УПК РФ, в правовом статусе специалиста могут быть выделены следующие элементы:

- 1) субъективный — в качестве специалиста может быть привлечено только физическое лицо, обладающее специальными знаниями;
- 2) формальный — привлекается в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом;
- 3) целевой — специалист привлекается для решения задач, требующих специальных знаний;

- а) обнаружение, закрепление, изъятие предметов и документов;
- б) применение технических средств для исследования материалов дела;
- в) постановка вопросов эксперту;
- г) разъяснение сторонам и суду профессиональных вопросов, входящих в его компетенцию.

Рассмотрим, как специалист может решать эти задачи в процессе исследования электронных доказательств.

Одной из первоочередных функций специалиста является обнаружение, закрепление, изъятие предметов и документов. Следует признать, что лица, обладающие специальными знаниями, всё чаще привлекаются к поиску и фиксации электронных документов с целью последующего использования в доказывании. Однако такая форма участия специалиста более соответствует активному собиранию доказательств на досудебных стадиях и в то же время ограниченно применима во время судебного разбирательства. Это закономерно укладывается в логику российского уголовного процесса, в котором основная часть доказательственной базы формируется на досудебных стадиях.

С другой стороны, остаётся копирование электронной информации, которое прямо не названо в ст. 58 УПК РФ, но в соответствии со ст. 164.1 УПК РФ проводится специалистом. Само по себе копирование электронной информации обладает двойственной природой и может рассматриваться как в качестве самостоятельного процессуального действия, так и элемента других следственных действий [\[6, с. 151\]](#). С.В. Зуев справедливо отмечает, что необходимость копирования электронной информации может возникнуть на стадии рассмотрения уголовного дела в суде, например во время осмотра вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), представления для исследования документов в электронном виде (ст. 286 УПК РФ) [\[7, с. 350-351\]](#).

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон прямо не указывает на то, что специалист может быть привлечён к копированию электронной информации на этапе судебного разбирательства. Возможны ситуации, когда участник судебного разбирательства предоставляет личный ноутбук, мобильный телефон или другое устройство, электронная информация с которого может быть скопирована и сохранена на отдельном носителе, без необходимости изымать и длительное время хранить личное устройство участника судопроизводства. В таком случае специалист может быть приглашён судом для решения вопроса о возможности скопировать электронную информацию и произвести её копирование, если это возможно. По мнению ряда учёных, участие специалиста в изъятии электронных носителей и копировании с них информации не всегда является необходимым, поскольку в большинстве случаев эти технологии достаточно просты и не требуют специальных знаний [\[8, с. 164; 9, с. 14\]](#). Следует согласиться с тем, что суд может вызвать специалиста для копирования в случаях, когда имеется необходимость его участия для предотвращения утраты электронных доказательств или требуются специальные знания [\[10, с. 12\]](#), например, чтобы установить свойства скопированной информации (формат электронного документа, метаданные, хэш-сумма).

Продолжая рассуждать о формах участия специалиста в исследовании электронных доказательств, следует подчеркнуть, что информация в электронной форме не может быть воспринята человеком без подходящей техники, чаще всего компьютера. В связи с

чем содействие в использовании технических средств является ещё одной значимой функцией специалиста. Кроме того, речь может идти не только исключительно о технических средствах, но и технологиях, одним из видов которых являются информационные технологии [11, с. 15]. Специалисты привлекаются судами для определения и настройки необходимой для просмотра электронной информации компьютерной программы, проведения каких-либо действий, способствующих полному и всестороннему исследованию такой информации. Так, например, специалист с помощью компьютерной программы «Lightlow» увеличил и замедлил видеозапись, не меняя её содержание, что позволило суду и сторонам более детально изучить запечатлённые на видеозаписи события (приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-18/2020 1-294/2019 от 13 октября 2020 г.).

Консультативные функции специалиста, такие как постановка вопросов эксперту и разъяснение вопросов, входящих в его компетенцию, в УПК РФ подробно не урегулированы [12, с. 34]. Однако сложно отрицать необходимость разъяснения специальной компьютерной терминологии и объяснения каких-либо процессов и явлений, происходящих в виртуальной среде. Это важно для правильного и недвусмысленного понимания содержания электронных доказательств и обстоятельств, которые могут быть установлены с их помощью.

Исходя из вышеизложенного, специалист может принимать участие в исследовании электронных доказательств всеми видами деятельности, которые перечислены в ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Кроме того, специалисты могут быть привлечены для решения задач, которые не всегда напрямую соотносятся с перечисленными в ст. 58 УПК РФ.

Так, защитники нередко заявляют в суде о том, что тот или иной электронный документ был изменён, следовательно, его содержание не соответствует действительности. Особое значение подобные ходатайства приобретают ввиду активного развития информационных технологий, в частности искусственного интеллекта, которые позволяют создавать «дипфейки», то есть реалистичные тексты, изображения, видео- и аудиозаписи с элементами фальсификации, целью создания которых является введение в заблуждение или преодоление каких-либо систем контроля [13, с. 43]. Сегодняшний уровень развития информационных технологий позволяет создавать неотличимые от реальных внешность и голос человека, в том числе возможно показать его выполняющим определённые действия в указанной автором «дипфейка» обстановке. Безусловно, использование в доказывании сфальсифицированной информации не может отвечать такому свойству доказательств, как достоверность.

Согласно ст. 271 УПК РФ, суд обязан разрешить обоснованное ходатайство стороны о фальсификации доказательства. Как правило, суды отмечают, что основания считать доказательство фальсифицированным отсутствуют, поскольку его содержание соответствует и не противоречит совокупности других доказательств по уголовному делу. Но как быть, если сторона приносит в судебное заседание ранее не упомянутый в материалах уголовного дела цифровой фотоснимок или видеозапись для приобщения в качестве доказательства? Проведение экспертизы с целью установления их подлинности времязатратно. Кроме того, вряд ли возможно возложить на экспертные учреждения нагрузку по проверке каждого электронного документа, предъявляемого суду сторонами во время заседания.

Одним из решений может быть проверка представленного стороной файла с помощью компьютерной программы, обнаруживающей признаки «дипфейка» или других методов

редактирования [14, с. 221–227]. Однако, как отмечается в исследовании, посвящённом распознаванию созданного искусственным интеллектом контента, на сегодняшний день отсутствует универсальное решение, позволявшее бы выявить признаки манипуляции в любых видах файлов, будь то текст, изображение, аудио- или видеозапись [15]. Помимо выбора нужной компьютерной программы, реальная работа по установлению признаков фальсификации включает и участие человека, обладающего специальными знаниями в области информационных технологий [15]. Поскольку проведение полноценного исследования относится к компетенции эксперта [16, с. 516], одним из направлений оптимизации может стать создание фильтра на этапе приобщения новых электронных доказательств в суде, если ранее они не были представлены следствию, а, соответственно, не прошли какие-либо проверки на достоверность заранее. Таким образом, специалист может быть привлечён судом для выявления признаков изменения или иной манипуляции с представленными электронными доказательствами. При выявлении фактов такого вмешательства специалист может принять меры по сохранению представленных электронных документов в неизменном виде для проведения экспертизы, а суд решает вопрос о направлении их эксперту с целью установления подлинности.

Ещё одной проблемой, которая имеет место во время исследования электронных доказательств, является возникновение технических неполадок, которые препятствуют восприятию электронной информации сторонами и судом. Таким образом, суд и стороны не имеют возможности изучить доказательство, полностью отвечающее требованиям УПК РФ, сугубо по техническим причинам. Следовательно, суд не может положить электронные доказательства, осмотр которых сопровождался неполадками, в обоснование приговора, поскольку имеет право использовать только те доказательства, которые непосредственно исследовались во время судебного разбирательства (ч. 3 ст. 240 УПК РФ). Кроме того, в таком случае может быть нарушено право стороны на предоставление доказательств. Например, в апелляционном определении от 22.09.2023 г. по делу № 22-1844/2023 Верховный суд республики Саха (Якутия) установил, что право на предоставление стороной защиты допустимых доказательств было нарушено при следующих обстоятельствах. По техническим причинам не представилось возможным воспроизвести видеозапись, о чём ходатайствовал защитник. В то же время суд первой инстанции не предпринял мер по привлечению специалиста для установления причин, по которым диск с видеозаписью не удалось воспроизвести, и составления акта об этом. Поэтому участие специалиста может выразиться не только в содействии в использовании технических средств, но и в устраниении технических неполадок, которые препятствуют нормальному исследованию электронных доказательств, и установлении причин, по которым не удается воспроизвести в суде электронную информацию.

В заключение отметим, что участие специалиста в исследовании электронных доказательств в ходе судебного разбирательства играет значительную роль в обеспечении полноты и объективности судебного познания. Проведённый анализ показал, что функционал специалиста, установленный в ст. 58 УПК РФ, охватывает ключевые аспекты работы с электронной информацией.

Наряду с закреплёнными в законе функциями выявлены дополнительные направления участия специалиста, которые прямо не предусмотрены УПК РФ, но являются перспективными в условиях цифровизации уголовного судопроизводства и могут быть учтены и внедрены в будущем при внесении изменений в уголовно-процессуальный закон (ст. 58 УПК РФ). В частности, это копирование электронной информации и установление её свойств для обеспечения последующего исследования судом и

сторонами, выявление признаков фальсификации электронных доказательств и устранение технических неполадок, которые препятствуют их надлежащему исследованию. В то же время необходимость привлечения лиц, обладающих специальными знаниями при исследовании электронных доказательств, зависит от конкретной ситуации и сложности представленной информации.

Библиография

1. Бондаренко Л.К. Основные признаки двойственности положения специалиста в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2021. № 10 (179). С. 59-74. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.059-074 EDN: INJCZP.
2. Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты: монография / под ред. А.Г. Волеводза; Моск. гос. инт-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. М.: МГИМО-Университет, 2020. 227, [1] с. EDN: UUPUAR.
3. Момотов В.В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 2-9. DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2 EDN: LENNNR.
4. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. д-р. юрид. наук: 12.00.09. 2015, Москва. 454 с. EDN: QIXPVH.
5. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2016. 292 с. EDN: XTZEOW.
6. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2015. 192 с. EDN: ZPXFIX.
7. Зуев С.В. Копирование электронной информации и электронное копирование: соотношение и значение в уголовном процессе // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17-19 октября 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. EDN: YEOZQK.
8. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. Хабаровск, 2022. 210 с. EDN: BBRXSQ.
9. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2020. 216 с. EDN: ZOUQTB.
10. Колиценко А.А. Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. Нижний Новгород, 2024. 224 с. EDN: IVFWDX.
11. Глимейда В.В. Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2024. 241 с. EDN: ENPPHY.
12. Елагина Е.В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 115, [1] с. EDN: XEMGWV.
13. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации

- // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (28). С. 42-55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005 EDN: CHASRJ.
14. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: Монография. Москва: Проспект, 2022. 248 с. DOI: 10.31085/9785392358410-2022-248 EDN: FPNJBS.
15. Cao L. A Practical Synthesis of Detecting AI-Generated Textual, Visual, and Audio Content [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2504.02898v1> (дата обращения: 10.04.2025).
16. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2021. 1328 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования в рецензируемой статье является роль специалиста в качестве лица, содействующего надлежащему исследованию электронных доказательств в суде в рамках уголовного процесса. Автор анализирует функции специалиста, закрепленные в УПК РФ, а также рассматривает дополнительные направления их участия, которые прямо не предусмотрены законодательством, но востребованы в современных условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Методология исследования

Автор использует комплекс научных методов: всеобщий диалектический метод познания, логический метод, дедукцию, индукцию, анализ и синтез. Для интерпретации действующего законодательства применялся формально-юридический метод. Методология соответствует уровню научного исследования, однако в работе отсутствует эмпирическая база, что снижает репрезентативность полученных результатов. Хотя автор и приводит некоторые судебные решения, они немногочисленны и не позволяют сделать статистически значимые выводы.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В условиях цифровизации общества и развития новых технологий растет количество информации в электронной форме, фигурирующей в уголовных дела. Одновременно с этим развиваются и технологии фальсификации электронных доказательств, в том числе с использованием искусственного интеллекта. В статье справедливо отмечается, что вопросы участия специалистов в исследовании электронных доказательств на судебных стадиях уголовного процесса мало изучены, в отличие от их роли на досудебных стадиях. Проблематика исследования имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации дополнительных направлений участия специалиста в исследовании электронных доказательств, которые прямо не предусмотрены УПК РФ, но востребованы в современных условиях. К ним относятся:

копирование электронной информации и установление её свойств;
выявление признаков фальсификации электронных доказательств;
устранение технических неполадок, препятствующих надлежащему исследованию электронных доказательств.

Автор обосновывает необходимость законодательного закрепления этих функций, что является определенным вкладом в развитие уголовно-процессуальной науки. Однако недостаточно проработаны конкретные механизмы реализации предлагаемых изменений, что снижает практическую ценность исследования.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным юридическим языком, терминология используется корректно. Структура работы логична: от анализа правового статуса специалиста автор переходит к рассмотрению форм его участия в исследовании электронных доказательств и далее к выявлению дополнительных функций.

Содержание статьи соответствует заявленной теме. Автор последовательно рассматривает различные аспекты участия специалиста в исследовании электронных доказательств, обосновывая свои выводы ссылками на нормативные правовые акты и научные работы. Однако некоторые утверждения автора недостаточно аргументированы. Например, вывод о том, что специалист может быть привлечен для выявления признаков фальсификации электронных доказательств, требует более детального обоснования с точки зрения разграничения компетенции специалиста и эксперта.

В тексте присутствуют некоторые повторы и избыточные конструкции, что несколько снижает качество изложения материала.

Библиография

Библиография статьи включает 16 источников, что является достаточным для научной статьи подобного объема. Большинство источников опубликовано в последние 5 лет, что свидетельствует о работе автора с актуальными исследованиями. Список литературы включает монографии, диссертации, научные статьи, что демонстрирует широкий охват исследуемой проблематики.

Положительным аспектом является использование автором зарубежного источника по проблеме выявления контента, созданного искусственным интеллектом. Однако в целом международная перспектива в статье представлена слабо. Включение сравнительно-правового анализа зарубежных подходов к участию специалистов в исследовании электронных доказательств обогатило бы исследование.

Апелляция к оппонентам

В статье присутствуют элементы научной дискуссии. Автор приводит различные точки зрения ученых по вопросам участия специалиста во время собирания доказательств (работы П.С. Пастухова, С.И. Кувычкова, В.В. Момотова и др.). Однако в целом дискуссионный компонент в работе представлен недостаточно активно. Автор соглашается с мнением ряда ученых о том, что участие специалиста в изъятии электронных носителей и копировании информации не всегда необходимо, но не анализирует критически другие существующие в науке позиции.

В статье также отсутствует обсуждение возможных контраргументов и критических замечаний к предлагаемым автором дополнительным функциям специалиста.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования логически вытекают из проведенного анализа и соответствуют поставленной цели. Автор обосновывает значимость участия специалиста в исследовании электронных доказательств и выявляет дополнительные направления такого участия, которые могут быть учтены при внесении изменений в уголовно-процессуальный закон.

Статья представляет интерес для широкой читательской аудитории: ученых в области уголовного процесса и криминастики, практикующих юристов, сотрудников правоохранительных органов, судей, а также специалистов в области информационных технологий, привлекаемых для участия в уголовном судопроизводстве.

Однако статье не хватает более конкретных предложений по совершенствованию законодательства. Автор лишь указывает на необходимость внесения изменений в ст. 58 УПК РФ, но не предлагает конкретной редакции нормы.

В целом статья является добрым научным исследованием, вносящим определенный вклад в развитие представлений о роли специалиста в исследовании электронных доказательств в ходе судебного разбирательства. Рекомендуется к публикации в журнале "Юридические исследования" с учетом высказанных замечаний.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Темирбулатова Ф.А. Бюджетные меры обеспечения экономической безопасности в современных российских реалиях // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74080 EDN: HBYQQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74080

Бюджетные меры обеспечения экономической безопасности в современных российских реалиях**Темирбулатова Фатима Алиевна**

ORCID: 0009-0001-3465-3400

аспирант; кафедра международного и публичного права; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

105187, Россия, г. Москва, р-н Соколиная Гора, ул. Щербаковская, д. 38

✉ fatima_termirbulatova@mail.ru

[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.74080

EDN:

HBYQQM

Дата направления статьи в редакцию:

13-04-2025

Аннотация: В статье рассматриваются бюджетные меры обеспечения экономической безопасности России в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных государств. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в рамках разработки, закрепления и применения бюджетных мер обеспечения экономической безопасности. Предметом исследования выступили положения нормативных правовых актов (включая бюджетное законодательство), документы стратегического планирования, а также отдельные проекты, подходы и концепции обеспечения экономической безопасности бюджетными мерами. Автор анализирует дуалистическую природу влияния бюджетных мер на экономическую безопасность, проявляющуюся через прямое и опосредованное воздействие. Особое внимание уделяется систематизации и классификации ординарных (общих) и экстраординарных (антикризисных) бюджетных мер. В статье исследуются бюджетные меры стратегического планирования, стабилизационные, социально-экономические, стимулирующие и межбюджетные механизмы, а также специальные

бюджетные меры, применяемые в кризисных ситуациях. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение) и специальные научные методы: формально-юридический анализ, системный анализ права и анализ правоприменительной практики. Научная новизна исследования заключается в теоретико-методологическом осмыслении и систематизации бюджетных мер обеспечения экономической безопасности в условиях беспрецедентного санкционного давления. В работе сформулировано авторское определение бюджетных мер обеспечения экономической безопасности как комплекса взаимосвязанных бюджетно-правовых и организационных механизмов, реализуемых в рамках бюджетной системы для защиты национальных экономических интересов. Разработана оригинальная классификация бюджетных мер по механизму воздействия (прямые и косвенные), характеру применения (ординарные и экстраординарные) и содержанию (стратегические, стабилизационные, социально-экономические, стимулирующие и межбюджетные – для ординарных; институциональные механизмы антикризисного регулирования; специальные формы целевого финансирования; специальные меры поддержки населения и бизнеса; специальные механизмы макроэкономической стабилизации – для экстраординарных). Выявлена специфика антикризисных бюджетных мер в условиях санкций.

Ключевые слова:

экономическая безопасность, экономический суверенитет, санкционное давление, бюджетная безопасность, бюджетные меры, стратегическое планирование, бюджетная система, Фонд национального благосостояния, антикризисное регулирование, импортозамещение

Введение

Актуальность выбранной для исследования темы обусловлена, прежде всего, масштабными антироссийскими санкциями, введенными со стороны недружественных стран. Наибольшего масштаба санкционное давление достигло в 2022 г., когда целый ряд отечественных отраслей и секторов оказался под воздействием жестких ограничительных мер. Президент России В.В. Путин на Пленарном заседании съезда РСПП 18 марта 2025 г. отметил наличие 28 595 санкций, которые были введены недружественными странами в отношении российских компаний и граждан [28]. Кроме того, большое количество международных компаний, домицилированных в недружественных юрисдикциях, прекратило предпринимательскую деятельность в России и/или с российскими бизнес-партнерами.

Все это повлекло за собой рост нагрузки на отечественную экономику и, соответственно расширение угроз для национальной и, в частности, экономической безопасности. Противодействие таким угрозам и митигация соответствующих рисков сегодня носит комплексный характер и предполагает использование широкого набора разнообразных мер, в числе которых особое место занимают бюджетные меры обеспечения экономической безопасности.

Степень научной разработанности темы исследования настоящей статьи представлена тремя основными блоками академических трудов:

1. Первый блок работ связан с теоретико-методологическими исследованиями

экономической и бюджетной безопасности. В эту группу входят фундаментальные работы Л.И. Абалкина [11], сформулировавшего классическое определение экономической безопасности, и И.В. Караваевой [13], развившей теорию экономической безопасности суверенного государства. Концептуальные подходы к пониманию бюджетной безопасности были разработаны М.В. Михеевой [23], Г.Н. Чернышевой и Ю.А. Савичем [32], а также Н.Г. Долматовой [11]. Комплексное представление о бюджетно-налоговой безопасности было сформировано в трудах научной школы В.К. Сенчагова [9] и исследованиях Н.Л. Курепиной и Е.Е. Зеркаль [19].

2. Второй блок работ охватывает функциональные исследования бюджетных мер обеспечения экономической безопасности. Данное направление представлено работами о стратегическом планировании бюджета А.А. Адаменко с соавторами [2] и О.Ю. Болдырева [6], исследованиями механизмов бюджетного финансирования Д.Г. Антонова [3], А.А. Бондаревой [7] и В.А. Кабашкина [12]. Важные аспекты стимулирования экономики и межбюджетных отношений отражены в трудах Е.Б. Ленчук [20], А.С. Чекунова [31] и Н.Р. Кузнецовой [18].

3. Третий блок работ посвящен исследованиям бюджетных мер в кризисных и санкционных условиях. Эта группа включает работы по антикризисным бюджетным механизмам О.В. Богачевой и Т.В. Фокиной [5], Л.Л. Бобковой [4] и Ю.В. Вертачовой [10]. Актуальные исследования экономической безопасности в условиях санкций проведены коллективом авторов под руководством И.В. Караваевой [14, 16], М.Б. Медведевой [21] и Ю.Н. Кафиятуллиной [17]. Стабилизационные механизмы и международный опыт проанализированы в работах К.Ю. Багратуни, В.В. Зундэ, О.В. Терещенко [29].

В целом, обзор существующих научных подходов к бюджетным мерам обеспечения экономической безопасности выявляет ряд методологических ограничений. Исследования Н.Г. Долматовой [11] и Н.Л. Курепиной [19] концентрируются на формальных аспектах бюджетной безопасности, не предлагая действенных механизмов ее интеграции в общую систему экономической безопасности. Работы А.А. Адаменко [2] и О.Ю. Болдырева [6] затрагивают важные аспекты стратегического планирования, но не учитывают проблемы адаптивности бюджетных механизмов к быстро меняющимся внешним условиям.

Как следствие, несмотря на подробную научную разработанность отдельных аспектов темы, в научной литературе отсутствует системный подход к классификации бюджетных мер обеспечения экономической безопасности, учитывающий многомерность и взаимозависимость различных типов таких мер. Это создает существенные ограничения для разработки эффективной антикризисной бюджетной политики, особенно в условиях беспрецедентного санкционного давления.

Объектом исследования в настоящей статьей являются общественные отношения, складывающиеся в рамках разработки, закрепления и применения бюджетных мер обеспечения экономической безопасности. **Предметом** исследования выступили положения нормативных правовых актов (включая бюджетное законодательство), документы стратегического планирования, а также отдельные проекты, подходы и концепции обеспечения экономической безопасности бюджетными мерами.

Цель исследования состоит в выявлении содержания, особенностей и видов актуальных

бюджетных мер обеспечения экономической безопасности России на текущем этапе. Для достижения данной цели в статье необходимо: выявить основные ординарные (общие) бюджетные меры обеспечения экономической безопасности; выявить экстраординарные (антикризисные) бюджетные меры обеспечения экономической безопасности.

Методы, использованные в статье, включают в себя общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия) и специальные научные методы. К последним относятся: метод формально-юридического анализа, метод системного анализа права, метод анализа правоприменительной практики.

Основной текст

Понятие бюджетных мер обеспечения экономической безопасности

С теоретико-методологической точки зрения категория «бюджетные меры обеспечения экономической безопасности» основана на синтезе трех основных элементов: экономическая безопасность, бюджетная безопасность и бюджетные меры. Не вдаваясь в подробности доктринальных дискуссий относительно понимания указанных категорий, отметим лишь следующее:

Экономическая безопасность, в наиболее общем виде, представляет собой состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз. В соответствии с классическим определением Л.И. Абалкина она представляет собой совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость экономики, ее стабильность и способность к обновлению [\[1\]](#).

Классическое определение экономической безопасности, предложенное Л.И. Абалкиным [\[1\]](#), хотя и заложило фундаментальные основы понимания данного феномена, нуждается в корректировке применительно к современным геополитическим реалиям. Определение не учитывает в полной мере динамический характер угроз экономической безопасности и избыточно акцентирует внимание на способности экономики к обновлению, не раскрывая при этом механизмы обеспечения экономического суверенитета в условиях глобальных кризисов.

Экономическая безопасность имеет динамический характер и адаптируется к меняющимся условиям [\[13\]](#). В подобном контексте более прикладной подход был закреплен в Стратегии национальной безопасности 2021 г. (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»), которая включает в данное понятие обеспечение экономического суверенитета, конкурентоспособности страны на международной арене и устойчивого роста.

В свою очередь, бюджетная безопасность – это состояние бюджетной системы, обеспечивающее финансовую устойчивость государства. По определению М.В. Михеевой, она представляет собой способность государства с помощью бюджета выполнять присущие ему публичные функции [\[23\]](#). Позиция М.В. Михеевой о бюджетной безопасности как преимущественно функциональной категории представляется несколько дискуссионной. Определение бюджетной безопасности через способность государства выполнять публичные функции существенно ограничивает понимание ее роли в системе обеспечения национальной экономической безопасности.

Здесь стоит отметить, что бюджетная безопасность может рассматриваться как элемент экономической безопасности или как механизм обеспечения экономической безопасности. Как элемент экономической безопасности бюджетная безопасность входит

в состав финансовой безопасности [11; 30, с. 22], а также отдельными исследователями включается в состав объединенной бюджетно-налоговой безопасности [19; 26]. Как механизм обеспечения экономической безопасности бюджетная безопасность находит свое понимание в работе Г.Н. Чернышевой и Ю.А. Савич, которые определяют ее как способность бюджета к финансовому обеспечению потребностей государства на уровне, достаточном для поддержания необходимого уровня экономической безопасности [32].

Таким образом, бюджетная безопасность – это состояние бюджетной системы государства, характеризующееся ее способностью обеспечивать национальную финансовую устойчивость и суверенитет, эффективное выполнение государством публичных функций, а также своевременную адаптацию к изменяющимся внешним и внутренним условиям, что обеспечивает состояние защищенности национальной экономической безопасности (как напрямую, так и опосредованно).

В подобном контексте бюджетные меры обеспечения экономической безопасности представляют собой комплекс взаимосвязанных бюджетно-правовых и организационных механизмов, реализуемых в рамках и посредством бюджетной системы государства для защиты национальных экономических интересов.

Данные меры направлены на поддержание ресурсной базы для противодействия внешним и внутренним экономическим угрозам, обеспечение стабилизационного потенциала экономики, реализацию функций защиты экономического суверенитета и обеспечение единства экономического пространства страны.

Механизм воздействия бюджетных мер обеспечения экономической безопасности определяется дуалистической природой бюджетной безопасности. Бюджетные меры могут обеспечивать экономическую безопасность: 1) напрямую – воздействуя непосредственно на структурные элементы экономической безопасности, минуя промежуточные стадии; 2) опосредованно – через предварительное обеспечение бюджетной безопасности, которая, в свою очередь, создает необходимую финансовую основу для противостояния комплексу угроз экономической безопасности государства.

Соответствующее воздействие может носить как систематический (постоянный) характер, так и быть чрезвычайным (временным), что позволяет дифференцировать бюджетные меры обеспечения экономической безопасности на две группы: общие (ординарные) меры и антикризисные (экстраординарные) меры.

Общие (ординарные) бюджетные меры обеспечения экономической безопасности

Бюджетные меры, которые могут использоваться для обеспечения экономической безопасности, достаточно многочисленны. В подобном контексте возникает потребность в их дополнительной дифференциации.

Помимо отмеченного выше разделения таких мер на ординарные и экстраординарные (по критерию основания применения/характера устраниемых угроз), они также могут дифференцироваться в зависимости от своего содержания. По соответствующему критерию среди ординарных бюджетных мер можно выделить следующие типы:

1. Бюджетные меры стратегического планирования. Стратегическая приоритизация бюджетных расходов предполагает распределение финансовых ресурсов в соответствии с национальными интересами Российской Федерации [2]. При этом выделяются приоритетные направления финансирования, включающие здравоохранение, социальную политику, национальную экономику, оборону и правоохранительную

деятельность.

Непосредственным проявлением мер данного типа является принятие законов о федеральном бюджете на трехлетний период. Доходные и расходные статьи бюджета изначально рассчитываются на трехлетний период, что обеспечивает повышенную финансово-бюджетную (и, соответственно, экономическую) стабильность [6]. Трехлетнее бюджетное планирование влияет на экономическую безопасность как напрямую (через прямое финансирование и планирование финансирования определенных программ, проектов, обязательств и нужд), так и опосредованно (через обеспечение стабильности бюджета).

Помимо отмеченных бюджетных мер стратегического планирования также выделяются аналогичные или схожие меры на региональном [8] и местном [22] уровнях единой системы публичной власти, однако, в рамках настоящей статьи мы не будем подробно на них останавливаться ввиду ограниченности объемов исследования.

2. Стабилизационные бюджетные меры. К данному типу относятся положения о Фонде национального благосостояния (ст.ст. 96.10-96.11 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ, БК РФ). Данный фонд формируется за счет дополнительных нефтегазовых доходов и средств, полученных от управления бюджетом Фонда (ч. 3 ст. 96.10 БК РФ). Целями Фонда являются:

- софинансирование и поддержка добровольных пенсионных накоплений (в т.ч. посредством обеспечения сбалансированности бюджета Фонда пенсионного и социального страхования);
- обеспечение сбалансированности (покрытия дефицита) федерального бюджета.

Данный фонд представляет собой стратегический стабилизационный механизм [29]. При этом по критерию влияния на экономическую безопасность положения о создании и функционировании соответствующего фонда будут относиться к косвенным (опосредованным) бюджетным мерам.

При этом, стоит отметить, что в академической литературе [29] представлена точка зрения, в соответствии с которой роль ФНБ сводится к пассивному инструменту сглаживания бюджетных дисбалансов. В условиях беспрецедентного санкционного давления и структурных экономических проблем такой подход представляется неоправданно ограниченным.

Более обоснованной здесь видится концепция, предложенная в работах научной школы В.К. Сенчагова [9], где обосновывается необходимость более активного использования средств ФНБ для стимулирования инновационного развития и технологической модернизации экономики.

Тем не менее, данная концепция требует существенной конкретизации в части институциональных механизмов такого стимулирования, в связи с чем деятельность ФНБ выделена нами в отдельный тип бюджетных мер обеспечения экономической безопасности.

3. В тесной взаимосвязи с бюджетными мерами стратегического и стабилизационного характера находятся социально-экономические бюджетные меры. По своему содержанию такие меры ориентированы на обеспечение достойного уровня жизни для населения, поддержание необходимого уровня социального обеспечения, занятости, образования

(в т.ч. дошкольного), медицинского обслуживания и т.д.

В подобном контексте можно обратить внимание на Закон РФ о Поправке к Конституции России от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Как отмечают, например, Г.В. Петрова и В.И. Ступаков, изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, существенно укрепили бюджетно-правовые основы социальной защиты населения [\[25\]](#). В частности, дополнения к ст. 75 Конституции России напрямую закрепили конституционные гарантии пенсионного обеспечения (включая ежегодную индексацию пенсий), а также гарантии социального обеспечения и индексации социальных пособий.

Соответствующие бюджетные меры находят свое непосредственное выражение в виде расходных статей бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (на здравоохранение, на образование, на социальное обеспечение и т.п.), в рамках положений о Фонде пенсионного и социального обеспечения и о Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, а также в рамках иных бюджетно-правовых и организационных механизмов, связанных с расходованием бюджетных средств и средств внебюджетных фондов на социально-экономическую поддержку населения.

Специализированный характер отмеченных внебюджетных фондов, с одной стороны, обеспечивает резервирование денежных средств для строго определенных целей, а, с другой стороны, позволяет повысить определенность финансирования пенсионного и социального обеспечения, а также медицинской помощи. Как следствие, значимая часть социально-экономических составляющих экономической безопасности оказываются обеспечены отмеченными внебюджетными фондами. При этом влияние бюджетных мер на экономическую безопасность в данном случае носит прямой характер, поскольку соответствующие экономические потребности (а также связанные с ними риски) напрямую закрываются за счет бюджетных мер.

Приведенные бюджетные меры могут быть обозначены как общие. В то же время, отдельно можно выделить и специальные социально-экономические бюджетные меры. К ним, например, могут быть отнесены государственные программы субсидирования ставок по ипотеке (покрытие части процентных ставок по ипотеке за счет средств бюджета), государственные программы поддержки занятости населения и др. В целом, круг специальных социально-экономических бюджетных мер обеспечения экономической безопасности крайне широк и формируется *ad hoc* в зависимости от текущих потребностей общества и приоритетов государственной политики. Тем не менее, специальные социально-экономические бюджетные меры не являются непосредственной реакцией на кризисные (экстраординарные) ситуации, что отличает их от антикризисных (экстраординарных) бюджетных мер.

Социально-экономические бюджетные меры преимущественно являются мерами, напрямую влияющими на экономическую безопасность (ввиду наличия непосредственной взаимосвязи между реализацией данных мер и социально-экономической обстановкой).

Однако, социально-экономическим характером могут обладать и бюджетные меры, только косвенно (через обеспечение бюджетной безопасности) влияющие на национальную экономику. Так, например, косвенный социально-экономический эффект будет свойственен для деятельности ФНБ по покрытию дефицита Фонда пенсионного и социального страхования и/или дефицита федерального бюджета.

4. Отдельный тип бюджетных мер обеспечения экономической безопасности составляют стимулирующие меры, которые направлены на создание дополнительных импульсов для

развития или поддержания функционирования значимых секторов и отраслей национальной экономики, или отдельных экономических проектов.

В целом, государственный бюджет располагает различными возможностями насыщения национальной экономики финансовыми ресурсами [3]. Несмотря на то что бюджетные средства занимают сравнительно небольшую долю во всех инвестициях в основной капитал (около 20% [9, с. 34]), их роль в нейтрализации угроз национальной экономической безопасности весьма значительна:

- во-первых, прямые и косвенные (например, в виде субсидирования процентной ставки [7]) бюджетные субсидии способствуют закрытию «провалов рынка», обеспечивают функционирование и развитие нерентабельных, но значимых для публичных интересов отраслей и проектов;
- во-вторых, прямые и косвенные бюджетные субсидии могут использоваться для стимулирования инновационных производств, политики импортозамещения и иных приоритетных для экономической безопасности направлений развития национального предпринимательства [20; 31];
- в-третьих, государство может активно использовать механизмы государственно-частного партнерства [12], привлекая частных предпринимателей и инвесторов в приоритетные проекты, отрасли или сектора [9, с. 34].

Все приведенные бюджетные меры напрямую обеспечивают экономическую безопасность, минуя обеспечение бюджетной безопасности.

Отдельно в рамках данного типа бюджетных мер можно выделить меры по укреплению доходной базы бюджетов всех уровней через совершенствование налогового администрирования и оптимизацию налогообложения для стимулирования предпринимательской деятельности инновационной направленности. К этим же мерам можно отнести налоговые льготы и преференции, включая снижение ставок страховых взносов для отдельных секторов или направлений деятельности, налоговые льготы для участников инновационных проектов [27].

Соответствующие меры будут влиять на экономическую безопасность как напрямую (в рамках стимулирования предпринимательской активности), так и опосредованно (через обеспечение сбалансированности бюджета). Впрочем, стоит отметить, что приведенные меры хоть и связаны с бюджетной безопасностью, поскольку напрямую влияют на доходы бюджета, однако по своему содержанию носят, скорее, налоговый, а не бюджетный характер.

5. В контексте взаимодействия между бюджетами различных уровней можно выделить отдельный тип бюджетных мер по обеспечению экономической безопасности – межбюджетные меры. Соответствующие меры направлены на обеспечение сбалансированности всех бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за счет системы межбюджетных трансфертов: дотаций, субсидий, субвенций и иных (ст. 129 БК РФ). Основной целью соответствующих бюджетных мер, с точки зрения обеспечения национальной экономической безопасности, является сглаживание разницы в наполняемости бюджетов различных регионов, создания условий для повышения их инвестиционной привлекательности и для выравнивания социально-экономических условий в различных субъектах Российской Федерации [18].

В целом, приведенные бюджетные меры составляют основу обеспечения экономической безопасности, что не исключает возможности существования и иных бюджетных мер, отличающихся крайне высоким разнообразием).

Однако, важно отметить, что отмеченные бюджетные меры (стратегического планирования, стабилизационные, социально-экономические, стимулирующие и межбюджетные) представляют собой общие (ординарные) механизмы обеспечения экономической безопасности, применяемые в стандартных условиях функционирования экономической системы. Вместе с тем, в ситуациях экономической нестабильности, резкого ухудшения макроэкономических показателей или внешних шоков возникает потребность в использовании специальных (экстраординарных) бюджетных мер, имеющих антикризисную направленность.

Антикризисные (экстраординарные) бюджетные меры обеспечения экономической безопасности

Особую группу бюджетных мер обеспечения экономической безопасности составляют бюджетно-правовые и организационные механизмы антикризисного характера, которые применяются государством для оперативного реагирования на экономические потрясения и для минимизации их негативного влияния на национальную экономику.

При этом, стоит отметить, что в современной отечественной научной литературе отсутствует единообразный подход к концептуализации и систематизации антикризисных бюджетных мер.

Л.Л. Бобкова [4], анализируя трансформацию форм бюджетного финансирования в кризисных (экстраординарных) условиях, не предлагает комплексного видения взаимосвязи этих форм с обеспечением экономической безопасности. О.В. Богачева и Т.В. Фокина [5], опираясь на опыт стран ОЭСР, выделяют резервные фонды и дополнительные бюджеты как основные институциональные механизмы антикризисного регулирования. Однако этот подход не учитывает специфику российской институциональной среды и особенности санкционного давления.

Позиция Ю.В. Вернаковой [10] о приоритетности мер поддержки населения и бизнеса также представляется недостаточно обоснованной с точки зрения долгосрочной экономической безопасности. М.Б. Медведева [21], обосновывая необходимость глубокой структурной перестройки экономики в качестве антикризисной меры, не предлагает четких бюджетных механизмов для ее реализации. Научный коллектив под руководством И.В. Караваевой [14, 16] подробно анализирует экономическую ситуацию в условиях частичной мобилизации экономики, однако предлагаемые антикризисные меры недостаточно интегрированы в единую систему обеспечения экономической безопасности.

В подобном контексте представляется обоснованным перед анализом отдельных антикризисных (экстраординарных) бюджетных мер обеспечения экономической безопасности выделить их отличительных характеристики. Итак, антикризисные, или экстраординарные, бюджетные меры отличаются от ординарных бюджетных мер по ряду следующих критериев:

- во-первых, они характеризуются целевым и адресным характером, что обусловлено необходимостью точечного воздействия на наиболее уязвимые сегменты экономики в условиях кризиса или иной экстраординарной ситуации;

- во-вторых, данные меры имеют ограниченный временной горизонт применения, соответствующий продолжительности кризисных явлений (экстраординарных ситуаций);
- в-третьих, антикризисные бюджетные меры, как правило, предполагают более интенсивное и оперативное использование бюджетных ресурсов;
- в-четвертых, применение антикризисных бюджетных мер часто сопряжено с упрощением или модификацией стандартных бюджетных процедур для обеспечения оперативности реагирования на кризисные явления (экстраординарные ситуации).

Как следствие, антикризисные (экстраординарные) бюджетные меры, как правило, напрямую обеспечивают экономическую безопасность государства. Опосредованное воздействие через обеспечение бюджетной безопасности в данном случае не соответствует экстренности чрезвычайной или кризисной ситуации.

Впрочем, это не строгое правило. Антикризисные (экстраординарные) бюджетные меры обеспечения экономической безопасности весьма разнообразны. Их конкретное содержание, формы и характеристики варьируются в зависимости от конкретных кризисных явлений, для преодоления которых они используются. При этом новые (ранее не случавшиеся) кризисные явления влекут за собой формирование и принципиально новых антикризисных бюджетных мер.

Тем не менее, несмотря на высокую динамику антикризисных (экстраординарных) бюджетных мер обеспечения экономической безопасности, все же представляется возможным выделить следующие их основные типы:

1. Специальные институциональные механизмы антикризисного бюджетного регулирования. Эффективное применение антикризисных бюджетных мер невозможно без соответствующих институциональных механизмов.

В научной литературе выделяется два таких бюджетных механизма [\[5\]](#): резервные внебюджетные фонды, существенно повышающие скорость реагирования на кризисные явления за счет возможности оперативного финансирования без изменений в основном бюджете; а также дополнительные бюджеты, обеспечивающие оперативное перераспределение средств в пользу приоритетных направлений расходов. Однако, как уже отмечалось выше, этот подход не учитывает специфику российской институциональной среды и особенности санкционного давления.

В условиях масштабных антироссийских санкций соответствующие институциональные механизмы антикризисного бюджетного регулирования могут быть дополнены [\[16\]](#): созданием специализированных институтов развития (за счет средств новых внебюджетных фондов или дополнительных бюджетов), ориентированных на поддержку критически важных отраслей экономики в условиях санкций; формированием новых бюджетных институтов, направленных на глубокую трансформацию структуры экономики.

2. Специальные формы бюджетного финансирования в кризисных условиях. Отличительная особенность антикризисной бюджетной политики – качественное изменение форм и методов бюджетного финансирования для повышения их адресности и эффективности.

Так, субсидии в кризисных условиях приобретают более адресный характер и используются преимущественно для компенсации недополученных доходов хозяйствующих субъектов [\[4\]](#). Антикризисные гранты рассматриваются как

безвозмездные целевые средства на создание уникальных проектов, имеющие поощрительную природу и предоставляемые на конкурсной основе. Комбинированным инструментом выступают гранты в форме субсидий, которые могут предоставляться как в порядке конкурса, так и без него [\[4\]](#).

Применительно к актуальным вызовам, связанным с масштабным санкционным давлением на отечественную экономику, специальные формы бюджетного финансирования могут быть в виде:

- целевого финансирования программ импортозамещения как стратегического направления обеспечения экономического суверенитета [\[21\]](#);
- адресной поддержки предприятий оборонно-промышленного комплекса для обеспечения выполнения гособоронзаказа [\[15\]](#);
- дополнительного финансирования создания промышленных и финансовых центров на территории России с использованием технологий Индустрии 4.0 [\[17\]](#).

3. Бюджетные меры поддержки населения в кризисных условиях (экстраординарных ситуациях) занимают особое место в системе антикризисных бюджетных мер. Они направлены на поддержание платежеспособного спроса (как залога нормального функционирования экономики) и обеспечение социально-экономической стабильности.

Центральное место занимают прямые денежные выплаты, включающие адресные выплаты социально незащищенным группам, дополнительные пособия по безработице и единовременные выплаты [\[10\]](#). Значительную роль играют налоговые льготы для физических лиц, включая увеличение налоговых вычетов и введение необлагаемого минимума доходов [\[24, с. 388\]](#). Впрочем, налоговые льготы, скорее, должны относиться к налоговым, а не к бюджетным мерам обеспечения экономической безопасности.

В условиях текущих антироссийских санкций масштабная бюджетная поддержка населения не требуется. Тем не менее, перспективным видится финансирование программ адаптации экономически активной части населения к структурным изменениям в экономике [\[14\]](#).

4. Бюджетные меры поддержки бизнеса в условиях экономического кризиса. Антикризисные меры по поддержке предпринимательского сектора направлены на сохранение экономического потенциала и недопущение массовых банкротств. Особое значение имеют налоговые льготы и отсрочки для бизнеса, т.е. налоговые меры.

Значимым бюджетным инструментом является льготное кредитование в различных формах, включая бюджетные кредиты, госгарантии, субсидирование процентных ставок и беспроцентные кредиты на выплату зарплаты. Стратегическое значение имеет бюджетная поддержка инвестиционных проектов путем предоставления грантов и софинансирования [\[5\]](#).

В условиях антироссийских санкций особое значение приобретают бюджетные инвестиции в обновление основных промышленных фондов для преодоления/предотвращения спада промышленного производства [\[15\]](#), а также бюджетная поддержка инвестиционно-инновационной активности для технологической модернизации экономики [\[21\]](#).

5. Бюджетные меры, направленные на макроэкономическую стабилизацию, создают условия для устойчивого долгосрочного роста после преодоления острой фазы кризиса. Ключевым инструментом являются инфраструктурные бюджетные инвестиции – увеличение бюджетных расходов на создание и модернизацию инфраструктурных объектов [10]. В период финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. семнадцать из двадцати стран G20 объявили о планах повышения расходов на инфраструктуру, преимущественно на развитие дорожного хозяйства [33].

В условиях антироссийских санкций требуется несколько иной подход. Так, в частности, необходимо бюджетное финансирование проектов, направленных на преодоление территориальных социально-экономических и технологических дисбалансов. Значительное внимание должно быть уделено поддержке стратегических отраслей посредством целевого финансирования важных секторов экономики. Необходимо бюджетное финансирование проектов научно-технологической инициативы для предотвращения возможного технологического отставания из-за санкций.

В любом случае, долгосрочная макроэкономическая стабилизация должна обеспечиваться инвестициями в человеческий капитал – увеличением бюджетных расходов на здравоохранение, образование и переподготовку кадров, созданием благоприятных условий для накопления и развития человеческого капитала в стратегически значимых отраслях [16].

Таким образом, антикризисные бюджетные меры представляют собой комплексный инструментарий государственного реагирования на экономические потрясения. Эффективность данных мер определяется их своевременностью, адресностью и согласованностью с общей стратегией обеспечения экономической безопасности государства.

При этом в условиях мобилизационной экономики и санкционного давления антикризисные бюджетные меры должны приобретать более системный и долгосрочный характер, ориентированный не только на преодоление текущих проблем, но и на формирование основы для устойчивого экономического роста в будущем с учетом принципов национального суверенитета.

Выводы

Проведенное исследование бюджетных мер обеспечения экономической безопасности позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Бюджетные меры обеспечения экономической безопасности представляют собой комплекс бюджетно-правовых и организационных механизмов, реализуемых в рамках и посредством бюджетной системы для защиты национальных экономических интересов.
2. Бюджетные меры выполняют следующие основные функции в рамках обеспечения экономической безопасности: обеспечивают долгосрочное планирование, формируют резервный потенциал, поддерживают социальную стабильность, создают условия для развития приоритетных отраслей, обеспечивают единство экономического пространства, а также выполняют функцию реагирования на чрезвычайные (экстраординарные) ситуации.
3. По механизму воздействия на экономическую безопасность выделяются прямые бюджетные меры, непосредственно влияющие на элементы экономической безопасности, и косвенные бюджетные меры, действующие через обеспечение бюджетной

безопасности.

4. По характеру применения меры подразделяются на ординарные, применяемые систематически в стандартных условиях, и экстраординарные, реализуемые в ответ на кризисные явления.

5. По содержанию ординарные меры могут быть разделены на следующие основные типы: бюджетные меры стратегического планирования (трехлетнее бюджетное планирование); стабилизационные бюджетные меры (функционирование ФНБ); социально-экономические бюджетные меры (финансирование социальной сферы); стимулирующие бюджетные меры (субсидии, государственно-частное партнерство); межбюджетные меры (система межбюджетных трансфертов).

6. Экстраординарные меры по своему содержанию дифференцируются на следующие типы: институциональные механизмы антикризисного регулирования; специальные формы целевого финансирования; специальные меры поддержки населения и бизнеса; специальные механизмы макроэкономической стабилизации через инфраструктурные инвестиции и развитие человеческого капитала.

7. Экстраординарные бюджетные меры обеспечения экономической безопасности в условиях антироссийских санкций приобретают особую специфику. Они включают в себя: создание специализированных институтов развития для критических отраслей, целевое финансирование программ импортозамещения и оборонно-промышленного комплекса, поддержку адаптации населения к структурным изменениям в экономике, инвестиции в обновление производственных фондов и стимулирование инновационной активности бизнеса, финансирование научно-технологических инициатив и устранение экономических дисбалансов.

Эффективность этих мер определяется своевременностью и адресностью их применения, а также ориентацией на формирование устойчивой основы экономического роста с учетом обеспечения национального экономического суверенитета.

Библиография

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4-13. EDN: SJQVDJ.
2. Адаменко А.А., Храмченко А.А., Тютюникова В.А., Гвозденко С.П. Роль бюджетной системы в обеспечении экономической безопасности // Вестник Академии знаний. 2024. № 2 (61). С. 475-479. EDN: ALLEMX.
3. Антонов Д.Г. Отсутствие системности норм бюджетного законодательства, регулирующих предоставление субсидий и бюджетных инвестиций: налоговые последствия // Финансовое право. 2019. № 1. С. 33-38. EDN: YVKKOL.
4. Бобкова Л.Л. Трансформация форм бюджетного финансирования как средство реализации государством антикризисных мер // Публично-правовое обозрение. 2023. № 1. С. 43-47. EDN: VOBHXJ.
5. Богачева О.В., Фокина Т.В. Антикризисное бюджетное регулирование - опыт стран ОЭСР // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 41(227). С. 21-28. EDN: SXMAAB.
6. Болдырев О.Ю. Стратегическое управление социально-экономическим развитием: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 21-29. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-4-21-29 EDN: UKRSAF.
7. Бондарева А.А. Бюджетные инвестиции и субсидии хозяйственным обществам // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3(35). С. 55-57. EDN: JHOYJA.

8. Бугаева Т.Н. Бюджетно-финансовая безопасность как основа устойчивого развития региона // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 2(47). С. 41-48. EDN: RHDILE.
9. Бюджет России: развитие и обеспечение экономической безопасности / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: ИНФРА-М, 2025. 384 с.
10. Вернакова Ю.В., Феоктистова Т.В. Реализация антикризисных мер для населения и бизнеса в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 5. С. 444-454. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-5-444-454. EDN: SIVFRW.
11. Долматова Н.Г. Финансово-правовые средства обеспечения бюджетной безопасности как вида финансовой безопасности государства // Финансы и управление. 2016. № 2. С. 103-110. DOI: 10.7256/2409-7802.2016.2.19122 URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=19122
12. Кабашкин В.А., Рыжова В.Н. Механизмы обеспечения бюджетных обязательств при реализации программы типовых проектов государственно-частного партнерства // Финансы и кредит. 2010. № 47 (431). С. 29-35. EDN: MXHIAT.
13. Караваева И.В. Теория экономической безопасности суверенного государства в российской академической науке - к 300-летию РАН // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 4. С. 745-770. DOI: 10.18334/ecsec.7.4.120960. EDN: XSGWUN.
14. Караваева И.В., Быковская Ю.В., Казанцев С.В., Лев М.Ю., Колпакова И.А. Оценка прогнозно-экономических показателей Российской Федерации в период частичной мобилизации // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 10. С. 2655-2676. DOI: 10.18334/epp.12.10.116423 EDN: SYVEWS.
15. Караваева И.В., Казанцев С.В., Лев М.Ю., Коломиец А.Г., Быковская Ю.В., Шафранская А.М. Федеральный бюджет Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024-2025 гг. в условиях частично мобилизационной экономики // Экономическая безопасность. 2023. № 1. С. 11-50. DOI: 10.18334/ecsec.6.1.117468. EDN: CNQVVM.
16. Караваева И.В., Лев М.Ю. Экономика в условиях санкций и частичной экономической мобилизации через призму экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2024. № 8. С. 2121-2152. DOI: 10.18334/ecsec.7.8.121598. EDN: VFBGGK.
17. Кафиятуллина Ю.Н., Харчилава Г.П. Обеспечение экономической безопасности страны в новых geopolитических реалиях // Вестник университета. 2023. № 7. С. 155-161. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-155-161. EDN: VMQNBO.
18. Кузнецова Н.Р. Межбюджетные трансферты как инструмент регулирования социально-экономического развития регионов // Путеводитель предпринимателя. 2018. № 40. С. 181-189. EDN: YOGHLF.
19. Курепина Н.Л., Зеркаль Е.Е. Механизмы обеспечения экономической безопасности в системе бюджетно-налоговых отношений // Экономическая безопасность. 2023. № 1. С. 263-276. DOI: 10.18334/ecsec.6.1.116712. EDN: CAZGOB.
20. Ленчук Е.Б. Современные инструменты инвестиционной поддержки проектов в области импортозамещения // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 3. С. 25-37. EDN: UAYFYL.
21. Медведева М.Б., Лев М.Ю., Лещенко Ю.Г. Торгово-экономические санкции в отношении России и их совместимость с правом ВТО: сценарии обеспечения экономической безопасности государства // Экономическая безопасность. 2023. № 4. С. 1561-1590. DOI: 10.18334/ecsec.6.4.119262. EDN: TYNXLP.
22. Меликян Л.А. Формирование бюджетной стратегии как фактора обеспечения финансово-бюджетной безопасности муниципального образования // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий. Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2023. С. 98-

100. EDN: JZKPLE.
23. Михеева М.В. Особенности бюджетной безопасности Российской Федерации на современном этапе // Современная наука. 2021. № 5. С. 66-69. DOI: 10.53039/2079-4401.2021.7.5.014. EDN: FSQAH1.
24. Налоговые реформы. Теория и практика / Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 463 с.
25. Петрова Г.В., Ступаков В.И. Финансово-правовые аспекты обеспечения защиты политического, экономического, финансового суверенитета государства в поправках к Конституции Российской Федерации, вступивших в силу с 4 июля 2020 года // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 6. С. 74-81. EDN: MVRBFS.
26. Пономарев А.И., Павленко Е.В. Анализ угроз экономической безопасности в налогово-бюджетной сфере в Российской Федерации // Аллея науки. 2020. № 5(44). С. 87-91. EDN: SWISDZ.
27. Сокол М.К. Направления реализации бюджетной политики в контексте мер обеспечения экономической безопасности государства // Научные труды КубГТУ. 2018. № 6. С. 929-943. EDN: XVLBGP.
28. Тысячи санкций и 4,9% роста: какие данные привел Путин на съезде РСПП [Электронный ресурс] // Звезда. 18.03.2025. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20253182112-vAO5J.html> (дата обращения: 08.04.2025).
29. Багратуни К.Ю., Зундэ В.В., Терещенко О.В. и др. Управление ФНБ в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Экономическое развитие России. 2024. № 11. С. 147-151. EDN: TWKIBA.
30. Цвилий-Букланова А.А. Налоговый контроль в системе обеспечения налоговой безопасности государства: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 248 с. EDN: QFSJWT.
31. Чекунов А.С. Теоретико-методологические основы формирования эффективной системы стимулирования национальных производителей в условиях глобализации. Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2022. 494 с. EDN: PKHRGO.
32. Чернышева Г.Н., Савич Ю.А. Бюджетная безопасность в системе мер по обеспечению национальной обороны РФ // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 11(167). С. 130-141. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/11/130-141. EDN: GQZQNY.
33. Fiscal Implications of the Global Economic and Financial Crisis. IMF Staff Position Note, June 9, 2009, SPN/09/13.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, бюджетные меры обеспечения экономической безопасности в современных российских реалиях. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методы, использованные в статье, включают в себя общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия) и специальные научные методы. К последним относятся: метод формально-юридического анализа, метод системного анализа права, метод анализа правоприменительной практики".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Актуальность выбранной для исследования темы обусловлена,

прежде всего, масштабными антироссийскими санкциями, введенными со стороны недружественных стран. Наибольшего масштаба санкционное давление достигло в 2022 г., когда целый ряд отечественных отраслей и секторов оказался под воздействием жестких ограничительных мер. Президент России В.В. Путин на Пленарном заседании съезда РСПП 18 марта 2025 г. отметил наличие 28 595 санкций, которые были введены недружественными странами в отношении российских компаний и граждан [28]. Кроме того, большое количество международных компаний, домицилированных в недружественных юрисдикциях прекратило предпринимательскую деятельность в России и/или с российскими бизнес-партнерами.

Все это повлекло за собой рост нагрузки на отечественную экономику и, соответственно расширение угроз для национальной и, в частности, экономической безопасности. Противодействие таким угрозам и митигация соответствующих рисков сегодня носит комплексный характер и предполагает использование широкого набора разнообразных мер, в числе которых особое место занимают бюджетные меры обеспечения экономической безопасности" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... бюджетные меры обеспечения экономической безопасности представляют собой комплекс взаимосвязанных бюджетно-правовых и организационных механизмов, реализуемых в рамках и посредством бюджетной системы государства для защиты национальных экономических интересов. Данные меры направлены на поддержание ресурсной базы для противодействия внешним и внутренним экономическим угрозам, обеспечение стабилизационного потенциала экономики, реализацию функций защиты экономического суверенитета и обеспечение единства экономического пространства страны. Механизм воздействия бюджетных мер обеспечения экономической безопасности определяется дуалистической природой бюджетной безопасности. Бюджетные меры могут обеспечивать экономическую безопасность: 1) напрямую – воздействуя непосредственно на структурные элементы экономической безопасности, минуя промежуточные стадии; 2) опосредованно – через предварительное обеспечение бюджетной безопасности, которая, в свою очередь, создает необходимую финансовую основу для противостояния комплексу угроз экономической безопасности государства. Соответствующее воздействие может носить как систематический (постоянный) характер, так и быть чрезвычайным (временным), что позволяет дифференцировать бюджетные меры обеспечения экономической безопасности на две группы: общие (ординарные) меры и антикризисные (экстраординарные) меры"; "Однако, важно отметить, что отмеченные бюджетные меры (стратегического планирования, стабилизационные, социально-экономические, стимулирующие и межбюджетные) представляют собой общие (ординарные) механизмы обеспечения экономической безопасности, применяемые в стандартных условиях функционирования экономической системы. Вместе с тем, в ситуациях экономической нестабильности, резкого ухудшения макроэкономических показателей или внешних шоков возникает потребность в использовании специальных (экстраординарных) бюджетных мер, имеющих антикризисную направленность"; "... антикризисные бюджетные меры представляют собой комплексный инструментарий государственного реагирования на экономические потрясения. Эффективность данных мер определяется их своевременностью, адресностью и согласованностью с общей стратегией обеспечения экономической безопасности государства. При этом в условиях мобилизационной экономики и санкционного давления антикризисные бюджетные меры должны приобретать более системный и долгосрочный характер, ориентированный не только на преодоление текущих проблем, но и на формирование основы для

устойчивого экономического роста в будущем с учетом принципов национального суверенитета" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует содержание, особенности и виды актуальных бюджетных мер обеспечения экономической безопасности России на текущем этапе. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Кроме того, большое количество международных компаний, домицилированных в недружественных юрисдикциях прекратило предпринимательскую деятельность в России и/или с российскими бизнес-партнерами" - "Кроме того, большое количество международных компаний, домицилированных в недружественных юрисдикциях, прекратило предпринимательскую деятельность в России и/или с российскими бизнес-партнерами" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 33 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Бюджетные меры обеспечения экономической безопасности представляют собой комплекс бюджетно-правовых и организационных механизмов, реализуемых в рамках и посредством бюджетной системы для защиты национальных экономических интересов. 2. Бюджетные меры выполняют следующие основные функции в рамках обеспечения экономической безопасности: обеспечивают долгосрочное планирование, формируют резервный потенциал, поддерживают социальную стабильность, создают условия для развития приоритетных отраслей, обеспечивают единство экономического пространства, а также выполняют функцию реагирования на чрезвычайные (экстраординарные) ситуации. 3. По механизму воздействия на экономическую безопасность выделяются прямые бюджетные меры, непосредственно влияющие на элементы экономической безопасности, и косвенные бюджетные меры, действующие через обеспечение бюджетной безопасности. 4. По характеру применения меры подразделяются на ординарные, применяемые систематически в стандартных условиях, и экстраординарные, реализуемые в ответ на кризисные явления. 5. По содержанию ординарные меры могут быть разделены на следующие основные типы: бюджетные меры стратегического планирования (трехлетнее бюджетное планирование); стабилизационные бюджетные меры (функционирование ФНБ); социально-экономические бюджетные меры (финансирование социальной сферы); стимулирующие бюджетные меры (субсидии, государственно-частное партнерство); межбюджетные меры (система межбюджетных трансфертов)" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права, бюджетного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Бюджетные меры обеспечения экономической безопасности в современных российских реалиях»

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в рамках разработки, закрепления и применения бюджетных мер обеспечения экономической безопасности. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, положения нормативных правовых актов, документы стратегического планирования, а также отдельные проекты, подходы и концепции обеспечения экономической безопасности бюджетными мерами, а также правоприменительная практика в исследуемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы сравнительного анализа, особенно в плане сопоставления понятий исследуемых явлений (экономическая безопасность, бюджетная безопасность) и формулирования на этой основе собственных дефиниций; структурно-системный метод (хоть и не названный, но использованный фактически), указывающий на источники возникновения и развития тех или иных бюджетных мер обеспечения экономической безопасности; метод формально-юридического анализа, позволивший исследовать нормативные правовые акты и интерпретировать их в логической последовательности (Конституция РФ, Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ, Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете масштабных антироссийских санкций, введенных со стороны недружественных стран, масштаб которых отмечен автором статьи. Подобное санкционное давление, нарушение логистических цепочек, кооперационных международных связей повлекли за собой значительные нагрузки на отечественную экономику, новые угрозы для национальной безопасности и, соответственно, экономической безопасности как её важнейшей составляющей. Противодействие этим вызовам, мониторинг соответствующих рисков, их минимизация в настоящее время представляют сложный комплекс мероприятий, требующий осмыслиения и систематизации.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором с учетом последних тенденций изучены бюджетные меры обеспечения экономической безопасности. Кроме того, заслуживает внимания предложенная автором дефиниция бюджетной безопасности, а также оригинальная классификация соответствующих мер.

Статья характеризуется в целом научным стилем изложения. Содержание в целом логично, разбито на тематические блоки, делающие её восприятие более удобным.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне

соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Автор при этом совсем не обращается к зарубежному опыту. Вместе с тем значительно число стран длительное время испытывали и испытывают санкционное давление стран так называемого «коллективного Запада». Среди них Северная Корея, Иран, Сирия, Куба, Венесуэла, а в свете недавно объявленной тарифной войны с США и Китай. На наш взгляд, хотя бы эпизодический анализ накопленного указанными и другими подвергшимися санкциям стран опыта, сопоставление используемых ими механизмов с отечественными бюджетными мерами обеспечения экономической безопасности придали бы работе должную завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в публично-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гумарова Р.Р. Анализ правового регулирования и правоприменения в области лицензирования природопользования // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.73764 EDN: GREJDO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73764

Анализ правового регулирования и правоприменения в области лицензирования природопользования**Гумарова Резеда Раисовна**

кандидат биологических наук

доцент кафедры правовых дисциплин, Нефтекамский филиал Уфимского университета науки и технологий

452680, Россия, республика Башкортостан, г. Нефтекамск, ул. Трактовая, 1

✉ regum.eco@gmail.com[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.4.73764

EDN:

GREJDO

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2025

Аннотация: Данная статья посвящена анализу правового регулирования предоставления природных ресурсов в пользование в Российской Федерации и связанным с данным институтом вопросам регистрации сведений в государственных реестрах, а также некоторых других смежных областях. Целью исследования является рассмотрение изменений в природоресурсном законодательстве, выразившихся в переходе от лицензионного подхода на цивилистические начала в природопользовании, и их отражение в смежном законодательстве, а также в правоприменении. Задачами исследования являются: анализ изменений в правовом регулировании лицензирования пользования недрами, водными объектами, объектами животного мира и лесными ресурсами; выявление проблем, возникающих в правоприменительной практике в связи с изменениями в природоресурсном законодательстве и смежном законодательстве, в частности, в налоговом законодательстве и при ведении ЕГРЮЛ и ЕГРИП. Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод. Для

исследования были проанализированы общедоступные данные из Единого государственного реестра юридических лиц и сравнительный анализ их с данными из Государственного реестра участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами. В результате исследования выявлены изменения в правовом регулировании пользования различными видами природных ресурсов в последние десятилетия, в частности, замена лицензий на договоры и разрешения в отношении водных объектов, объектов животного мира и лесных ресурсов. Эти изменения повлияли и на принятие соответствующих поправок в законодательство о лицензировании отдельных видов деятельности и ряд других законов. Указанные изменения повлияли на проблемы в правоприменении, связанные с несоответствиями в Налоговом кодексе РФ в части водного налога и ошибками при внесении сведений о лицензиях государственными органами в единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; установлено, что данные в ЕГРЮЛ и ЕГРИП не соответствуют действующим лицензиям и актуальному нормативному регулированию. Сделан вывод о наличии коллизий и несоответствий в правоприменении в области лицензирования природопользования, требующих устранения.

Ключевые слова:

лицензирование природопользования, лицензия на недропользование, недропользование, лицензируемые виды деятельности, пользование природными ресурсами, лицензия на водопользование, договор водопользования, водный налог, природоресурсное законодательство, СЛВД

Пользование природными ресурсами в Российской Федерации подчиняется определенным базовым принципам, среди которых ключевыми являются: рациональное природопользование, производность права пользования от права собственности, платность пользования природными ресурсами, возможности равного доступа разных лиц к использованию различных природных объектов и компонентов природной среды. Так как на большую часть ресурсов природы (животный мир, недра, подавляющее большинство лесов и водных объектов) распространяется государственная собственность [1, 2], то очень большое значение имеет государственное регулирование предоставления природных ресурсов в пользование. Важно также обозначить принцип ответственности государственных и муниципальных органов за сохранение благоприятного качества окружающей среды, что предполагает важность императивных начал в методе правового регулирования использования природных ресурсов и охраны окружающей среды [3].

В настоящей статье анализируются правовые нормы об основаниях предоставления природных ресурсов в пользование, для этого были проанализированы как природоресурсное, так и смежное законодательство в части регулирования лицензий на пользование природными ресурсами, а также проведен сравнительный анализ данных из государственных реестров о лицензиях, выданных хозяйствующим субъектам. Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Вопросы исследования оснований пользования природными ресурсами, особенно в связи с постепенным переходом от административно-правовых к гражданско-правовым началам, стали предметом изучения многих авторов, среди них особо следует отметить таких исследователей, как М.М. Бринчук, Е.В. Лунева, В.А. Кодолов, Е.А. Бабайцева,

В.Е. Головченко, Г.А. Писарев и многие другие. В данных работах акцентируется особый характер природных ресурсов, а также возможность применения к их регулированию гражданско-правовых начал.

В настоящее время правовое регулирование предоставления природных ресурсов в пользование базируется на комплексе разрешительных и договорных оснований [4, 5], причем в последнее десятилетие превалирует тенденция перехода к цивилистическому подходу [6]. В то же время различные разрешения, решения, лицензии, то есть административно-правовые основания предоставления природных ресурсов остаются в тех областях, которые связаны с экономической, экологической, технологической безопасностью государства [7, 8].

В российском праве отношения в области лицензирования регулируются Федеральным законом от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и другими федеральными законами. Как отмечает И.В. Кондратьева, лицензирование «осуществляется применительно к тем видам деятельности, которые, с точки зрения законодателя, при их ненадлежащем осуществлении могут принести вред интересам общества и государства. Предоставление лицензии следует рассматривать как подтверждение со стороны государства наличия у субъекта, осуществляющего ту или иную деятельность, соответствующих возможностей, необходимых для безопасного осуществления деятельности» [9].

Наличие различных видов лицензий, не вошедших в предмет правового регулирования данным законом, создает многочисленные трудности в правоприменительной практике. Статья 1 вышеупомянутого закона («Сфера применения настоящего Федерального закона») определяет целый ряд отношений, которые не подпадают под его действие. В их числе и отношения в области использования природных ресурсов, регулируемые природоресурсным законодательством, а именно, пользование недрами. Действовавший ранее закон от 8 августа 2001 года N 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (утратил силу с 2011 года) среди видов лицензий, не подпадающих под действие закона, называл целый круг отношений в области использования природных ресурсов: лесопользования, пользования недрами, объектами животного мира и др. И это вполне логично, если учесть, что многие виды природных ресурсов, находившихся в публичной форме собственности, предоставлялись именно на основании лицензий.

Некоторые авторы в понятие «лицензирование» включают все виды деятельности государственных органов по выдаче специальных разрешений на природопользование, негативное воздействие на окружающую среду, эколого-предпринимательскую деятельность [10]. Несмотря на то, что многие виды природных ресурсов предоставляются на основании административно-правового разрешительного акта, необходимо разграничивать понятие «лицензия» от других видов разрешительных документов (разрешения, решения и т.д.). В настоящее время перечень видов природных ресурсов, пользование которыми осуществляется на основании именно «лицензии», ограничивается только недрами. При любом пользовании недрами (кроме права общего пользования правообладателями земельных участков некоторыми видами ресурсов недр для собственных нужд) требуется получение лицензии на пользование недрами. Что касается других природных ресурсов, если мы обратимся к природоресурсному законодательству, то комплексный анализ всего массива законов показывает, что понятие «лицензия» не используется в их отношении в законодательстве совершенно. Данное утверждение верно в отношении правового регулирования использования водных объектов, земель, лесов, объектов животного

мира, водных биологических ресурсов.

«Лицензии на водопользование», ранее выдававшиеся в соответствии с Водным кодексом 1995 года, с 2006 года, с введением в действие нового Водного кодекса РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ, заменены на договор водопользования и решение о предоставлении водного объекта в пользование. Так, по договору водопользования водные объекты предоставляются в пользование для забора воды, для использования акваторий водных объектов и для производства электрической энергии на гидроэлектростанциях (часть 2 ст. 11 Водного кодекса РФ от 03.06.2006 N 74-ФЗ). Договоры водопользования являются возмездным видом договоров, к ним применимы нормы гражданского законодательства об аренде, если иное не установлено водным законодательством [11]. Что касается пользования поверхностными водными объектами для других целей (чаще они связаны с каким-либо негативным воздействием на водный объект, как, например, сброс сточных вод, строительство через водный объект линейных объектов и мостов с воздействием на дно и берега и т.д), то в таких случаях разрешительным документом является Решение о предоставлении водного объекта в пользование.

Еще один вид природных ресурсов, где ранее использовались лицензии как основание возникновения права пользования – это объекты животного мира. «Именные разовые лицензии» в области использования охотничьих ресурсов, действовавшие до принятия в 2009 году Федерального закона от 24.07.2009 N 209-ФЗ «Об охоте и охранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в настоящее время заменены на «разрешение на добывчу охотничьих ресурсов».

В области использования лесов и растительного мира лицензий в старом Лесном кодексе (от 29 января 1997 г. N 22-ФЗ) не было. Из разрешительных документов следует упомянуть лесной и лесорубочный билеты, в соответствии с которыми лесные ресурсы предоставлялись в пользование. Не упомянуты лицензии и в ЛК РФ 2006 года (от 04.12.2006 г. №200-ФЗ). В настоящее время документы, на основании которых возникает право пользования лесами, также в большинстве носят договорный характер. Среди них – договор аренды лесного участка, договор купли-продажи лесных насаждений, договор безвозмездного пользования лесным участком.

Сложности в правоприменительной деятельности начинают возникать, если мы ориентируемся на смежное законодательство. Так, Налоговый кодекс РФ в главе 25.2 «Водный налог» определяет, что плательщиками данного вида налога являются водопользователи, осуществляющие водопользование на основании лицензии. Данное положение многими воспринимается неоднозначно, и иногда вводит в заблуждение. Эта формулировка может быть правильно интерпретирована только при анализе с учетом норм природоресурсного законодательства. Как мы указали ранее, в новом (2006 г) Водном кодексе РФ лицензии, как основания предоставления права водопользования, нет. О каком же водопользователе идет речь в данном случае и почему остается водный налог в системе налогообложения? Речь может идти о пользователе подземными водными объектами, право пользования которыми осуществляется на основании лицензии на пользование недрами. ВК РФ в статье 9 фиксирует особую норму на этот случай: «Физические лица, юридические лица приобретают право пользования подземными водными объектами по основаниям и в порядке, которые установлены законодательством о недрах». Соответственно, плательщиками водного налога являются пользовали недр для добычи подземных вод.

Кроме пользователей недрами, плательщиками водного налога могут быть также физические и юридические лица, продолжающие пользоваться поверхностными водными объектами по лицензиям, выданным до вступления в силу действующего ВК РФ. В соответствии с ФЗ от 03.06.2006 N 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» водопользователи, осуществляющие использование водных объектов на основании лицензий на водопользование, сохраняют права долгосрочного или краткосрочного пользования водными объектами без переоформления документов до истечения срока действия таких лицензий. Так как максимальный срок действия лицензии по ВК РФ 1995 года составлял 25 лет, то данное положение сохранится еще 6 лет. А. В. Зенин, А. А. Худоконь отмечают, что «положения гл. 25.2 НК РФ будут актуальными для представленной группы налогоплательщиков еще продолжительный период времени», но плательщиков водного налога становится все меньше ввиду изменения правового регулирования предоставления поверхностных водных объектов в пользование [12].

Как отмечает Г. Узакова, «разрешительные процедуры, связанные с использованием природных ресурсов, требуют прозрачности этого процесса, доведения необходимой информации до населения с помощью различных современных средств массовой информации, эффективного использования специальных электронных систем» [13]. В Российской Федерации все сведения о лицензиях подлежат внесению в единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в соответствии со ст. 5 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ. Таким образом, обеспечивается прозрачность и доступность информации [14] о лицах, обладающим правом на ведение определенных видов лицензируемой хозяйственной деятельности, и в частности, деятельности в области пользования недрами.

Сведения о лицензиях предоставляются в регистрирующий орган государственными органами, ответственными за предоставление соответствующих лицензий, в форме электронных документов. Порядок предоставления данных сведений регулируется Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. N 1092. от 22 декабря 2011 г. N 1092.

В последние годы, при анализе выписок из ЕГРЮЛ в части лицензий, предоставленных юридическим лицам, автор обратил внимание на следующее указание вида лицензируемой деятельности: «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира (Роснедра и его территориальные органы, Росводресурсы, Рослесхоз, Госкомрыболовство РФ, Ростехнадзор, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по лицензионной деятельности, органы управления по использованию и охране недр и экологии субъектов Российской Федерации)». Данная формулировка противоречит как действующему законодательству, так и существующей системе исполнительных органов государственной власти.

Про невозможность предоставления лицензий на пользование объектами животного мира, лесами нами было указано выше. Что касается органов государственной власти, то указание среди них Госкомрыболовства дает нам понять, что данная формулировка может относиться к периоду до 2008 года, так как Госкомрыболовство РФ Указом Президента РФ от 12.05.2008 N 724 был преобразован в Федеральное агентство по рыболовству, да и в целом государственные комитеты в системе органов исполнительной власти были преобразованы в федеральные агентства и службы именно в этот период. Но указанные выше записи в ЕГРЮЛ относятся к более позднему периоду, а именно, с

2011 по 2024 год.

В письме ФНС России от 19.02.2016 N ГД-4-14/2731@ «О предоставлении в регистрирующий орган сведений о лицензиях на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами» имеется разъяснение, что данные о лицензиях поступают в ФНС по системе межведомственного взаимодействия. Указано, что «для обеспечения возможности внесения в государственные реестры сведений о лицензиях, выданных лицензирующими органами юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, ФНС России создан ведомственный Справочник «Лицензируемые виды деятельности» (СЛВД), основными информационными объектами которого являются лицензируемые виды деятельности, строго соответствующие лицензируемым видам деятельности, установленным законодательством Российской Федерации о лицензировании». Данный справочник размещен на сайте ФНС РФ (<https://www.nalog.gov.ru/rn77/program/5961289/>) и представляет собой большой документ, в который включены как виды лицензий, выдаваемые на настоящий момент, так и виды лицензий, выдававшихся в соответствии с ранее действовавшим законодательством. Данное включение всех видов лицензий вполне обоснованно, так как в ЕГРЮЛ и ЕГРИП включаются не только данные на сегодняшний день, но и все полученные в прошлом лицензии. Однако данное положение не оправдывает неверное применение СЛВД регистрирующими органами, и вместо вида лицензии «Лицензия на пользование недрами» указывается совершенно иной вид, не соответствующий актуальной лицензии и актуальному законодательству.

СЛВД при указании на вид лицензионной деятельности «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира» ссылается на следующие нормативные акты (формулировка сохранена): «ФЗ от 08.08.2001 N 128-ФЗ, п.2 ст.1; Пост. Пр-ва РФ от 17.06.2004 N 293; Пост. Пр-ва РФ от 16.06.2004 N 282; Пост. Пр-ва РФ от 16.06.2004 N 283; Пост. Пр-ва РФ от 30.06.2004 N 327; Пост. Пр-ва РФ от 30.07.2004 N 400; Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1, ст.16 | 08.12.2006 | 18.11.2007 | Пост. Пр-ва РФ от 01.11.2007 N 733». Из указанных нормативных актов Закон о лицензировании отдельных видов деятельности от 08.08.2001 г №128-ФЗ утратил силу в 2011 году в связи с принятием нового одноименного закона. Именно в данном законе 2001 года среди перечисленных тех видов деятельности, на который данный закон не распространяется, была формулировка «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира». Что касается остальных актов, на которые ссылается СЛВД, то ни в одном из них такой вид лицензируемой деятельности не называется. Таким образом, мы видим, что в СЛВД включен вид лицензируемой деятельности, отсутствующий в нормативно-правовом регулировании. К сожалению, эта ошибка воспроизводится при регистрации лицензий в ЕГРЮЛ и ЕГРИП. Чаще всего именно этот пункт указывается при внесении записи в ЕГРЮЛ о лицензиях, выдаваемых государственными органами субъектов Российской Федерации, особенно много таких записей о лицензиях, выданных органами Мурманской и Кировской области. Также встречаются и записи лицензий, выданных федеральными органами исполнительной власти в области недропользования (Роснедра и его территориальные подразделения). В качестве примера приведем лишь некоторые данные из ЕГРЮЛ за последние десять лет по юридическим лицам, у которых в ЕГРЮЛ указана лицензия на вид деятельности «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира (Роснедра и его территориальные органы, Росводресурсы, Рослесхоз, Госкомрыболовство РФ, Ростехнадзор, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по лицензионной деятельности, органы управления по использованию и охране недр и экологии субъектов Российской

Федерации)» и сравнение данных записей с информацией по данным Государственного реестра участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами (<https://rfgf.ru/ReestrLic/>) (Таблица 1).

Таблица 1

Сравнение данных 1) Единого государственного реестра юридических лиц и 2) Государственного реестра участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами

1) По данным ЕГРЮЛ, вид лицензии:				2) По данным Государственного реестра участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами	
Наименование юридического лица, ИНН/ ОГРН	Год создания	Дата и номер выдачи лицензии	Лицензирующий орган	Лицензия, цель	и
ООО «Мишуково» 5190094003/ 1235100000300	2023	31.05.2023 МУР015105ТП	Министерство природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области	Лицензия на пользование недрами, цель: для геологического изучения недр, включающего поиски и оценку месторождений полезных ископаемых	ти (
ООО «Поломский карьер» 4345528021/ 1234300008018	2023	10.04.2024 КИР023104ТР	Министерство охраны окружающей среды Кировской области	Лицензия на пользование недрами, цель: для геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, в том числе использования отходов добычи полезных	ти (

					ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств
ООО «Полярный литий», 9709083109/ 1227700407538	2022	30.05.2024 МУР024449ВР	Министерство природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области	Лицензия на пользование недрами, цель: для геологического изучения участка недр в целях поисков и оценки подземных вод, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения или технического водоснабжения, их разведки и добычи	Г т п в
ООО «Дорстрой» 4345464025/ 1174350005565	2017	24.12.2021 КИР90937ТЭ	Министерство охраны окружающей среды Кировской области	Лицензия на пользование недрами, цель: для разведки и добычи полезных ископаемых, в том числе использования отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств	т п и (
ООО «Техкомплектсервис» 7604334457/ 1177627036366	2017	30.04.2022 МУР 002424 ТП	Министерство природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области	Лицензия на пользование недрами, цель: для геологического изучения недр, включающего поиски и оценку месторождений полезных ископаемых	т п и (
ООО «КРИСТАЛЛ»	2017	16.11.2017	Управление по	Лицензия на	Г

ЮГ» 2311233185/ 1172375021268	МАЙ ВЭ	80191	охране окружающей среды природным ресурсам Республики Адыгея	и	пользование недрами, цель: добыча питьевых подземных вод для технологического обеспечения водой объектов предприятия	т п в
ООО «Долинное» 7536145650/ 1147536005792	2014	11.11.2014 ЧИТ03456ТЭ	Министерство природных ресурсов экологии Забайкальского края	и	Лицензия на пользование недрами, цель: добыча песчано-гравийных пород	т п и (
МУП Коммунальщик 2242004142/ 1132208002850	2013	23.07.2014 БАР 02565 ВЭ	Роснедра		Лицензия на пользование недрами, цель: добыча питьевых подземных вод	г т п в
ООО «Альфа- спецстрой» 5407495003/ 1145476036100	2014	11.09.2014 54-Б/00123	Региональное агентство по недропользованию по Сибирскому федеральному округу		нет данных	н
МУП ЖКХ Минусинского района 1142455000852	2014	27.10.2014 КРР02627ВЭ	Управление по недропользованию по Красноярскому краю		Лицензия на пользование недрами, цель: разведка и добыча	г т п в
Федеральное государственное унитарное предприятие «Федеральный Экологический Оператор» 4714004270/ 1024701761534	2002	1. 06.06.2011 СРТ 01406 ВЭ/1406 2. 24.04.2012 НОВ 02537 ВЭ	1. Управление по недропользованию п о Саратовской области (Роснедра) 2. Департамент по недропользованию по Сибирскому федеральному округу (Роснедра)		1.добыча подземных вод, используемых для целей питьевого и хозяйственно- бытового водоснабжения 2. добыча подземных вод для технологического обеспечения водой промышленных объектов	г т п в

Как видно из таблицы, все лицензии, указанные в ЕГЮЛ как лицензия на

«использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира (Роснедра и его территориальные органы, Росводресурсы, Рослесхоз, Госкомрыболовство РФ, Ростехнадзор, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по лицензионной деятельности, органы управления по использованию и охране недр и экологии субъектов Российской Федерации)», фактически являются лицензиями на пользование недрами для различных целей, среди которых чаще всего упоминается пользование с целью добычи подземных вод. Такое правоприменение и формулировки лицензируемого вида деятельности в ЕГРЮЛ и ЕГРИП, не соответствующие законодательству, создают путаницу и непонимание как со стороны самих юридических лиц, так и со стороны всех пользователей данных реестров. Сложность применения норм природоресурсного законодательства в смежных отношениях во многом объясняется его массивностью. Т.С. Перелехова и Е.Долженкова отмечают: «многие природоресурсные договоры могут регулироваться сразу несколькими актами законодательства, имеющими равную юридическую силу, в связи с чем, такое запутанное правовое регулирование вызывает сложности по толкованию и применению указанных норм» [15]. Указанное верно не только в отношении договоров, но и лицензий и разрешений.

Проведенный анализ правового регулирования лицензирования природопользования в Российской Федерации позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, современная система управления природными ресурсами демонстрирует тенденцию к переходу от административно-разрешительных механизмов к договорным отношениям, что особенно заметно в сфере водопользования, лесного хозяйства и использования объектов животного мира. Однако в области недропользования лицензионный порядок сохраняет свою актуальность, что обусловлено стратегической значимостью ресурсов недр и необходимостью обеспечения государственного контроля за их использованием. Во-вторых, выявленные проблемы в правоприменительной практике, такие как несоответствие данных в ЕГРЮЛ и ЕГРИП действующему законодательству указывают на необходимость устранения противоречий в правоприменении, унификации терминологии и повышения прозрачности системы лицензирования. Все это будет способствовать более эффективному управлению природными ресурсами и снижению административных барьеров для бизнеса. В перспективе развитие законодательства в данной сфере должно быть направлено на баланс между экономическими интересами пользователей природных ресурсов и экологической безопасностью. Важным шагом станет гармонизация норм природоресурсного, налогового и административного права, а также внедрение цифровых технологий для повышения точности и доступности данных в государственных реестрах. Только комплексный подход позволит создать устойчивую и прозрачную систему природопользования, отвечающую современным вызовам.

Библиография

1. Гумарова Р. Р. Природные лечебные ресурсы как объект права государственной собственности / Р. Р. Гумарова // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 3(44). – С. 287-291. – DOI 10.25683/VOLBI.2018.44.329. – EDN XVFIRN.
2. Чебыкина Ю. В. К вопросу о недрах как объекту права собственности в Российской Федерации / Ю. В. Чебыкина, Л. Я. Саввина // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XIX Всероссийской научной конференции Студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 12-13 ноября 2020 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. – С. 208-214. – EDN SGMWMO.
3. Бринчук М. М. Особенности метода правового регулирования экологических и

- природоресурсных отношений // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 43. – № 3. – С. 88-97.
4. Гумарова Р. Р. Соотношение разрешительных и договорных оснований при пользовании природными ресурсами // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2020. – С. 44-50. – EDN VHTQJJ.
5. Гумарова Р. Р. Гражданко-правовые и административно-правовые основания использования природных объектов / Р. Р. Гумарова // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 1(54). – С. 265-269. – DOI 10.25683/VOLBI.2021.54.140. – EDN BXBBFM.
6. Бабайцева Е. А., Головченко В. Е. Гражданко-правовой режим природных ресурсов: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 77-81. – EDN OZKWNZ.
7. Пучков В. А. Административно-правовые режимы управления природным и техногенным рисками / В. А. Пучков, Ю. С. Авдотьина, В. П. Авдотьин; Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2011. – 328 с. – ISBN 978-5-93970-063-4. – EDN OJXAUX.
8. Мышко Ф. Г. Административно-правовая охрана окружающей среды в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 1. – С. 218-220. – DOI 10.24412/2414-3995-2021-1-218-220. – EDN AGSXAX.
9. Кондратьева И. В. Лицензирование природопользования как способ регламентации хозяйственной деятельности / И. В. Кондратьева // Актуальные проблемы экологии и природопользования: Сборник статей по материалам VI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Курган, 28 апреля 2022 года. – Курган: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2022. – С. 15-19. – EDN BVCAFK.
10. Будникова Ю. Е. Особенности лицензирования предпринимательской деятельности, основанной на использовании природных ресурсов / Ю. Е. Будникова // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 11(143). – С. 64-69. – EDN XEGPLZ.
11. Яровой А. П. Система договоров аренды природных ресурсов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-3. – С. 209-215. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-10-3-209-212. – EDN VBGRBI.
12. Зенин А. В., Худоконь А. А. Водный налог и плата за пользование водными объектами как инструменты принципа платности природопользования // Бизнес, менеджмент и право: Digital reality: материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 октября 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2021. – С. 727-732. – EDN QVUFJY.
13. Узакова Г. Научно-правовая сущность порядка лицензирования (разрешения) в природопользовании // Society and Innovations. – 2022. – № 3(6). – С. 79-88. – DOI 10.47689/2181-1415-vol3-iss6-pp79-88. – EDN ESNORW.
14. Апт Л. Ф., Токарева Ю. В. Принципы формирования и действия государственных реестров как особых регуляторов юридической деятельности // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 81-91. – EDN GTJDIL.
15. Перелехова Т. С., Долженкова Е. Особенности правового регулирования лицензионно-договорных отношений в сфере природопользования и охраны окружающей среды // Актуальные проблемы науки и практики. – 2022. – № 4. – С. 28-36. – EDN SSKEBQ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, правовое регулирование и правоприменение в области лицензирования природопользования. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Пользование природными ресурсами в Российской Федерации подчиняется определенным базовым принципам, среди которых ключевыми являются: рациональное природопользование, производность права пользования от права собственности, платность пользования природными ресурсами, возможности равного доступа разных лиц к использованию различных природных объектов и компонентов природной среды. Так как на большую часть ресурсов природы (животный мир, недра, подавляющее большинство лесов и водных объектов) распространяется государственная собственность [1, 2], то очень большое значение имеет государственное регулирование предоставления природных ресурсов в пользование. Важно также обозначить принцип ответственности государственных и муниципальных органов за сохранение благоприятного качества окружающей среды, что предполагает важность императивных начал в методе правового регулирования использования природных ресурсов и охраны окружающей среды [3].

В настоящее время правовое регулирование предоставления природных ресурсов в пользование базируется на комплексе разрешительных и договорных начал [4, 5], причем в последнее десятилетие превалирует тенденция перехода к цивилистическому подходу [6]. В то же время различные разрешения, решения, лицензии, то есть административно-правовые основания предоставления природных ресурсов остаются в тех областях, которые связаны с экономической, экологической, технологической безопасностью государства [7, 8]". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В последние годы, при анализе выписок из ЕГРЮЛ в части лицензий, предоставленных юридическим лицам, автор обратил внимание на следующее указание вида лицензируемой деятельности: «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира (Роснедра и его территориальные органы, Росводресурсы, Рослесхоз, Госкомрыболовство РФ, Ростехнадзор, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по лицензионной деятельности, органы управления по использованию и охране недр и экологии субъектов Российской Федерации)». Данная формулировка противоречит как действующему законодательству, так и существующей системе исполнительных органов государственной власти. Про невозможность предоставления лицензий на пользование объектами животного мира, лесами нами было указано выше. Что касается органов государственной власти, то указание среди них Госкомрыболовства дает нам понять, что данная формулировка может относиться к периоду до 2008 года, так как Госкомрыболовство РФ Указом Президента РФ от 12.05.2008 N 724 был преобразован в Федеральное агентство по рыболовству, да и в целом государственные комитеты в системе органов исполнительной власти были

преобразованы в федеральные агентства и службы именно в этот период. Но указанные выше записи в ЕГРЮЛ относятся к более позднему периоду, а именно, с 2011 по 2024 год"; "СЛВД при указании на вид лицензионной деятельности «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира» ссылается на следующие нормативные акты (формулировка сохранена): «ФЗ от 08.08.2001 N 128-ФЗ, п.2 ст.1; Пост. Пр-ва РФ от 17.06.2004 N 293; Пост. Пр-ва РФ от 16.06.2004 N 282; Пост. Пр-ва РФ от 16.06.2004 N 283; Пост. Пр-ва РФ от 30.06.2004 N 327; Пост. Пр-ва РФ от 30.07.2004 N 400; Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1, ст.16 | 08.12.2006 | 18.11.2007 | Пост. Пр-ва РФ от 01.11.2007 N 733». Из указанных нормативных актов Закон о лицензировании отдельных видов деятельности от 08.08.2001 г №128-ФЗ утратил силу в 2011 году в связи с принятием нового одноименного закона. Именно в данном законе 2001 года среди перечислений тех видов деятельности, на который данный закон не распространяется, была формулировка «использование природных ресурсов, в том числе недр, лесов, объектов растительного и животного мира». Что касается остальных актов, на которые ссылается СЛВД, то ни в одном из них такой вид лицензируемой деятельности не называется. Таким образом, мы видим, что в СЛВД включен вид лицензируемой деятельности, отсутствующий в нормативно-правовом регулировании. К сожалению, эта ошибка воспроизводится при регистрации лицензий в ЕГРЮЛ и ЕГРИП" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет проблемы правового регулирования и правоприменения в области лицензирования природопользования и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Некоторые авторы под понятие «лицензирование» включают все виды деятельности государственных органов по выдаче специальных разрешений на природопользование, негативное воздействие на окружающую среду, эколого-предпринимательскую деятельность [10]" - "в понятие "лицензирование" (опечатка).

Ученый отмечает: "В области использования лесов и растительного мира лицензий не было ни в старом Лесном кодексе (от 29 января 1997 г. N 22-ФЗ) – из разрешительных документов следует упомянуть лесной и лесорубочный билеты, соответствия с которыми предоставлялись лесные ресурсы в пользование, – нет их и в ЛК РФ 2006 года (от 04.12.2006 г. №200-ФЗ)" - "В области использования лесов и растительного мира лицензий в старом Лесном кодексе (от 29 января 1997 г. N 22-ФЗ) не было. Из разрешительных документов следует упомянуть лесной и лесорубочный билеты, в соответствии с которыми лесные ресурсы предоставлялись в пользование. Не упомянуты лицензии и в ЛК РФ 2006 года (от 04.12.2006 г. №200-ФЗ)" (см. на пропуск предлога и стилистику).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Заключительную часть статьи необходимо отделить от основной абзацем.

Библиография исследования представлена 15 источниками (научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Ю. Е. Будникова), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведенный анализ правового регулирования лицензирования природопользования в Российской Федерации позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, современная система управления природными ресурсами демонстрирует тенденцию к переходу от административно-разрешительных механизмов к договорным отношениям, что особенно заметно в сфере водопользования, лесного хозяйства и использования объектов животного мира. Однако в области недропользования лицензионный порядок сохраняет свою актуальность, что обусловлено стратегической значимостью ресурсов недр и необходимостью обеспечения государственного контроля за их использованием. Во-вторых, выявленные проблемы в правоприменительной практике, такие как несоответствие данных в ЕГРЮЛ и ЕГРИП действующему законодательству указывают на необходимость устранения противоречий в правоприменении, унификации терминологии и повышения прозрачности системы лицензирования. Все это будет способствовать более эффективному управлению природными ресурсами и снижению административных барьеров для бизнеса. В перспективе развитие законодательства в данной сфере должно быть направлено на баланс между экономическими интересами пользователей природных ресурсов и экологической безопасностью. Важным шагом станет гармонизация норм природоресурсного, налогового и административного права, а также внедрение цифровых технологий для повышения точности и доступности данных в государственных реестрах. Только комплексный подход позволит создать устойчивую и прозрачную систему природопользования, отвечающую современным вызовам"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права, природоресурсного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устраниении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования данной статьи является система правового регулирования лицензирования природопользования в Российской Федерации. Автор рассматривает динамику изменений в законодательстве, регулирующем предоставление прав на использование различных видов природных ресурсов, с акцентом на переход от административно-правовых к гражданско-правовым механизмам регулирования. Особое внимание уделяется проблемам практического применения законодательства в области лицензирования пользования недрами и несоответствиям между информацией, содержащейся в ЕГРЮЛ, и фактическими данными государственного реестра лицензий.

Методология исследования

Автор применяет комплексный подход, включающий общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Особую ценность представляет эмпирическая база исследования - сравнительный анализ данных из государственных реестров о выданных лицензиях с информацией, содержащейся в ЕГРЮЛ. Методология является адекватной для решения поставленных в исследовании задач, что подтверждается полученными результатами.

Актуальность

Исследование отличается высокой актуальностью, поскольку эффективное регулирование природопользования представляет собой одну из ключевых задач государственного управления. Переход от административно-правовых к гражданско-правовым механизмам регулирования требует систематического анализа и осмысливания. Выявленные автором несоответствия между нормативной базой и правоприменительной практикой в области регистрации лицензий имеют практическое значение для совершенствования системы государственного управления природными ресурсами.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе эволюции системы лицензирования природопользования и выявлении противоречий между различными правовыми актами и практикой их применения. Автор впервые детально сопоставляет записи в ЕГРЮЛ с данными Государственного реестра участков недр, что позволяет выявить системные ошибки в применении Справочника лицензируемых видов деятельности. Выводы о необходимости гармонизации природоресурсного, налогового и административного права имеют научно-практическую ценность.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, последовательно раскрывая эволюцию правового регулирования и современное состояние лицензирования природопользования. Автор четко формулирует проблему, анализирует нормативную базу и демонстрирует практические несоответствия в правоприменении. Текст написан научным языком, но доступен для понимания.

К недостаткам можно отнести некоторую перегруженность статьи описанием нормативных актов в ущерб более глубокому анализу причин выявленных противоречий в правоприменении. Также статья могла бы выиграть от более четкого выделения перспектив исследования и конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Библиография

Библиографический список включает 15 источников, что является достаточным для

данного исследования. Источники актуальны и релевантны теме исследования. Автор корректно ссылается на труды ведущих специалистов в области экологического и природоресурсного права (М.М. Бринчук, Р.Р. Гумарова и др.). Положительно оценивается использование как теоретических работ, так и источников, анализирующих практические аспекты правоприменения.

Однако библиография могла бы быть усиlena включением нескольких зарубежных источников для сравнительного анализа международного опыта лицензирования природопользования.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно представляет различные точки зрения на проблему лицензирования природопользования, ссылаясь на работы ученых, исследующих как административно-правовые, так и гражданско-правовые аспекты регулирования. Полемика ведется в научном ключе, с уважением к альтернативным позициям. Автор избегает некорректных обобщений и необоснованной критики, что является достоинством работы.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логически вытекают из проведенного анализа и имеют теоретическую и практическую значимость. Автор убедительно доказывает наличие проблем в правоприменительной практике и обосновывает необходимость гармонизации различных отраслей права для эффективного регулирования природопользования.

Статья представляет интерес для широкого круга читателей: ученых-юристов, специализирующихся в области экологического и природоресурсного права, практикующих юристов, государственных служащих, работающих в сфере природопользования, а также для представителей бизнеса, осуществляющих деятельность по использованию природных ресурсов.

Статья может быть рекомендована к публикации, так как она вносит существенный вклад в исследование проблем правового регулирования природопользования.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Духанина Ж.Г. Статистическое исследование судебной практики по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74227 EDN: GUUEPH
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74227

**Статистическое исследование судебной практики по
статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации****Духанина Жанна Георгиевна**

аспирант; кафедра уголовного права; Российский государственный университет правосудия им. В.М.
Лебедева
помощник судьи; Первый апелляционный суд общей юрисдикции
117418, Россия, г. Москва, р-н Черемушки, ул. Новочерёмушкинская, д. 69

dulsineya_op@bk.ru

[Статья из рубрики "Юридический практикум"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.4.74227

EDN:

GUUEPH

Дата направления статьи в редакцию:

25-04-2025

Аннотация: Объектом проведенного исследования являются общественные отношения, связанные с практикой привлечения к уголовной ответственности организаторов, руководителей и участников преступных сообществ (преступных организаций); предметом – решения судов апелляционной инстанции по уголовным делам о привлечении указанных лиц к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. Статья посвящена проблеме реализации норм уголовного законодательства, направленных на борьбу с распространением организованной преступности, которая сосредоточена в первую очередь в рассматриваемых преступных формированиях и представляет повышенную общественную опасность, являясь основой преступного мира. Особое внимание автором уделяется вопросам дифференциации как самих преступных формирований, так и преступной деятельности лиц, являющихся их организаторами, руководителями (в том числе структурных подразделений) и участниками. При проведении исследования использованы статистический и аналитический методы: изучены решения апелляционных судов по уголовным делам по ст. 210 УК РФ за период с 1 января 2019 г. по 31 мая 2024 г., собраны и проанализированы статистические

данные, рассмотрены категории преступлений, совершаемых в совокупности со ст. 210 УК РФ. По результатам изучения решений судов апелляционной инстанции выявлены общие тенденции, определены основные проблемы правоприменения. Цель исследования – с помощью анализа статистических данных выявить проблемные вопросы, возникающие в практике применения ст. 210 УК РФ и предложить пути их разрешения – реализована. Новизна заключается в полном статистическом исследовании всех опубликованных в открытом доступе решений судов общей юрисдикции, а также некоторых военных судов, выявлении проблем правоприменения и формировании выводов и предложений по совершенствованию законодательства, направленного на борьбу с организованной преступностью, действующей в рамках организованных преступных формирований. В частности, определены составы преступлений, по совокупности с которыми применение ст. 210 УК РФ наиболее неоднозначно. Результатом исследования является разработка практических предложений и рекомендаций, призванных исключить многие вопросы и неясности при привлечении лиц к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. Одним из основных предложений является разделение преступных сообществ и преступных организаций на различные составы преступлений на основе субъекта и специфики преступной деятельности.

Ключевые слова:

преступные сообщества, преступные организации, уголовная ответственность, юридическое лицо, структурированность, материальная выгода, единое руководство, сопутствующие преступления, статистика, судебная практика

Введение

Статья 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее ст. 210 УК РФ), направленная на борьбу с организованной преступностью в форме наиболее крупных преступных образований – сообществ или организаций, является одной из самых неоднозначных и нестабильных статей Уголовного кодекса. Её нестабильность заключается во множестве вносимых законодателем изменений – с момента введения в действие Уголовного кодекса 1996 года изменения в статью 210 УК РФ вносились 5 раз: Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ, Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ, а неоднозначность – в самом большом проценте оправдательных приговоров по сравнению с другими статьями УК РФ. И поскольку в настоящее время, т.е. после введения в действия последних изменений, направленных на определение круга лиц, в отношении которых данная статья не подлежит применению, эта тенденция продолжается, можно сделать вывод о необходимости внесения изменений, направленных на упорядочение правоприменения статьи 210 УК РФ.

О наличии проблем в правоприменении и необходимости внесения изменений в ст. 210 УК РФ высказываются многие исследователи. В частности, некоторые авторы указывают на отсутствие в уголовном законе критериев, позволяющих четко определить наличие или отсутствие преступного сообщества (преступной организации) в том или ином случае [1, 2], предлагают методы корректировки и уточнения ряда оценочных категорий [3].

Исследование, положенное в основу данной статьи, проведено с целью определения

ключевых направлений, требующих дополнительного правового регулирования в рассматриваемой области, и разработки предложений, направленных на упорядочение и стабилизацию применения указанной нормы. Для достижения обозначенной цели автором были изучены материалы, имеющиеся в открытом доступе, а именно все апелляционные решения судов общей юрисдикции уровня высших судов субъектов РФ (верховные суды республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов), апелляционных судов, Верховного Суда РФ (до момента начала деятельности апелляционных судов – 1 октября 2019 года), а также окружных военных судов и Апелляционного военного суда, принятые по ст. 210 УК РФ в период с 1 января 2019 г. по 31 мая 2024 г. Всего за указанный период на сайтах судов по таким уголовным делам на момент проведения исследования (июнь-июль 2024 года) размещено 509 решений в отношении 1994 лиц.

Выбор судов апелляционной инстанции обусловлен стремлением к наиболее полному охвату значимых и неоднозначных дел рассматриваемой категории. К тому же больший научный интерес, по мнению автора, в данном случае представляют именно судебные решения, после которых приговор вступает в законную силу.

Исследование не абсолютно и не идеально, поскольку имеет погрешность, которую (по аналогии с латентной преступностью) можно разделить на естественную и искусственную. Естественную погрешность составляют решения по делам, не подлежащие размещению в сети «Интернет» (в соответствии с пунктом 5 статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2009 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судом в Российской Федерации» и пунктами 2.2. и 2.3 Постановления Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г. «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), в том числе содержащие сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну и не подлежащие огласке в силу иных причин, предусмотренных частью 2 статьи 241 УПК РФ. Искусственную погрешность составляют в данном случае судебные решения, подлежащие размещению в сети «Интернет», но по тем или иным причинам не размещенные сотрудниками судов, а также решения, просмотр которых был невозможен в период проведения исследования по техническим причинам.

Описание и результаты исследования

Наиболее показательным при оценке эффективности применения ст. 210 УК РФ является количество обвинительных и оправдательных решений судов. По делам, поступившим в суды общей юрисдикции за исследуемый период, из 1994 лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ, в первой инстанции оправдано 731 (36,66%) человек, осуждено 1235 (61,94%) и прекращено уголовное преследование по ст. 210 УК РФ в отношении 28 лиц (1,4%), проходящих по одному уголовному делу. При этом уголовное преследование было прекращено ввиду отсутствия в действиях каждого из 28 лиц состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, а также в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Все лица по данному делу осуждены по одному или нескольким преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 159 УК РФ. Таким образом, их вполне можно отнести к категории оправданных по ст. 210 УК РФ, и тогда соотношение осужденных и оправданных в судах первой инстанции по данной статье получится 61,94% и 38,06% соответственно.

Судами апелляционной инстанции из ранее осужденных было оправдано ещё 108

человек; один человек освобожден от уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования (не реабилитирующее основание), рассмотрение одного дела в отношении одного лица прекращено в связи с отзывом апелляционных жалобы и представления (то есть в силе остался обвинительный приговор). Отменены же обвинительные приговоры в отношении 32 лиц, а оправдательные – в отношении 68 лиц.

Итого к оправданным по ст. 210 УК РФ можно отнести: 731 (оправданы приговорами судов первой инстанции) + 28 (уголовное преследование прекращено судами первой инстанции) + 108 (оправданы судами апелляционной инстанции из ранее осужденных) – 68 (оправдательные приговоры отменены судами апелляционной инстанции) = 799, а к осужденным: 1235 (осуждены приговорами судов первой инстанции) – 108 (из них оправданы судами апелляционной инстанции) – 32 (обвинительные приговоры отменены судами апелляционной инстанции) = 1095. Таким образом, если не принимать в расчет 100 лиц ($1994-100=1894$), приговоры в отношении которых были отменены, поскольку окончательное решение по ним не принято, итоговое соотношение оправданных и осужденных за указанный выше период получается 42,19% оправданных и 57,81% осужденных.

Поскольку преступные сообщества создаются с целью совершения тяжких или особо тяжких преступлений (или одного преступления одной из указанных категорий), большое значение для исследования имеет классификация преступлений, вменяемых подсудимым по совокупности со ст. 210 УК РФ, а именно, к какой главе УК РФ они принадлежат, ведь несмотря на возможность применения данной статьи самостоятельно, в подавляющем большинстве случаев ст. 210 УК РФ не применяется отдельно, без совокупности с другими преступлениями. Те же редкие случаи, где можно наблюдать ее самостоятельное применение, встречающиеся при изучении судебной практики, связаны с тем, что лица были осуждены ранее по ряду статей УК РФ, и теперь им инкриминировано совершение этих преступлений именно в составе преступного сообщества (преступной организации), то есть дело по данной статье было выделено в отдельное производство.

В целях изучения характера незаконной деятельности преступных сообществ (преступных организаций) рассмотрим виды преступлений, по совокупности с которыми лица привлечены к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. Разделить виды преступной деятельности предлагается так, как они разделены в Уголовном кодексе, то есть по главам.

1) За преступления против жизни и здоровья (глава 16 УК) по совокупности со ст. 210 УК РФ за рассматриваемый период привлечено к уголовной ответственности 45 лиц, из них 18 оправдано по ст. 210 УК РФ при осуждении по сопутствующим статьям (здесь и далее к числу оправданных отнесены лица, оправданные судом первой инстанции, осужденные судами первой инстанции, но оправданные судами апелляционной инстанции, а также уголовное преследование по ст. 210 УК РФ в отношении которых прекращено на стадии судебного разбирательства). Поскольку преступления против жизни и здоровья сами по себе не предусматривают цели получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, данные виды преступной деятельности, кроме ст. 210 УК РФ, применяются в совокупности и с другими статьями УК РФ. Они не могут в полной мере отражать специфику судебной практики по ст. 210 УК РФ в уголовно-правовом аспекте, но показательны с точки зрения общественной опасности организованной преступной деятельности.

2) Преступления против чести и достоинства личности (глава 17 УК) также нельзя отнести к преступлениям, для совершения которых создается преступное сообщество (преступная организация). Тем не менее по совокупности со ст. 210 УК РФ и с преступлениями, относящимися к другим главам УК, к уголовной ответственности в рассматриваемый период привлечено 8 лиц, из них оправдано по ст. 210 УК РФ 4 лица.

3) За вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (преступление из главы 20 УК РФ) по совокупности со ст. 210 УК РФ привлечено одно лицо, и оно же оправдано по ст. 210 УК РФ судом первой инстанции.

4) Главу 21 УК РФ при рассмотрении противоправной деятельности преступных сообществ (преступных организаций) можно назвать одной из профильных, поскольку преступления против собственности способствуют достижению указанной в ст. 35 УК РФ для преступного сообщества (преступной организации) цели – получению прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. По совокупности преступлений из данной главы со ст. 210 УК РФ привлечено к уголовной ответственности 537 лиц, из них оправдано по ст. 210 УК РФ 243. При этом по насильственным преступлениям из данной главы (таким, как разбой, вымогательство) процент оправданных ниже, а по ст. 159 УК РФ (а также по статьям 159.1, 159.2 и 159.5 УК РФ) оправданных по ст. 210 УК РФ лиц больше половины (194 из 312).

5) Глава 22 УК РФ – Преступления в сфере экономической деятельности – отличается многообразием непосредственных объектов преступной деятельности и, следовательно, преступной специализации лиц, возглавляющих преступные сообщества (преступные организации) и участвующих в них. По совокупности данного вида преступной деятельности со ст. 210 УК РФ к уголовной ответственности за рассматриваемый период привлечено 465 лиц, из них по ст. 210 УК РФ оправдано 279. При этом по статье 171.1 УК РФ (Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ) оправдано по ст. 210 УК РФ 21 лицо из 27, по 171.2 УК РФ (Незаконные организации и проведение азартных игр) – 58 из 64, по ст. 193.1 (Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте и валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов) – 15 из 16, а по статьям 191.1 УК РФ (Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины) и 194 УК РФ (Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица) по ст. 210 УК РФ оправданы все привлеченные к уголовной ответственности лица (25 человек). Таким образом, можно сделать вывод о наличии некоторых проблем с применением ст. 210 УК РФ в совокупности с указанными статьями УК РФ, которые в конечном итоге ставят под сомнение возможность применения ст. 210 УК РФ в существующем ныне виде к таким видам преступной деятельности в принципе.

6) Глава 23 – Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – несмотря на небольшое количество статей, также задействована в уголовных делах рассматриваемой категории. Так, по ст. 201 УК РФ (Злоупотребление полномочиями) в совокупности со ст. 210 УК РФ осуждены трое человек, а по ст. 204 УК РФ (Коммерческий подкуп) оправданы двое. Однако подобная преступная деятельность не является основным направлением деятельности преступных сообществ (преступных организаций), и данная квалификация обычно применяется наряду с другими статьями УК РФ.

7) К главе 24 УК РФ – Преступления против общественной безопасности – как раз и относится ст. 210 УК РФ. Тем не менее в судебной практике встречаются уголовные дела с квалификацией по совокупности ст. 210 УК РФ с другими статьями данной главы. В частности, применению в основном подлежат статьи 209 УК РФ (Бандитизм) и ст. 222 УК РФ (Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов). Всего по совокупности преступлений данной главы со ст. 210 УК РФ к уголовной ответственности за рассматриваемый период привлечено 103 лица, из них оправдано 28. То есть здесь сравнительно большой процент осужденных, что говорит о достаточной стабильности применения указанных норм. При этом наиболее распространенными в данной ситуации являются случаи, где так называемая банда является «боевым крылом», то есть одним из структурных подразделений преступного сообщества (преступной организации).

8) Глава 25 УК РФ – Преступления против здоровья населения и общественной нравственности – пожалуй, самая распространенная в рассматриваемой категории дел. Так, привлечено к уголовной ответственности за совершение преступлений из данной главы в совокупности со ст. 210 УК РФ 1115 лиц, из них оправдано по ст. 210 УК РФ 415. Данная категория дел коррелируется с одним из наиболее распространенных способов преступного обогащения, а именно с распространением наркотических средств. Подавляющее большинство лиц в данной категории привлечены по ст. 228.1 УК РФ (Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества).

9) По преступлениям, предусмотренным Главой 26 УК РФ, по совокупности со ст. 210 УК РФ привлечено к уголовной ответственности 18 человек (в основном это ст. 260 УК РФ – Незаконная рубка лесных насаждений), из них оправдано по ст. 210 УК РФ 7. Все оправданные были привлечены к уголовной ответственности по одному делу. Область преступной деятельности здесь достаточно специфическая, но вопросов, связанных с применением ст. 210 УК РФ в совокупности с другими преступлениями рассматриваемой главы, как правило, у правоприменителей не возникает.

10) Глава 28 УК РФ – Преступления в сфере компьютерной информации – предусматривает всего 5 составов, из них задействованы в рассматриваемом вопросе два: ст. 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации) и 273 (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). Данные виды преступной деятельности можно отнести к вспомогательным на пути к реализации цели создания и деятельности преступных сообществ (преступных организаций) – получению прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Всего по преступлениям данной главы в совокупности со ст. 210 УК РФ привлечено 21 лицо по одному уголовному делу, все они осуждены. Статья 210 УК РФ здесь применена в совокупности со статьями 272, 273 и 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации).

11) По преступлениям, предусмотренным главой 30 УК РФ – Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – в совокупности со ст. 210 УК РФ к уголовной ответственности привлечено 26 лиц, из них оправданы 12. Все указанные лица привлечены к уголовной ответственности по преступлениям данной главы в совокупности с ч. 3 ст. 210 УК РФ («с использованием своего служебного положения»), что достаточно закономерно. Данная часть статьи 210 УК РФ является самой

неоднозначной для правоприменителя.

12) Среди преступлений против правосудия (глава 31 УК РФ) за рассматриваемый период в совокупности со ст. 210 УК РФ применены статьи 302 УК РФ (Принуждение к даче показаний), 303 УК РФ (Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности), 306 УК РФ (Заведомо ложный донос) и 309 УК РФ (Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу). Всего по данной категории дел в совокупности со ст. 210 УК РФ привлечено к уголовной ответственности 15 лиц, из них оправданы 3. Данная преступная деятельность также не является основной, а относится, скорее, к реализации такого признака преступного сообщества (преступной организации) как конспирация – то есть члены преступного формирования предпринимают определенные меры, чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности, и эти меры образуют самостоятельный состав преступления.

13) По преступлениям главы 32 УК РФ – Преступления против порядка управления – к уголовной ответственности по совокупности со ст. 210 УК РФ привлечены 46 человек, из них оправданы 22. Наиболее распространены статьи 322.1 (Организация незаконной миграции) и 330 УК РФ (Самоуправство).

Приведенный анализ позволяет выявить наиболее проблемные статьи, по совокупности с которыми лица привлекаются к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ – это статьи 159, а также 159.1, 159.2, 159.5 УК РФ, 171, а также статьи 171.1, 171.2 и 191.1, 193.1, 194 УК РФ, по которым больше всего оправдательных приговоров и отмен судебных решений.

Далее для того, чтобы отследить влияние вносимых в ст. 210 УК РФ изменений, рассмотрим соотношение осужденных и оправданных лиц в периоды действия различных редакций ст. 210 УК РФ. В рассматриваемую статью Уголовного кодекса за все время его действия законодателем вносились изменения 5 раз, но поскольку в рамках настоящего исследования рассмотрены решения, вынесенные по уголовным делам с 1 января 2019 года по 31 мая 2024 г., рассмотрению подлежат изменения, внесенные в уголовный закон в соответствующий временной отрезок.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. в статью 210 УК РФ внесены следующие изменения:

1) из части 1 убрано слово «совместного», где идет речь о цели создания преступного сообщества (преступной организации) – совершении тяжких или особо тяжких преступлений. То есть до внесения изменений для квалификации действий по данной части статьи 210 УК РФ требовалось доказать наличие в качестве цели создания преступного сообщества (преступной организации) именно совместного совершения преступлений, что могло быть воспринято правоприменителем как необходимость соисполнительства;

2) последняя фраза из диспозиции части 1: «...а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений» в новой редакции составила самостоятельную часть статьи 210 УК РФ – часть 1.1: «Участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой настоящей статьи». Санкция при этом не изменилась. Надо отметить, что до настоящего времени случаев

применения данной части за весь период её существования в судебной практике не имеется;

3) увеличилась санкция по ч. 2 ст. 210 УК РФ. В частности, данная часть до внесения изменений предусматривала санкцию в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, а после – от 7 до 10 лет; максимальный штраф с 500 тысяч рублей увеличен до 3 миллионов рублей, а максимальный срок ограничения свободы – с 1 года до 2 лет. Тем не менее не поменялась категория преступления, оно по-прежнему является тяжким;

4) также увеличен максимальный штраф по ч. 3 – с 1 до 5 миллионов рублей;

5) к санкции ч. 4, предполагающей ранее лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы, в случае лишения свободы на определенный срок добавлены дополнительные наказания в виде штрафа в размере до 5 миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет (необязательное наказание), и ограничение свободы на срок от 1 года до 2 лет (обязательное дополнительное наказание). По этой части после внесения изменений осужден один человек;

6) изменено примечание: если ранее освобождению от уголовной ответственности подлежали лица, добровольно прекратившие участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп и активно способствовавшие раскрытию или пресечению этих преступлений, то после внесения изменений примечание стало распространяться на все части рассматриваемой статьи, но требования для его применения стали более конкретизированы: лицо должно сообщить о готовящемся собрании руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций), активно способствовать раскрытию преступлений и (или) пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации), а также пресечению совершаемых преступным сообществом (преступной организацией) или её (его) структурным подразделением преступлений.

Также существенным изменением, внесенным в Уголовный кодекс указанным Федеральным законом, является введение новой статьи – 210.1, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, поскольку ранее привлечение таких лиц к уголовной ответственности было возможно лишь в случае доказанности их непосредственного отношения к другим преступлениям, то есть практически невозможно в связи с тем, что такие лица лично в преступной деятельности не задействованы и передают свои указания и распоряжения через определенные звенья посредников.

В целом все указанные изменения направлены на усиление мер борьбы с организованной и профессиональной преступностью.

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ в статью 210 УК РФ внесено одно единственное изменение: введено второе примечание (которое получило номер 1). Это примечание предусматривает невозможность привлечения к уголовной ответственности учредителей, участников, руководителей, членов органов управления и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководителей и работников ее структурного подразделения только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) её структурного подразделения и совершения какого-

либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) её структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Данные изменения направлены на либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Оба законопроекта были внесены на рассмотрение Государственной Думы Президентом РФ и были приняты единогласно во всех трех чтениях. Какое же действие они возымели на практике?

Поскольку исследование, положенное в основу данной статьи, затрагивает временной период с начала 2019 года по 31 мая 2024 г., до введения в действие первого изменения – 1 апреля 2019 г., для сравнения действия ст. 210 УК РФ до и после внесенных изменений в части «до» у нас всего 3 первых месяца 2019 года, и сравнить мы их можем, соответственно, с 3 месяцами действия измененной статьи – с 1 апреля по 1 июля 2019 г.: в первый период судами было рассмотрено 12 дел в отношении 40 лиц, из них оправдано 9 (22,5%) лиц, один из которых оправдан судом апелляционной инстанции, и осуждено 31 лицо (77,5%); а во второй период рассмотрено 20 дел в отношении 84 лиц, из них оправдано 46 (54,8%), из них 20 во второй инстанции, и осуждено 38 (45,2%). На основании приведенных данных можно было бы сделать два в определенной степени противоположных вывода: об увеличении количества осужденных, несмотря на усиление уголовной ответственности, и об усилении неопределенности в практике применения ст. 210 УК РФ, поскольку процент оправданных во втором периоде превысил процент осужденных. Однако выводы эти условны, поскольку, во-первых, в силу ограниченности периода исследования взят слишком маленький временной интервал, который не позволяет определить сложившиеся тенденции в правоприменении, во-вторых, уголовный закон, усиливающий уголовную ответственность, не имеет обратной силы, следовательно, фактически, и во втором периоде людей судили на основании действовавших ранее положений.

Для анализа действия второго (на данный момент последнего) изменения в ст. 210 УК РФ, вступившего в силу 1 апреля 2020 года, имеется возможность взять для сравнения более длительные временные периоды: с 1 января 2019 года по 31 марта 2020 года и с 1 апреля 2020 года по 31 июня 2021 года (по 1 году и 3 месяца до и после внесения изменений).

Итак, до внесения изменений за указанный период по статье 210 УК РФ судами было рассмотрено 105 дел в отношении 457 лиц. Из них оправдано судом первой инстанции 186 лиц (40,7%) и осуждено 271 (59,3%). Судом второй инстанции оправдано из ранее осужденных 26 лиц, в отношении 11 лиц (3 осужденных и 8 оправданных) приговор суда первой инстанции отменен. То есть из всех привлеченных к уголовной ответственности по данной статье лиц осуждено 234 (51,2 %).

После внесения последних изменений за такой же временной период судами рассмотрено 113 дел в отношении 493 лиц. Из них оправдано судом первой инстанции 170 (34,5%), осуждено 295 лиц (59,8%); в отношении 28 лиц (5,7%) уголовное преследование по ст. 210 УК РФ прекращено. Судом второй инстанции из ранее осужденных оправданы 57 лиц, одно освобождено от уголовной ответственности и в отношении 14 лиц (4 осужденных и 10 оправданных) приговоры отменены. В итоге

осуждено по ст. 210 УК РФ за данный период 224 лица (45,4%).

Таким образом, после внесения последних изменений в ст. 210 УК РФ в судебной практике по применению данной статьи произошли следующие статистические изменения: 1) больше лиц привлечено к уголовной ответственности; 2) количество осужденных в итоге снизилось, но не на много (с 234 лиц до 224); 3) увеличился процент оправданных лиц по данной статье. Тем не менее эффект от нововведения в данном случае не выглядит убедительным, поскольку усиливает правовую неопределенность и в то же время является недостаточным для решения проблемы неоднозначного применения рассматриваемой нормы права.

Как видно из приведенных ранее сведений, основные проблемы правоприменения связаны с привлечением к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ в совокупности со статьями 159 и 171 (включая статьи 159.1-159.6 и 171.1-171.5 УК РФ). Следовательно, и меры по повышению объективности применения ст. 210 УК РФ должны быть направлены именно на эти виды преступной деятельности. Как показал сравнительный анализ применения ст. 210 УК РФ в период действия её различных редакций, до настоящего времени вносимые изменения не взымели действенного эффекта.

Существует мнение, что следственные органы безосновательно вменяют статью 210 УК РФ лицам, проходящим по тяжким (а не особо тяжким) преступлениям против собственности и в сфере экономической деятельности, для продления срока их содержания под стражей, так как ч. 3 ст. 109 УПК РФ предусматривает возможность продления срока содержания под стражей свыше года (до 18 месяцев) в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Но стоит отметить, что особо тяжкими являются части 1, 1.1, 3 и 4 ст. 210 УК РФ, тогда как наиболее распространенная часть 2 относится к категории тяжких. В связи с этим стоит обратить внимание на соотношение осужденных и оправданных с дифференциацией по отдельным частям ст. 210 УК РФ.

Часть 1 ст. 210 УК РФ предусматривает ответственность за создание, руководство преступным сообществом либо структурным подразделением, а равно за координацию его действий (с приведением конкретных вариантов девиантного поведения). По данной части за исследуемый период было рассмотрено 149 дел в отношении 313 лиц. При этом следует иметь в виду, что в большинстве случаев по одному делу проходят лица по разным частям данной статьи – как организаторы и руководители, в том числе структурных подразделений, так и рядовые члены. Итак, из 313 лиц в суде первой инстанции было оправдано 127 (40,6%) и осуждено 180 (57,5%); в отношении 6 лиц (1,9%) прекращено уголовное преследование по рассматриваемой статье. Во второй инстанции оправдано из ранее осужденных 12 человек, отменено 12 приговоров, из них 7 оправдательных в отношении 14 лиц и 6 обвинительных в отношении 9 лиц, привлеченных по ч. 1 ст. 210 УК РФ; ещё в одном случае квалификация по ч. 1 ст. 210 УК РФ изменена на ч. 2 ст. 210 УК РФ. Таким образом, к оправданным (некоторые категории условно) можно отнести: 127 лиц (оправданы судами первой инстанции) + 6 (уголовное преследование прекращено судами первой инстанции) + 12 (оправданы судами апелляционной инстанции из ранее осужденных) + 1 (переквалификация с ч. 1 на ч. 2 ст. 210 УК РФ в суде апелляционной инстанции, условно примем за оправданного по ч. 1) – 14 (оправдательные приговоры отменены) = 132 человека. При этом осуждено: 180 (осуждены судами первой инстанции) – 12 (оправданы судами апелляционной инстанции из ранее осужденных) – 9 (обвинительные приговоры отменены) – 1 (переквалификация) = 158 лиц. Итого 50,5% осужденных и 42,8% условно оправданных лиц по ч. 1 ст. 210 УК РФ (без учета лиц, приговоры в отношении которых

отменены).

По ч. 1.1 ст. 210 УК РФ за рассматриваемый период судебной практики не имеется.

По части 2 ст. 210 УК РФ – участие в преступном сообществе (преступной организации) – судами за исследуемый период было рассмотрено 344 дела в отношении 1619 лиц. В суде первой инстанции из них оправдано 575 лиц, осуждено – 1022, и в отношении 22 лиц уголовное преследование по ч. 2 ст. 210 УК РФ прекращено. В суде апелляционной инстанции оправдано из ранее осужденных 88 лиц, 1 лицо освобождено от уголовной ответственности, и в отношении 1 лица уголовное преследование прекращено. Отменено судами апелляционной инстанции 27 приговоров в отношении 70 лиц, из них 10 оправдательных в отношении 49 лиц и 17 обвинительных в отношении 21 лица. Таким образом, к оправданным можно отнести: 575 (оправданы судами первой инстанции) + 22 (уголовное преследование прекращено судами первой инстанции) + 88 (оправданы судами апелляционной инстанции из ранее осужденных) + 1 (освобожден от уголовной ответственности судом апелляционной инстанции) + 1 (уголовное преследование прекращено судом апелляционной инстанции) – 49 (оправдательные приговоры отменены судами апелляционной инстанции) = 638 (39,4%). Осуждено: 1022 (осуждены судами первой инстанции) – 88 (оправданы из ранее осужденных в суде апелляционной инстанции) – 1 (освобожден от уголовной ответственности) – 1 (уголовное преследование прекращено в суде апелляционной инстанции) – 21 (обвинительные приговоры отменены) = 911 (56,3%). При этом 70 лиц, в отношении которых приговоры отменены, мы не учитываем. Получается 56,3% осужденных и 39,4% оправданных от общего числа привлеченных по ч. 2 ст. 210 УК РФ лиц.

Далее идет самая неоднозначная часть З ст. 210 УК РФ – создание, руководство либо участие в преступном сообществе с использованием служебного положения. Данная часть может быть применена как в отношении руководителей и сотрудников органов государственной власти, в том числе правоохранительных органов, так и в отношении руководителей и сотрудников коммерческих и других организаций. Думается, применение этой части и привело к появлению примечания 1 к ст. 210 УК РФ, о котором было сказано выше. Рассмотрим числовые показатели: за изученный период по ч. 3 ст. 210 УК РФ было рассмотрено 30 дел в отношении 64 лиц, из которых оправдано судами первой инстанции 31 лицо, а осуждено – 33. В суде апелляционной инстанции оправдано из ранее осужденных 8 лиц и отменены приговоры в отношении 7 лиц: 5 оправданных и 2 осужденных. Таким образом, к оправданным можно отнести: 31 лицо (оправдано судами первой инстанции) + 8 лиц (оправданы судами апелляционной инстанции из ранее осужденных) – 5 (оправдательные приговоры отменены судами апелляционной инстанции) = 34 (53,1%). Осуждено: 33 (осуждены судом первой инстанции) – 8 (из них оправданы в суде апелляционной инстанции) – 2 (отменены обвинительные приговоры судами апелляционной инстанции) = 23 (35,9%). Не принимая во внимание 7 человек, по которым приговоры отменены, соотношение будет: 53,1% оправданных и 35,9% осужденных.

И, наконец, по части 4 ст. 210 УК РФ – перечисленные в частях 1 и 1.1 деяния, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии – за рассматриваемый период было осуждено одно лицо. Всего по данному уголовному делу осуждено 23 лица по различным частям статьи 210 УК РФ в совокупности с другими преступлениями корыстной направленности (в основном это вымогательство). Судом апелляционной инстанции обвинительный приговор оставлен в силе.

Таким образом, всего по особо тяжким частям ст. 210 УК РФ за рассматриваемый период

было привлечено к уголовной ответственности 378 лиц, а осуждено из них 182 (48,2%), в то время как по тяжкой части 2 ст. 210 УК РФ осуждено 911 человек из 1619 привлеченных к уголовной ответственности, то есть 56,3%. Процентное соотношение разнится, но не кардинально, и в целом приведенные данные указывают скорее на необходимость законодательного воздействия на практику применения статьи 210 УК РФ как в целом, так и по отдельным видам преступной деятельности, на которую ориентированы преступные сообщества (преступные организации), но никак не в части отдельных категорий лиц.

В целях продвижения законопроектов, направленных на либерализацию уголовного законодательства, в частности, при обсуждении законопроекта о внесении изменений в ст. 210 УК РФ, приводилась статистика по ст. 210 УК РФ – 40% оправданных и 60% осужденных за 2018 год (стенограмма обсуждения законопроекта № 871811-7 о внесении изменений в примечание к ст. 210 УК РФ в первом чтении, официальный сайт Государственной Думы РФ). Однако при этом не уточняется, что большинство оправданных по ст. 210 УК РФ осуждены за совершение других преступлений, в том числе и по так называемым «предпринимательским» составам.

В частности, за исследуемый период привлечено к уголовной ответственности исключительно по статье 210 УК РФ 19 лиц, из них судом первой инстанции оправдано 6 и осуждено 13; один обвинительный приговор в отношении одного лица судом апелляционной инстанции отменен, остальные оставлены без изменений. Здесь следует отметить, что большинство лиц, привлекаемых только по статье 210 УК РФ, ранее были осуждены, и на момент рассмотрения подлежащих исследованию уголовных дел отбывали наказание по другим статьям, то есть, по сути, решался лишь вопрос, совершали ли они преступления, за которые уже осуждены, в составе преступного сообщества или организованной преступной группы.

Оправданы по всем статьям предъявленного обвинения за весь исследуемый период 39 лиц (из 1994 привлеченных к уголовной ответственности), то есть менее 2%. Судом апелляционной инстанции приговоры в отношении 29 лиц оставлены без изменения, а в отношении 10 лиц – отменены с направлением на новое судебное рассмотрение. То есть в действительности пострадавших от «произвола» правоохранительных органов не так уж много.

Также показательно в этом плане, что Верховный Суд РФ в п. 4 постановления Пленума от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» дает разъяснения об отсутствии права на реабилитацию у лиц, совершивших преступления в составе организованной группы, в связи с чем оправданных по ст. 210 УК РФ.

Если обратиться к причинам отмен приговоров судом апелляционной инстанции, то при отмене как обвинительных, так и оправдательных приговоров превалируют сугубо процессуальные причины: это нарушения, связанные с порядком рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, нарушения права на защиту (например, расхождение в позициях подсудимого и его защитника), отсутствие оценки некоторых доказательств, противоречия в самом судебном решении, нарушения правил рассмотрения уголовных дел в особом порядке (глава 40.1 УПК РФ) и т.д. При этом из 32 отмененных приговоров, рассмотренных в рамках проведенного исследования, 29 направлены на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда, одно дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, и только 2 отменены (в обоих случаях

это отмены обвинительных приговоров) с прекращением уголовного преследования в части ст. 210 УК РФ.

В первом случае другие соучастники, которые, согласно рассматриваемому приговору, входили в состав преступного сообщества, уже были осуждены по выделенному уголовному делу за совершение тех же преступных деяний в составе организованной преступной группы, и приговор на момент рассмотрения данного дела судом апелляционной инстанции вступил в законную силу. Кроме того, доказательства наличия преступного сообщества, по мнению суда апелляционной инстанции, отсутствовали и в настоящем уголовном деле (апелляционное определение Астраханского областного суда от 5 сентября 2023 г. по делу № 22-1521/2023). Во втором случае сам осужденный уже был ранее осужден вступившим в законную силу приговором за те же деяния в составе организованной преступной группы, совершение которых ему инкриминировалось по данному уголовному делу в составе преступного сообщества (апелляционное определение Кировского областного суда от 23 июня 2022 г. по делу № 22-1278/2022).

Таким образом, процент отмененных приговоров по ст. 210 УК РФ по причинам, связанным со спецификой данной статьи, на стадии апелляционного рассмотрения ничтожно мал, процессуальные же нарушения не имеют причинно-следственной связи со ст. 210 УК РФ и могли быть допущены по любым уголовным делам.

Выводы и предложения

Часть 1.1 ст. 210 УК РФ «Участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой настоящей статьи» представляет собой частный случай части 1 или части 2 той же статьи. Данная норма не работает в связи с тем, что доказать просто участие в преступном сообществе (преступной организации) проще, чем доказать наличие собрания указанных в части 1.1 лиц с указанными там же целями. С таким же успехом можно было бы криминализировать такие действия в рамках преступного сообщества (преступной организации), как хранение «общака» или принятие мер конспирации без непосредственного участия в совершении преступлений. Однако в этом нет необходимости, поскольку часть 1 либо часть 2 ст. 210 УК РФ поглощает все эти действия. Кроме того, наказание за совершение деяния, предусмотренное частью 1.1 ст. 210 УК РФ практически дублирует наказание, предусмотренное за совершение деяния, предусмотренного частью 1 указанной статьи (за исключением величины штрафа, который может быть назначен в качестве дополнительного наказания).

Вариантов решения указанной проблемы два: необходимо либо убрать часть 1.1 ст. 210 УК РФ, либо вернуть ее в ч. 1 ст. 210 УК РФ, как и было до 2009 года, когда деяние, предусмотренное частью 1.1 ст. 210 УК РФ, было перечислено в качестве альтернативной диспозиции части 1 ст. 210 УК РФ – на случай, если всё-таки такая деятельность будет обнаружена и доказана.

Примечание 1 к ст. 210 УК РФ также фактически не является рабочим. К такому же выводу обоснованно приходит Т.В. Якушева в статье «Предпринимательское» преступное сообщество: комментарий пункта 1 примечаний к статье 210 УК РФ и анализ судебно-следственной практики», где она приводит один единственный пример, связанный с изменением обвиняемому меры пресечения в связи с введением в действие примечания к ст. 210 УК РФ, но при этом доказывает, что изменение меры пресечения было возможно и без ссылки на указанное примечание [4]. Данное примечание вполне можно

убрать из Уголовного кодекса.

Е. В. Герасимова и А. Д. Ченчиковский, ссылаясь на мнения специалистов, отмечают, что «организованная преступность сегодня перестает быть блоком из преступников, бандитов и вымогателей, а превращается в так называемый союз криминализованных бизнесменов и государственных чиновников» [5]. Данное утверждение достаточно спорно, поскольку «бандиты и вымогатели» по-прежнему довольно активно ведут свою преступную деятельность, которую, как и преступность в целом, нейтрализовать полностью не представляется возможным. Поэтому, в связи с двойственностью природы преступной деятельности предлагается разделить данные категории лиц на два самостоятельных состава преступления, чтобы не смешивать криминальные структуры с их преступными сообществами, криминальными авторитетами, уголовными статусами и соответствующей атрибутикой с совершающими преступления корыстной направленности руководителями и сотрудниками коммерческих организаций, несмотря на то, что и те, и другие наносят серьезный урон общественным отношениям. Преступная деятельность тех и других преступных формирований различается как по субъекту, так и по объективной стороне преступления.

С. С. Гура считает лишним понятие «преступная организация» и предлагает исключить этот термин из Уголовного кодекса [6]. Тем не менее это понятие как раз может пригодиться для разделения ст. 210 УК РФ на 2 разных состава с целью разграничения специфики преступной деятельности: «Создание преступного сообщества или участие в нем» и «Создание преступной организации или участие в ней».

Таким образом, название статьи 210 УК РФ предлагается сформулировать следующим образом: «Создание преступного сообщества или участие в нём», а диспозицию изложить в следующей редакции:

«1. Создание преступного сообщества в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, руководство преступным сообществом или входящими в него структурными подразделениями, координация действий организованных групп, разработка планов и создание условий для совершения преступлений, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ или входящих в них организованных групп.

2. Участие в преступном сообществе.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения.

4. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

Также предлагается ввести в УК РФ статью 210.2, озаглавив её «Создание преступной организации или участие в ней», изложив её диспозицию так:

«1. Создание руководителем юридического лица или его структурного подразделения преступной организации путём объединения сотрудников юридического лица, а также иных лиц в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, связанных с деятельностью юридического лица, руководство преступной организацией или входящими в неё структурными подразделениями, разработка планов и создание условий для совершения преступлений, направленных на незаконное

получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

2. Участие в преступной организации».

В данной интерпретации часть 1 предполагает специальный субъект из числа лиц, перечисленных в настоящее время в приложении 1 к ст. 210 УК РФ, а по второй части субъект остается общим: участниками преступной организации могут быть как сотрудники юридического лица, так и иные лица. Однако выделение части 3 в таком случае не требуется, так как использование служебного положения будет полностью поглощаться предлагаемым составом преступления.

Часть 4 ст. 210 УК РФ также не может в данном случае быть распространена на преступную организацию, поскольку предполагает совершение преступления другим специальным субъектом – лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В связи со спецификой криминальной деятельности данного субъекта он практически лишен возможности одновременно быть руководителем или участником преступной организации в предлагаемом толковании указанного понятия.

В рамках коммерческой организации уже задана строгая иерархия в виде штатного расписания, однако она же (с изменениями или без) может быть использована и для преступной деятельности. И лица, выведенные в настоящее время законодателем в примечание 1 к ст. 210 УК РФ как не подлежащие уголовной ответственности по данной статье, в силу ст. 4 УК РФ, закрепляющей принцип равенства граждан перед законом и судом, не должны быть освобождены от уголовной ответственности за создание и участие в преступном формировании только лишь в силу занимаемой должности или сферы деятельности. Таким образом, санкции за совершение предлагаемого вышеприведенной статьей деяния должны предусматривать наказание, соразмерное предусмотренному санкциями статьи 210 УК РФ.

Преступная организация в таком случае будет отличаться от преступного сообщества субъектом – это будут субъекты, в настоящее время перечисленные в примечании 1 – и (или) объективной стороной преступления – преступная деятельность в данном случае будет осуществляться с использованием легально действующей коммерческой структуры наравне с законной коммерческой деятельностью или вместо неё.

При изучении преступных образований многие авторы уделяют внимание вопросу о минимальном количестве составляющих его лиц. Например, Берсенев А. А., Мирошниченко А. В.^[7] и Григорьев Д. А. в диссертации «Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» предлагают считать минимальным количеством 4 лица: 2 организованные группы по 2 лица в каждой; Виденькина Ж. В. в диссертации «Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем» указывает, что достаточно 3 лиц (например, если одно и то же лицо руководит обоими структурными подразделениями). Тем не менее минимальным числом участников преступного сообщества или преступной организации предлагается признать 5 человек: минимум 2 структурных подразделения, в каждом из которых минимум по 2 участника + руководитель всего преступного сообщества (организации). Руководитель может входить в какое-либо из подразделений (в таком случае, кроме него, там должно быть минимум 2 лица) либо быть обособленным, но он не может совмещать должность руководителя структурного подразделения, состоящего, кроме него, из одного лица, с руководством сообществом (организацией) в целом, поскольку для признания наличия структурированности необходимо минимум двухуровневое руководство, а в этом случае

лицо из структурного подразделения такого лидера будет подчиняться только ему. Получается, что необходимо наличие ещё одного структурного подразделения, т.к. в противном случае руководителю подчиняется структурное подразделение + 1 человек, который сам по себе не может составлять структурное подразделение. Кроме того, по объективным причинам преступные сообщества (организации) с меньшим количеством лиц на практике не встречаются.

Многие ученые предлагают собственный набор признаков для определения наличия или отсутствия преступного сообщества (преступной организации) [8, 9, 10, 11, 12], но анализ неоднозначной судебной практики приводит к высказанному Агаповым П. В. в диссертационном исследовании «Основы противодействия организованной преступной деятельности» выводу о признании необходимости минимизации оценочных признаков как в уголовном праве в целом, так и по отношению к преступным сообществам. Для реализации указанной тенденции предлагается установить 3 обязательных признака преступного сообщества (организации), которые можно вывести из ч. 4 ст. 35 УК РФ: 1) структурированность; 2) наличие руководителя (единоличного либо коллегиального органа управления); 3) цель деятельности – совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Все остальные признаки, такие как распределение ролей между участниками группы (структурного подразделения), наличие иерархии, устава, сплоченности, длительности существования, территориальной обособленности каждого подразделения и др. – должны считаться факультативными, то есть вспомогательными при доказывании и влияющими на итоговое наказание.

А. С. Александрова и Р. В. Васильев считают, что структурированность не может являться отличительным признаком преступного сообщества, поскольку определение этого понятия не дано в Уголовном кодексе [13]. Тем не менее структурированность – это вполне определенный признак. Структурированное преступное сообщество (или организация) представляет собой объединение, состоящее из нескольких ячеек (групп, структурных подразделений), объединенных под единым руководством, при том, что у каждого подразделения также есть собственное руководство, то есть иерархия в данном случае имеет как минимум 2 уровня. Если же все члены преступного формирования на равных условиях подчиняются единому руководству напрямую, то признака структурированности нет – это организованная преступная группа. Определение наличия или отсутствия признака структурированности в предлагаемой интерпретации будет вполне однозначным. Данными разъяснениями предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12.

Наличие единого руководства также не все исследователи считают убедительным признаком. Например, Е. В. Благов считает, что единое руководство является «скрытой тавтологией», поскольку оно «имманентно присуще любой организованной группе», и предлагает считать руководящий орган отдельным структурным подразделением [14]. Тем не менее признак единого руководства важен при решении вопроса о наличии организованной преступной группы либо преступного сообщества (организации). Вполне возможной является ситуация, когда организованные группы (имеющие каждая своего лидера, поскольку они являются организованными) тесно сотрудничают «на горизонтальном уровне», не подчиняясь конкретному руководителю.

Предлагается в обязательном порядке проверять всех участников совершения тяжких и особо тяжких групповых преступлений, в которых задействовано 5 и более лиц, на предмет наличия или отсутствия признаков преступного сообщества по следующей

схеме:

- 1) установить наличие или отсутствие признака структурированности;
- 2) при наличии признака структурированности установить преступную цель деятельности сообщества;
- 3) в случае наличия цели получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды установить наличие или отсутствие отношения руководителей и участников преступного формирования, а также самой преступной деятельности к юридическому лицу, на основании чего сделать вывод о признании (непризнании) формирования преступным сообществом или преступной организацией.

Привлекать участников преступного сообщества к уголовной ответственности необходимо вне зависимости от доказанности либо недоказанности их участия в совершении конкретных преступлений.

Также предлагается снизить минимальное наказание в виде лишения свободы для участников преступного сообщества или организации (часть 2) до 3-4 лет с возможностью назначения условного наказания при отсутствии признаков других преступных деяний. В настоящее время санкция части 2 ст. 210 УК РФ предполагает наказание в виде лишения свободы сроком от 7 до 10 лет. Данная мера предлагается в связи с тем, что роль и степень участия лица в деятельности преступного сообщества может разниться кардинально, об этом говорит и судебная практика. В настоящее время множество приговоров по ч. 2 ст. 210 УК РФ постановлено с наказанием наказания в виде лишения свободы ниже низшего предела, что по идее является исключительной мерой. Всего из 911 осужденных по ч. 2 ст. 210 УК РФ, решение в отношении которых не изменено судом вышестоящей инстанции, приговорен к наказаниям в виде лишения свободы ниже низшего предела (менее 7 лет) 771 человек, то есть 84,63%.

Применительно к статье 210 УК РФ (и, соответственно, 210.2 УК РФ) предлагается ввести понятия «Основная преступная деятельность преступного сообщества (преступной организации)» и «Сопутствующие преступления». Основная преступная деятельность – это тяжкие или особо тяжкие преступления (одно или несколько), направленные непосредственно на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды; сопутствующие деятельности преступного сообщества (преступной организации) преступления – это преступления, направленные на поддержание или обеспечение безопасной деятельности преступного сообщества (преступной организации), направленные, например, на конспирацию, уничтожение улик, фальсификацию доказательств и т.п.

В практическом применении от сопутствующих преступлений, в частности, могут зависеть методы и формы расследования, а также меры наказания.

В рамках описанных изменений ч. 4 ст. 210 УК РФ будет относится только к преступным сообществам. В настоящее время она практически не действует (за рассматриваемый период по данной части осуждено только одно лицо, оправдательных приговоров по ней не имеется). В то же время ст. 210.1 УК РФ, предполагающая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, является вполне рабочей. Доказать преступный статус лица оказалось проще, чем кроме преступного статуса доказать совершение им каких-либо действий, направленных непосредственно на осуществление преступных полномочий, которые предполагает этот статус. Для решения вопроса о целесообразности оставления в Уголовном кодексе одновременно ч. 4 ст. 210

и ст. 210.1 УК РФ, дублирующих друг друга как минимум в части специального субъекта, необходимо изучить практику применения статьи 210.1 УК РФ, что в настоящее время выходит за рамки проведенного исследования.

Библиография

1. Аджиев Н. Б. Специфика преступного сообщества в современной практике правоприменения // Международный научный журнал "Слово в науке". 2021. № 2. С. 43-48.
2. Рязанов Н. С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 1 (38).
3. Агапов П. В., Сальников Н. В., Кондратюк С. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49-55. EDN: YPBQHI
4. Якушева Т. В. "Предпринимательское" преступное сообщество: комментарий пункта 1 примечаний к статье 210 УК РФ и анализ судебно-следственной практики // Уголовное право. 2022. № 11. С. 67-77. DOI: 10.52390/20715870_2022_11_67 EDN: YSALDZ
5. Герасимова Е. В., Ченчиковский А. Д. Организованная преступность. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2 (95). С. 177-188. EDN: LKJWYG
6. Гура С. С. Вопросы разграничения преступных сообществ и преступных организаций, отраженных в Особенной части УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 2 (93). С. 93-99. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-293-93-99 EDN: BBWCLS
7. Берсенев А. А., Мирошниченко А. В. Особенности организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2. С. 226-231. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-2-226-231 EDN: HYOMCX
8. Гжелина Ж. И. Отграничение состава организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) от смежных составов преступлений // Государственная служба и кадры. 2024. № 4. С. 211-215. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-4-211-215 EDN: QRIGAL
9. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. 2022. № 2 (183). С. 34-45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045 EDN: RTSCEQ
10. Калмыкова А. Б. Отграничение организованной группы от преступного сообщества // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 122-126. EDN: MSWJVH
11. Гуров А. И. Организованная преступность в России. – М.: БЕК., 2001. – 154 с.
12. Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика: Учебное пособие для вузов / Под ред. д.п.н., д.ю.н., проф. В. Я. Кикотя; д.э.н., проф. Г. М. Казиахмедова. – М.: Норма, 2006. – 336 с. EDN: QQUIUT
13. Александрова А. С., Васильев Р. В. Проблема разграничения понятий "преступное сообщество" и "преступная организация" в российском уголовном законодательстве (статья 210 УК РФ) // Вопросы развития современной науки и техники. 2021. № 2. С. 127-131.
14. Благов Е. В. Преступное сообщество (преступная организация): проблемы понимания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4 (79). С. 68-72. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-11011 EDN: PEJSDT

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Статистическое исследование судебной практики по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации» для опубликования в журнале «Юридические исследования».

Предмет исследования. Статья посвящена анализу судебной практики по статье 210 УК РФ, которая регламентирует ответственность за создание и участие в преступном сообществе или организации. Автор исследует динамику применения данной статьи, выявляет проблемы правоприменения, анализирует статистику оправдательных и обвинительных приговоров, а также предлагает изменения для совершенствования уголовного законодательства.

Методология исследования. Исследование основано на применении метода статистического анализа (изучено 509 судебных решений за период с 2019 по 2024 год, охватывающих 1994 лица), сравнительном методе (сопоставлены данные до и после внесения изменений в статью 210 УК РФ), догматическом подходе (анализируются нормы уголовного права и их интерпретация судами), эмпирическом исследовании (использованы открытые данные судебных решений, что обеспечивает прозрачность и достоверность). Следует отметить, что автором проведена большая выборка данных, дана четкая структура анализа (по главам УК РФ, частям статьи 210 УК РФ). Вместе с тем, недостаточно подробно описаны критерии отбора судебных решений. Отсутствие результатов социологических исследований (например, интервью с судьями, государственными обвинителями или адвокатами) сказалось на более детальном изучении проблемы понимания причин высокой доли оправдательных приговоров.

Тема исследования является актуальной по следующим причинам. Высокий процент оправдательных приговоров (42,19%) указывает на проблемы в квалификации преступлений по статье 210 УК РФ. Неоднократные изменения в статье 210 УК РФ требуют анализа их эффективности. Статья затрагивает вопросы борьбы с организованной преступностью, что имеет значительное социальное и правовое значение.

Новизна исследования проявляется в систематизации судебной практики по статье 210 УК РФ за последние 5 лет; выявлении «проблемных» статей УК РФ (например, ст. 159, 171), которые часто приводят к оправдательным приговорам при совокупности со статьей 210 УК РФ; предложении конкретных изменений в уголовный закон, включая разделение статьи 210 на два состава: «преступное сообщество» и «преступная организация».

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Стиль научный, но доступный для читателя. Местами текст перегружен статистическими данными, что затрудняет восприятие. Структура текста представлена разделами: введение, описание исследования, результаты, выводы, что удобно для навигации по тексту. Теоретическая часть опирается на авторитетные источники. Практическая часть содержит детальный анализ судебных решений. Предложения по изменению законодательства аргументированы, но требуют дополнительной проработки (например, оценка возможных последствий предлагаемых изменений).

Список литературы включает современные научные исследования (2020–2024 гг.), судебную практику и нормативные акты, классические работы по борьбе с организованной преступности (например, Гуров А.И.). Автор учитывает мнения других исследователей (например, критику понятия «преступная организация» С.С. Гурой), но не всегда приводит контраргументы. Тем не менее, выводы, сделанные автором, заслуживают внимания и одобрения, как-то: ст. 210 УК РФ применяется неоднозначно,

что подтверждается высоким процентом оправдательных приговоров, наибольшие проблемы возникают при квалификации преступлений в сфере экономики и против собственности, предлагается разделить статью 210 на два состава и уточнить обязательные признаки преступного сообщества. Статья будет интересна ученым по специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки, практическим работникам (судьи, прокуроры, адвокаты), законодателю в части учета предложений при реформировании УК РФ.

Вывод: статья представляет значительную научную и практическую ценность. Она систематизирует судебную практику, выявляет проблемы и предлагает решения и может быть рекомендована к опубликованию.

Англоязычные метаданные

Criterion of non-compliance with a judicial act: a special limit for reviewing judicial acts based on newly discovered and new circumstances, or a temporary tool in the process of manually balancing the principle of legal certainty?

Baikova Svetlana Radikovna

Postgraduate student; Faculty of Law; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ bajkovasvetlana06@gmail.com

Abstract. The subject of this article is an analysis of the criterion of non-execution (not fulfilled or partially fulfilled) as a special limit on the review of judicial acts. The author describes the history of the emergence and development of the criterion of non-fulfillment in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and in legislation, provides critiques of the criterion found in literature, its transformation into a criterion for the reviewing a judicial act, and also raises questions about the future of the criterion of non-fulfillment in the system of judicial act review given its modernization. Additionally, based on the characteristic of the specificity of the criterion of non-fulfillment, the author puts forward a hypothesis about the special legal nature of a number of new circumstances (recognition of a norm/its interpretation as unconstitutional, determination or change of the practice of norm application, cancellation of a regulatory act in the course of administrative norm control). The research employs methods such as historical, systemic, axiological, formal-legal, functional, sociological methods, as well as analysis, synthesis, and modeling. The author concludes that despite the fact that the criterion of non-fulfillment is currently formally almost excluded from legal practice, fully abandoning it is premature. In the systematization of legislation on the review of judicial acts, this criterion may be taken into account (with appropriate refinement). The author hypothesizes that the legal nature of the circumstances to which the criterion of non-fulfillment may be applied falls outside the concept of new circumstances and indicates the need to distinguish them into a separate group of grounds for reviewing judicial acts. Considering that in legal reality there are still several situations to which the review mechanisms for newly discovered and new circumstances apply because procedural legislation lacks other tools for a court to review its own act, it is proposed to modernize the content of procedural codes in this part. The results of the work can be used for the development of procedural legislation and the formation of a more coherent view of the system for reviewing judicial acts (extra-institutional and institutional stages), as well as in the educational process when studying relevant disciplines.

Keywords: institutional review, extra-institutional review, annulment of a judicial act, miscarriage of justice, extraordinary appeal, judicial review, principle of legal certainty, new circumstances, newly discovered circumstances, criterion of non-execution

References (transliterated)

1. Baikova S.R. Rasshirenie sluchaev primeneniya instituta vnov' otkryvshikhsya i novykh obstoyatel'stv dlya zapolneniya probelov v zakonodatel'nom regulirovani: agoniya instituta ili illyustratsiya zakonomernogo razvitiya? // Pravo i politika. 2024. № 11. S.

- 11-40. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.11.72315 EDN: JJNVGZ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72315
2. Akhmedov S. M. Novye realii peresmotra vstupivshikh v zakonnuyu silu sudebnykh aktov po novym obstoyatel'stvam v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. № 3. S. 83-91. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.083-091 EDN: JVMXNT.
 3. Kaizer Yu. V. Chastichnaya otmena sudebnogo akta v poryadke peresmotra po vnov' otkryvshimsya ili novym obstoyatel'stvam v grazhdanskom protsesse // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2020. № 6. S. 45-48. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-45-48 EDN: OWMAEA.
 4. Il'in A. V. Obratnaya sila reshenii Konstitutsionnogo Suda i ispolnennost' sudebnykh aktov // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2019. № 2. S. 154-167. EDN: YUVOUH.
 5. Kal'yak A. M. Otdel'nye voprosy ispolneniya reshenii Konstitutsionnogo Suda RF v pravoprimeritel'noi praktike // Rossiiskaya yustitsiya. 2013. № 9. S. 36-38. EDN: RBJKYD.
 6. Ivanov A.A. Sed'maya instantsiya? // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF. 2017. № 4. S. 86-92.
 7. Sivitskii V. A. Nekotorye aspekyt znacheniya prinyatiya postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii dlya sudebnoi praktiki // Sud'ya. 2017. № 12. S. 47-54. EDN: XOWGLJ.
 8. Timofeev Yu.A. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossii skoi Federatsii kak osnovanie dlya peresmotra po novym obstoyatel'stvam // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2022. № 7. S. 46-48.

The concept of prevention of illegal migration: theoretical and legal analysis

Arutyunyan Alina Dzhivanovna

Postgraduate student; Department of Constitutional and Administrative Law ; Kuban State University

Stavropol str., 149, Krasnodar Territory, 350040, Russia

 alina-arut@yandex.ru

Abstract. The paper presents a theoretical and legal analysis of the definition of prevention of illegal migration. The author of the paper notes that at present there is both scientific and legal uncertainty in understanding the term. The relevance of the topic is confirmed by the fact that at the current stage of development of administrative law there are grounds for distinguishing migration law as an independent branch of law. In turn, prevention of illegal migration can be considered as an institute of the said branch. The study of various monographic works showed that scientists focus on the prevention of illegal migration in the context of criminology. At the same time, there are no relevant and comprehensive works devoted to the meaning of the term. The lack of a unified interpretation of prevention of illegal migration negatively affects the planning and implementation of comprehensive measures in the migration sphere. Based on the results of the study, the author makes a number of conclusions. In particular, it was established that the problem of defining prevention of illegal migration is determined by a number of circumstances: a) the lack of a legal understanding of this term; b) the existence of a dispute about the allocation of the

designated term as an institute of migration law; c) different approaches of the legislator, law enforcement officer, and the scientific community to the definition of terms related to prevention activities; d) the absence of systematized migration legislation. Generalization of legislative approaches to the prevention of offenses and crimes, finding the semantic meaning, as well as accumulation of some approaches to the definition of the term under study allowed to develop its author's understanding. Thus, prevention of illegal migration is a set of measures of social, legal, organizational, informational and other nature aimed at identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to illegal movement across the border and the presence of migrants on the territory of the state.

Keywords: illegal immigration, migration legal relations, migration, deterrence of migration, migration law, warning, prevention, illegal migration, migration legislation, migrant

References (transliterated)

1. Andrichenko L.V., Plyugina I.V. Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneniya: monografiya. M.: Izdatel'stvo, 2019. EDN: ZDSLUL.
2. Umnova-Konyukhova I.A. Migratsionnoe pravo kak otrasm' sovremennoogo prava: osobennosti stanovleniya i razvitiya // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. 2023. № 2. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.02.01 EDN: GAEJLS.
3. Zherebtsov A.N. Institut profilaktiki nezakonnii migratsii: perspektivy stanovleniya i razvitiya na sovremennom etape realizatsii kontseptsii gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossii // Obshchestvo i pravo. 2022. № 1 (79).
4. Voronina N.A. O kodifikatsii migratsionnogo zakonodatel'stva // Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava. 2018. № 3. EDN: YBOFRZ.
5. Kulesh E.A., Simakina I.A. Problemy kodifikatsii migratsionnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1 (36).
6. Mikhailova E.V. Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki // Teoriya i praktika prioritetnykh nauchnykh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov po materialam XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Smolensk, 17 fevralya 2020 goda. Smolensk: Izdatel'stvo, 2020. EDN: EFZTTP.
7. Zherebtsov A.N., Malyshev E.A. Migratsionnoe pravo v sisteme administrativnogo prava Rossiiskoi Federatsii: mesto i znachenie // Juridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 4. DOI: 10.31429/20785836-12-4-81-90 EDN: HTCNNT.
8. Oreshina N.I. Administrativno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya nezakonnii migratsii v zarubezhnykh stranakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Izdatel'stvo, 2010. EDN: QHHMHP.
9. Akhmedov M.N. Protivodeistvie nelegal'noi migratsii: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Izdatel'stvo, 2016. EDN: ZPYEDX.
10. Baiburina E.R. Organizatsiya nezakonnii migratsii: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk: Izdatel'stvo, 2010. EDN: ZOCUCL.
11. Buchakov S.A. Nezakonnaya vneshnyaya migratsiya v Rossii: kriminologicheskaya obstanovka i politika protivodeistviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk:

- Izdatel'stvo, 2019. EDN: ISTGNR.
12. Kuz'menko Yu.A. Nelegal'naya trudovaya migratsiya kak ob'ekt kriminologicheskogo izucheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D: Izdatel'stvo, 2006. EDN: NKBKJ.
 13. Mikhailov A.E. K voprosu o pravovom regulirovaniyu termina "protivodeistvie nezakonnym migratsii" // Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv-uchastnikov SNG: Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 25 oktyabrya 2019 goda. SPb.: Izdatel'stvo, 2020. EDN: UYBADY.
 14. Puchkov V.O. Ponyatiya v pravovoi nauke: metodologicheskie voprosy sushchnosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2021. № 2 (29).
 15. Kozhukhovskii E.S. Ponyatiya i sootnoshenie kategorii "profilaktika" i "preduprezhdenie" // Altaiskii yuridicheskii vestnik. 2020. № 3 (31).
 16. Bel'skii V.S., Vishnevskaya T.I. Ponyatie preduprezhdeniya prestupnosti // Pravovaya kul'tura v sovremenном obshchestve: sbornik nauchnykh statei, Mogilev, 20 maya 2022 goda. Mogilev: Izdatel'stvo, 2022. EDN: QUHOTZ.
 17. Andreitso S.Yu., Bulatov R.B. O nekotorykh problemakh zashchity konstitutsionnykh prav i svobod inostrannykh grazhdan v sovremennoi Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 8. EDN: XZYBSX.
 18. Medvedeva M.O. Ponyatie, sushchnost' i vidy migratsii // Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya. 2017. № 1 (4).
 19. Filippova E.O. Migratsionnaya prestupnost': ponyatie, dinamika // Migratsionnoe pravo. 2024. № 4. DOI: 10.18572/2071-1182-2024-4-31-34 EDN: HLEUTQ.
 20. Magerramov M.A. Nelegal'naya migratsiya: ponyatie, obshchestvennaya opasnost', ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodeistvie: po materialam Rossii i Azerbaidzhana: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Izdatel'stvo, 2008. EDN: ZNUPFV.
 21. Plotnikova T.V., Kharin V.V. Nezakonnaya migratsiya: pravovye aspekty i nekotorye puti resheniya // Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovnogo protsessa i ugolovno-ispolnitel'nogo prava: teoriya i praktika: materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tambov, 23-24 aprelya 2020 goda. Tambov: Izdatel'stvo, 2020. EDN: TYSIOY.
 22. Potapenkova I.V., Yarmonova E.N. K voprosu o profilaktike pravonarushenii v sfere migratsii kak sredstva bor'by s nezakonnymi migratsiei // Politsiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodeistviya. 2020. № 2. EDN: HBRWPO.
 23. Struchkov Yu.N. Otdel'nye aspekty administrativno-pravovogo prinuzhdeniya v sfere migratsii kak metoda obespecheniya pravoporyadka // Migratsionnoe pravo. 2025. № 1. DOI: 10.18572/2071-1182-2025-1-42-44 EDN: LAAURO.
 24. Malakhova I.V. Administrativno-pravovoe protivodeistvie nezakonnym migratsii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii ad'yunktov, aspirantov, soiskatelei, kursantov i studentov, Ryazan', 25 marta 2022 goda. Ryazan': Izdatel'stvo, 2022.
 25. Kozlov V.F., Luk'yanov A.S. Konsolidatsiya natsional'nogo zakonodatel'stva v sfere protivodeistviya nezakonnym migratsii // Rossiiskaya yustitsiya. 2015. № 3. EDN: TLUGOT.
 26. Doroshenko O.M. Aktual'nye voprosy deyatel'nosti migratsionnoi sluzhby po soblyudeniyu pravil migratsionnogo ucheta inostrannykh nesovershennoletnikh grazhdan // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravookhranitel'noi deyatel'nosti: teoriya i praktika: Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi

konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Viktora Vasil'evicha Denisenko. 2016. EDN: VXRQIT.

The French «Technology Transfer Acceleration Companies» (Legal Aspects)

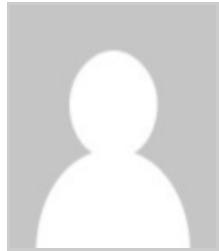
Chetverikov Artem Olegovich

Doctor of Law

Professor; Department of Integration and European Law; Federal State Autonomous Educational Institution 'Kutafin Moscow State Law University (MSAL)'

123001, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9

 rossija-artem@rambler.ru

Abstract. The article explores the legal status of «Technology Transfer Acceleration Companies (TTAC)», a public-scientific partnership transfer invented in France, which enables two or more universities, research institutes, etc., with the participation and financial support of public authorities, to transform jointly the outcomes of their research into new technologies and innovative products with the aim of marketing. Philosophical and general scientific methods in conjunction with specific methodology of modern jurisprudence and other social sciences (induction and deduction, analysis and synthesis; historical-legal, comparative-legal methods; empirical analysis, method of processing economic and statistical information, etc.). The article is the first in Russia comprehensive legal study of TTAC against the background of worldwide experience in the legal regulation of technology transfer from the scientific sector to business environment. The article demonstrates the importance, complexity and ambiguity of the technology transfer, including legal understanding of this phenomenon in various legal systems as well as at the international level. With respect to French law, the article delineates the meanings of «technology transfer» and of the broader legal concept «valorization» (of scientific research and its results). The author establishes, that in France which resembles Russia by its adherence to the statist (presuming an active role of public authorities) approaches in both scientific and economic policies, the creation of the TTAC can be explained by the aspiration of the French authorities to reorganize technology transfer on common footing, albeit with the help of non-command and administrative levers, but financial incentives (governmental grants in favor of TTAC). The article identifies the fundamental sources and principles governing the TTAC, their achievements and problems. In practical aspect, the authors puts forward a proposal to create the similar common transfer vehicles in Russian, initially as part of a legal experimentation.

Keywords: Professional Technical Centre, Public Investment Bank, National Research Agency, Research Code, France, TTAC, statism, Research & Development, valorization, technology transfer

References (transliterated)

1. Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
2. Politicheskaya ekonomiya: Uchebnik dlya vuzov / Medvedev V. A., Abalkin L. I., Ozherel'ev O. I. i dr. M.: Politizdat, 1988. – 735 s.
3. Pott A. Valorisation de la recherche publique, nature des impacts et contribution des offices de transfert. Education. Thèse de doctorat de Sciences Economiques. Université de Strasbourg, 2022. – 347 p. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data

- obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
4. WIPO [World Intellectual Property Organization]. Knowledge and Technology Transfer: Supporting the life cycle of technology, from inception to market diffusion and commercialization. What is Knowledge and Technology Transfer? [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
 5. Federal Technology Transfer Act of 1986 – An Act to amend the Stevenson-Wydler Technology Innovation Act of 1980 to promote technology transfer by authorizing Government-operated laboratories to enter into cooperative research agreements and by establishing a Federal Laboratory Consortium for Technology Transfer within the National Bureau of Standards, and for other purposes. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
 6. Philippine Technology Transfer Act of 2009 – An Act Providing the Framework and Support System for the Ownership, Management, Use, and Commercialization of Intellectual Property Generated from Research and Development Funded by Government and for Other Purposes. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
 7. Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
 8. Real Decreto 984/2022, de 22 de noviembre, por el que se establecen las Oficinas de Transferencia de Conocimiento y se crea su Registro. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
 9. Oumohand O. Les structures intermédiaires entre les laboratoires de recherche publique et les entreprises. Thèse de doctorat d'Université Paris-Est. Champ disciplinaire: Sciences de gestion. Université Paris-Est, 2020. – 401 p. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
 10. Kozlova E. B. Defekty pravovogo regulirovaniya dogovornykh otnoshenii v sfere transfera // Tsivilist. 2024. № 4. – S. 44-53. – [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.). EDN: MEPCVO
 11. Latyntsev A. V. Predlozheniya po opredeleniyu termina "Transfer tekhnologii" // Zhurnal rossiiskogo prava. 2017. № 4 (244). – S. 62-69. DOI: 10.12737/article_58e39ece836e75.34264006. EDN: YJVQGN
 12. Rybkina E. A., Khairullin R. N. Transfer tekhnologii v Rossii i za rubezhom // Innovatsii. 2018. № 9 (239). – S. 45-52. EDN: YSJNUL
 13. Salitskaya E. A. Pravovoi status gosudarstvennykh vuzov i nauchnykh organizatsii v kontekste transfera tekhnologii // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie. 2017. № 2 (12). – S. 71-89. EDN: YSTPIP
 14. Sotnikov A. A., Ershova I. G. Ugrozy i faktory realizatsii transfera tekhnologii v natsional'noi innovatsionnoi sisteme // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2024. № 4 (54). – S. 238-240. EDN: LGRFBK
 15. Transfer tekhnologii v innovatsionnoi ekonomike: uchebnik dlya vuzov / A. Yu. Anisimov [i dr.]; pod obshchey redaktsiei A. Yu. Anisimova, O. A. Pyataevoi. M.: Yurait, 2024. – 251 s. EDN: FJGAXY
 16. Transfer tekhnologii v innovatsionnoi ekonomike: uchebnik dlya vuzov / A. Yu. Anisimov [i dr.]; pod obshchey redaktsiei A. Yu. Anisimova, O. A. Pyataevoi. M.: Yurait, 2024. – 251 s. EDN: FJGAXY
 17. Code de la recherche. Livre V: La valorisation des résultats de la recherche et le transfert de technologie en direction du monde économique et des associations et fondations, reconnues d'utilité publique. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: ; (data

- obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
18. Cour des comptes. Les outils du programme d'investissements d'avenir (PIA) consacrés à la valorisation de la recherche publique: Une forte ambition stratégique, des réalisations en retrait. Rapport public thématique. Mars 2018. – 226 p. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 19. Politika v oblasti intellektual'noi sobstvennosti dlya universitetov i nauchno-issledovatel'skikh organizatsii. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: ; (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 20. Terebova S. V., Volkova S. A. Printsipy i praktika funktsionirovaniya zarubezhnykh tsentrov transfera tekhnologii // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognozy. 2011. № 1 (13). – S. 101-107. EDN: NDVNUJ
 21. Réseau SATT. Les SATT parmi les meilleurs Organismes de transfert de technologies internationaux. Communiqué de presse. 4 février 2025. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 22. Sekacheva A. Teoreticheskie podkhody k formirovaniyu vnesheekonomiceskoi politiki Frantsii na sovremennom etape ee razvitiya // Mezhdunarodnaya zhizn'. 11.02.2023. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 23. Benninghoff M., Ramuz R. Les transformations des systèmes de recherche publique suisse et français // Politiques et management public. 2022. Vol. 20. № 1. – P. 31-47. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 24. CTI Réseau: La force d'un réseau. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 25. Gorry Ph., Haunold Ch. Dispositifs mutualisés de transfert de technologies et de valorisation de la recherche: exemple et bilan. Séminaire Ressources technologiques et innovation. Séance du 27 avril 2011. – 12 p. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 26. Investir pour l'avenir: Priorités stratégiques d'investissement et emprunt national. 19 novembre 2009. P. 70. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 27. Secrétariat général pour l'investissement (SGPI): Le Programme d'investissements d'avenir. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 28. Investissements d'avenir, convention Etat-ANR Action: "valorisation – Fonds national de valorisation". 29 juillet 2010. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 29. Convention du 19 août 2019 (portant avenant n° 7 à la convention du 29 juillet 2010) entre l'Etat et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action: "Valorisation – Fonds national de valorisation"). [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 30. Convention du 4 mars 2020 portant avenant n° 1 à la convention du 19 août 2019 entre l'Etat et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action : "Valorisation – Fonds national de valorisation"). [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 31. Avenant n° 1 du 17 octobre 2023 à la convention du 4 mars 2020 portant avenant n° 1 à la convention du 19 août 2019 entre l'Etat et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action "Valorisation – Fonds national de valorisation"). [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 g.).
 32. Convention du 19 août 2019 entre l'Etat, l'EPIC Bpifrance, Bpifrance [Financement SA]

et l'Agence nationale de la recherche relative au programme d'investissements d'avenir (action: "Valorisation-Fonds national de valorisation relative au Fonds d'investissement dans les SATT"). [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).

33. Arrêté du 10 février 2021 relatif à l'approbation du cahier des charges de l'appel à projets "Accélération des SATT". [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
34. Agence nationale de recherche. Investissement d'avenir. Action: Fonds national de valorisation. Volet: Acceleration. Cahier des charges de l'Appel à Projets. Date de lancement: 22 février 2021. Date de clôture: 15 septembre 2021 – 12h. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
35. Sénat. Rapport d'information fait au nom de la commission des finances sur les sociétés d'accélération du transfert de technologies (SATT). Enregistré à la Présidence le 26 juillet 2017. № 683. – 134 p. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
36. Loi de programmation pluriannuelle de la recherche. Groupe de travail 3 Recherche partenariale et innovation. Rapport. 23.09.2019. P. 15. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
37. Code général des collectivités territoriales [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
38. Développement d'une méthode d'étude de l'impact des 14 SATT: Rapport final. Technopolis Group. Octobre 2020. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
39. SATT AxLR Occitanie. Rapport d'activités 2023. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
40. Vidal D. Droit des sociétés. Paris: LGDJ, 2003. – 674 p.
41. Loi n° 75-1334 du 31 décembre 1975 relative à la sous-traitance. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
42. SATT Paris Saclay. Statuts. Mis à jour le 8 juillet 2022 // Registre du commerce et des sociétés. RCS: EVRY. Kod gresh: 7801. Nomer sektsii: 2014 B 02633. Nomer SIREN: 853 858 430. Imya delegata: SATT Paris Saclay. Nomer depozita: 13327. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
43. AxLR, SATT Occitanie Méditerranée. Procès-verbal des décisions du président du 16 fevrier 2022 // Registre du commerce i des sociétés. Aktov kompanii (A). Nomer upravleniya: 2012 B 02548. Nomer SIREN: 753 642 248. Nazvanie ili naimenovanie: SATT Occitanie Méditerranée. Zaregistrirовано 04/03/2022 pod nomerom 4281. S. 2. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
44. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).
45. Annonce № 1596. Département de Paris. Déclaration à la préfecture de police. Association des SATT // Annexe au Journal officiel de la République française. № 24. 14 juin 2014.
46. Les évolutions et défis du Réseau SATT par Xavier Apolinarski. 23.10.2024. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 08.04.2025 г.).

The dynamics of the material legal relationship at the terminal stage

Kalis Mariia Nikolaevna

Senior Lecturer; Department of Civil and Corporate Law; St. Petersburg State University of Economics

6-8 7th Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, 190005, Russia

 law.kalismaria@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the terminal stage of the material legal relationship—a specific period between one party's expression of will to terminate the legal relationship and its actual legal termination. The author, taking into account the established scientific approaches to the concept of the dynamics of legal relationships, believes that this stage holds independent significance, both in terms of legal content and legal consequences. The study examines cases where the termination of the legal relationship occurs as a result of a complex legal composition, including the expression of will by one party, actions of the court, and the behavior of the counterparty. The relevance of the topic is due to the lack of a uniform approach to defining the moment of termination of the legal relationship and the uncertainty of the legal status of the parties' actions at the terminal stage. Dialectical, formal-legal, systemic, and comparative-legal methods were used. The method of legal modeling and analysis of judicial practice is applied. The scientific novelty of the research lies in the introduction of the concept of the terminal stage of the legal relationship as an independent stage of its dynamics. It is substantiated that the termination of the legal relationship can have a complex internal structure and be retrospective in its consequences. A classification of terminal stages by forms of termination, grounds, and nature of legal effects is proposed. The main conclusions drawn from the research results are: 1) In the non-jurisdictional form of the terminal stage, the choice of whether the legal relationship will be terminated prospectively or retrospectively depends on the agreement of the parties. 2) In the jurisdictional form of the terminal stage, retrospective termination of legal relationships is possible only in cases where the appeal to the jurisdictional body is associated with a dispute over rights and is not mandatory by law. When determining the moment of termination, it should be taken into account when other circumstances necessary for the termination of the legal relationship occurred and when the will for such termination was communicated to the counterparty, as well as when the regulatory legal relationship continued to be exercised. 3) The "healing" of the legal relationship at the terminal stage—termination of the protective legal relationship and preservation of the regulatory one—is possible by the will of both parties or at the initiative of the person who announced such termination (for example, by way of withdrawal of the claim). Elimination of violations that led to the transition to the terminal stage does not entail such "healing."

Keywords: juridical facts, transformative action, terminal stage of legal relations, retrospective dissolution, dissolution of marriage, protective legal relations, dissolution of contract, stages of legal relations, termination of legal relations, dynamics of legal relations

References (transliterated)

1. Popondopulo V. F. Dinamika obyazatel'stvennogo pravootnosheniya i grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' / V. F. Popondopulo. – Vladivostok : Dal'nevostochnyi un-t, 1985. – 112 s. EDN: XPCAFN.
2. Luneva E. V. Statika i dinamika veshchnykh pravootnoshenii: novyi vzglyad na problemu / E. V. Luneva // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii. – 2016. – T. 3, № 1 (6). – S. 190-194. EDN: UUQJKH.

3. Mashukov R. A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu kategorii "dvizhenie grazhdanskogo pravootnosheniya" / R. A. Mashukov // Problemy prava: teoriya i praktika. – 2020. – № 49. – S. 168-180. EDN: PVKIZR.
4. Gryada E. A. Osnovnye priznaki yuridicheskogo fakta kak osnovaniya dinamiki veshchnogo pravootnosheniya / E. A. Gryada // Vlast' Zakona. – 2013. – № 3 (15). – S. 65-71. EDN: RRSTDP.
5. Alekseev S. S. Sobranie sochinenii : v 10 t. [+ Spravoch. tom]. T. 1 : Grazhdanskoe pravo : sochineniya 1958–1970 godov. – M. : Statut, 2010. – 496 s.
6. Frolov A. I. Osnovaniya transformatsii reguliyativnogo obyazatel'stva v okhranitel'noe obyazatel'stvo pri nevozmozhnosti ego ispolneniya / A. I. Frolov // Yuridicheskii mir. – 2017. – № 1. – S. 54-58. EDN: XVMTCR.
7. Khalfina R. O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii / In-t gosudarstva i prava AN SSSR. – M. : Yurid. lit., 1974. – 351 s.
8. Discharge vs termination of contract: what's the difference? [Elektronnyi resurs] // Juro. – URL: <https://juro.com/learn/contract-discharge-vs-termination> (data obrashcheniya: 22.04.2025).
9. Shalegin S. P. Retrospektivnoe izmenenie ili rastorzenie dogovora: analiz zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noi praktiki / S. P. Shalegin, E. A. Shelepina // Rossiiskii nauchnyi vestnik. – 2024. – № 10 – S. 55-59. EDN: DUVXYC.
10. Yurchenko O. Yu. Smert' kak yuridicheskii fakt v grazhdanskom prave Rossii / O. Yu. Yurchenko // Notarius. – 2012. – № 3. – S. 11-15. EDN: PICZMH.

Protection of Lawful (Legitimate) Expectations as a Key Aspect of the Principle of Maintaining Public Trust in the Law and Government Actions: Foreign and Russian Approaches

Khokhlova Alina Dmitrievna

Assistant Lecturer at the Department of Public Policy and History of State and Law of the Law Institute of the Federal State Autonomous Institution of Higher Education 'Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia'

Postgraduate student at the Department of Constitutional Law and Constitutional Proceedings of the P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ khokhlova_ad@pfur.ru

Abstract. The relevance of studying the principle of maintaining citizens' trust in the law and government actions stems from its pivotal role in ensuring the stability of legal systems and the legitimacy of state governance. The contradictions between, on the one hand, the principle of trust in governmental actions – demanding legal certainty and stability – and, on the other hand, the flexibility of state administration highlight the necessity for a systemic analysis of mechanisms implementing this principle. The study aims to identify theoretical and practical aspects of protecting legitimate (lawful) expectations as an element of the principle of trust in governmental actions within the framework of comparative jurisprudence, as well as to determine its place in the Russian legal system through the synthesis of foreign experience and national law enforcement trends. The methodological foundation includes a comparative legal analysis of foreign doctrines and Russian practices, a historical-legal method for reconstructing the evolution of the principle, and a formal-legal analysis of regulatory acts and rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. The scientific novelty lies in the systemic examination of the interplay between legitimate expectations and institutions of procedural fairness and legal certainty across jurisdictions, as well as the synthesis of foreign

concepts (e.g., the German principle of Vertrauensschutz, French sécurité juridique, and Anglo-American legitimate expectations) with Russian law enforcement approaches. The study proposes a classification of the grounds for legitimate expectations (individual assurances, established practices, regulatory acts). Research results revealed differences in the doctrine's interpretation across legal systems: procedural protection in the UK, compensatory models in France, constitutional trust principles in Germany, and public interest prioritization in Canada and Australia. The Russian principle of maintaining trust in the law and governmental actions distinguishes between "lawful" and "legitimate" expectations and is implemented through legislative and enforcement dimensions. A critical analysis identified contradictions and challenges in practical implementation, leading to the formulation of development trends: unification of criteria for evaluating expectations, including clear definitions of their legal validity and protection mechanisms.

Keywords: procedural fairness, legal certainty, comparative legal analysis, rule of law, Constitutional Court of the Russian Federation, legal stability, legitimate expectations, lawful expectations, principle of maintaining public trust, balance of interests

References (transliterated)

1. Usher J. The Influence of National Concepts on Decisions of the European Court // European Law Review. 1976. N 28. P. 363.
2. Watson J. Clarity and Ambiguity: A New Approach to the Test of Legitimacy in the Law of Legitimate Expectations // Legal Studies. 2010. N 30 (4). Pp. 633-652. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2010.00177.x.
3. Ahmed F., Perry A. The Coherence of the Doctrine of Legitimate Expectations // Cambridge Law Journal. 2014. N 73 (1). Pp. 61-85. DOI: 10.1017/S0008197314000026.
4. Barbuk A. Zashchita zakonnykh ozhidanii i pryamoe primenenie mezhdunarodnogo prava // Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii. 2002. N 3. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2002-3/2002-3-barbuk> (data obrashcheniya: 02.04.2025).
5. Craig P. Administrative Law (7th edn) // Sweet and Maxwell. 2012. Pp. 679-680.
6. Tate P. The coherence of "Legitimate Expectations" and the Foundation of Natural Justice // Monash University Law Review. 1988. V. 14. P. 68.
7. Forestini R. Les accords avec l'administration fiscale, in Dossiers du Journal des Tribunaux, num. n°40 // Bruxelles: Larcier Group. 2003. P. 154.
8. Brown C. The Protection of Legitimate Expectations As A 'General Principle of Law': Some Preliminary Thoughts // Transnational Dispute Management. 2009. N 1. URL: www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=1303 (data obrashcheniya: 04.05.2025).
9. Forsyth C.F. The Provenance and Protection of Legitimate Expectations // The Cambridge Law Journal. 1988. V. 47. N 2. Pp. 238-260. DOI: 10.1017/S000819730011801X.
10. Groves M. N. Substantive Legitimate Expectations in Australian Administrative Law // Melbourne University Law Review. 2008. V. 32. N 2. Pp. 470-523.
11. Varuhas J. N. In Search of a Doctrine: Mapping the Law of Legitimate Expectations in "Legitimate Expectations in the Common Law World" (1 ed.) by Groves M.; Weeks G. // Oxford UK: Hart Publishing. 2017. P. 368.
12. Informatsiya Konstitutsionnogo Suda RF "Metodologicheskie aspekty konstitutsionnogo kontrolya (k 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii)" (odobreno

- resheniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.10.2021) // SPS "Konsul'tantPlyus" (data obrashcheniya: 04.05.2025).
13. Andryushin S. V. Primenenie printsipa podderzhaniya doveriya grazhdan k zakonu i deistviyam gosudarstva pri razreshenii nalogovykh sporov // Nalogoved. 2019. N 2. URL: <https://e.nalogoved.ru/706902> (data obrashcheniya: 01.05.2025). EDN: YWAHWX.
 14. Makarenko D. G. Printsip doveriya kak determinanta effektivnogo pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii: pravovoe obespechenie // Monitoring pravoprimeneniya. 2017. N 4(25). S. 15-22. EDN: XRWKTZ.
 15. Afanas'ev D. V. Nyuansy zashchity imushchestva yuridicheskikh lits v Evropeiskom sude po pravam cheloveka // Khozyaistvo i pravo. 2011. N 6. S. 28-39. EDN: UNYVOR.
 16. Chernovol K. A. Kontseptsiya pravomernykh ozhidanii: evropeiskii i rossiiskii opyt // Pravovedenie. 2019. T. 63. N 1. S. 181-191. DOI: 10.21638/spbu25.2019.110. EDN: OJMDJC.
 17. Zor'kin V. D. Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii // Moskva: Norma, INFRA-M. 2011. 719 s. ISBN 978-5-91768-221-1 (Norma), 978-5-16-005138-3 (INFRA-M). EDN: SDQRMD.
 18. Arapov N. A. Printsip podderzhaniya doveriya k zakonu i deistviyam gosudarstva v rossiiskom konstitutsionnom prave i pravosudii: dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.02. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet". Sankt-Peterburg. 2015. 277 s. EDN: XWTCFN.

Criminalistic characteristics of the embezzlement of budget funds intended for the implementation of the national project "Demography"

Guselnikova Olga Vladimirovna

Postgraduate student; Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training and Organization of Research Work; Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

12 Vrubel St., Sokol district, Moscow, 125080, Russia

✉ olya.gold25@mail.ru

Abstract. The article discusses the content of the forensic characteristic of the embezzlement of budget funds allocated for the implementation of the national project "Demography," for which liability is provided under Articles 159–159.6, 285, 286, 290, and 293 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the article's topic is determined by the high social danger of embezzlements of budget funds allocated by the state for the implementation of the national project "Demography." Despite the measures taken to counter these crimes, their number remains significant, and the amount of damage is counted in billions of rubles. This indicates the need for further improvement of methods for investigating embezzlements of budget funds, as the basis of such methods is the forensic characteristics of the crimes, which define the directions for developing recommendations on the collection, verification, and evaluation of evidence in the investigated case. For the study, an analysis of investigative and judicial practices was conducted; typical schemes of embezzlement were examined, based on 216 criminal cases involving embezzlement of budget funds allocated for the implementation of the national project "Demography," which were considered by courts in various regions of Russia from 2021 to 2024. The author of this article used a universal

dialectical method, summarized the facts of embezzlement, applied a logical research method to present the material, provide recommendations, and draw final conclusions, as well as a systematic-structural and formal-legal method of researching embezzlement facts, which contributed to the organization of law enforcement practices and uniformity in the application of laws, utilizing available research mechanisms. The scientific novelty of the research is determined by the study of the forensic characteristics specific to the embezzlement of budget funds intended for the implementation of the national project "Demography." As a result of studying judicial and investigative practices, it can be concluded that, under modern conditions, the methods of committing embezzlements of budget funds intended for national projects are quite diverse. The most common methods of embezzlement of budget funds include submitting false documents to state (municipal) bodies to receive benefits (subsidies), as well as providing false information about completed work during the execution of state (municipal) contracts. Currently, there is a need to improve the quality of disclosure and investigation of embezzlements of budget funds intended for the implementation of the national project "Demography," in order to determine the reasons for their commission and for subsequent prevention.

Keywords: national project, national project Demography, state property, methods of embezzlement, official crime, fraud, economic crime, embezzlement of budget funds, budget funds, Forensic characteristics

References (transliterated)

1. Bezbogin A.K. Organizatsiya pervonachal'nogo etapa rassledovaniya khishchenii v stroitel'stve: dis. ...kand. yurid. nauk. – K., 2020. – 169 s.
2. Beletskaya Yu.V. Osnovnye elementy kriminalisticheskoi kharakteristiki moshennichestva pri poluchenii sotsial'nykh vyplat v vide posobii i subsidii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 2(64). – S. 65-70. EDN: BYQDXD
3. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki / R.S. Belkin. – Moskva: Zakon i pravo, 2001. – 867 s.
4. Bessonov A.A. Sposob prestupleniya kak element ego kriminalisticheskoi kharakteristiki // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2014. – № 4. – S. 171-173. EDN: SMYPFZ
5. Garmaev Yu.P. Osnovy kriminalisticheskoi kharakteristiki korruptsionnykh prestuplenii: obnovlennyi metodologicheskii podkhod / Yu.P. Garmaev // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2. – S. 174-183. DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10042. EDN: XXPFGP
6. Garmaev Yu.P. Prioritety gosudarstvennoi politiki v kontekste razrabotki i modernizatsii kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 1(54). – S. 101-108. EDN: VVNYFL
7. Garmaev Yu.P. Effektivnost' rassledovaniya prestuplenii v kontekste prioritetov gosudarstvennoi politiki // Ugolovno-pravovye, ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy bor'by s prestupnost'yu: Sbornik statei po materialam VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 23 noyabrya 2023 goda. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet im. I.T. Trubilina, 2024. – S. 288-295. EDN: GZCISZ
8. Glukhov V.G. O klassifikatsii sposobov khishchenii v sfere zdravookhraneniya / V.G. Glukhov // Kriminalisticheskie chteniya na Baikale-2024: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 14-15 iyunya 2024 goda. – Irkutsk:

- Baikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2024. – S. 325-334. EDN: MFCKZF
9. Gribunov O.P. K voprosu o problemakh raskrytiya i rassledovaniya korystno-nasil'stvennykh prestuplenii na pervonachal'nom etape rassledovaniya // V sbornike: Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. Sbornik nauchnykh trudov. – 2014. – S. 31-35. EDN: TXAWYV
10. Khlus A. M. Problemnye aspekty i tendentsii kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii / A. M. Khlus // Kontseptual'nye osnovy sovremennoi kriminalistiki: teoriya i praktika : materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 50-letiyu so dnya obrazovaniya kafedry kriminalistiki yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 13 aprelya 2023 goda. – Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2023. – S. 301-309. EDN: HRXAPB
11. Khomenko A. N. K voprosu o ponyatii i priznakakh khishcheniya / A.N. Khomenko // Evraziiskaya integratsiya: sovremennye trendy i perspektivnye napravleniya. – 2023. – № 6. – S. 75-82. DOI: 10.24412/cl-37031-2023-2-94-104 EDN: NTFPZX
12. Shrub M. P. Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestuplenii: sushchnost', znachenie, sovremennye podkhody / M. P. Shrub // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy. – 2024. – № 1(55). – S. 71-80. EDN: CFAYDN

Participation of a specialist in the investigation of electronic evidence during judicial proceedings

Turshin Andrei Ivanovich □

Postgraduate student; Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya; Russian State University of Justice

152850, Russia, Yaroslavl region, Poshekhone, Sogozhi river embankment, 2, sq. 9

✉ antursh@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the specialist's participation in the examination of electronic evidence at the trial stage of criminal cases. The purpose of the work is to define the role of the specialist as a subject possessing special knowledge and to identify areas of their activity that contribute to ensuring the completeness and reliability of the examination of electronic information at the judicial stages of criminal proceedings. The subject of this work is the legal status and practical aspects of the specialist's participation in the examination of electronic evidence in criminal proceedings. The object of the study is the criminal procedural legal relations arising in connection with the participation of the specialist in the examination of electronic evidence at the trial stage. Within the framework of the study, an analysis of the current criminal procedural legislation is conducted, and proposals aimed at improving legal regulation are formulated. The article employs general scientific dialectical methods of cognition, a formal legal method for analyzing the norms of criminal procedural legislation regarding the participation of specialists in criminal proceedings, as well as evidence and proof. Logical methods (induction, deduction, analysis, and synthesis) are applied to generalize scientific recommendations and law enforcement practices related to the topic of the work. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the procedural status of the specialist as a person assisting the court and the parties during the examination of electronic evidence. The article discusses the functions of the specialist, which are explicitly provided for by criminal procedural legislation, and reveals the peculiarities of their implementation in the context of working with electronic information. The main conclusion of the conducted research is the identification of new forms of the specialist's

participation, which are determined by the specifics of electronic evidence and have not received normative consolidation but are promising in terms of the development of criminal proceedings in the context of digitalization. These include copying and fixing the properties of copied electronic data, identifying signs of their falsification (such as "deepfakes"), as well as eliminating technical malfunctions that hinder the proper examination of electronic evidence in court. The proposed functions of the specialist could help reduce the risks of loss or distortion of electronic evidence and ensure the compliance of procedural rights of participants to present and examine evidence. The implementation of these forms of the specialist's participation is possible through amendments to Article 58 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation aimed at expanding the list of their procedural functions.

Keywords: digitalization of criminal procedure, evidence falsification, data copying, electronic information, special knowledge, trial, criminal procedure, specialist, electronic evidence, information technology

References (transliterated)

1. Bondarenko L.K. Osnovnye priznaki dvoistvennosti polozheniya spetsialista v ugolovnom sudoproizvodstve // Lex Russica. 2021. № 10 (179). S. 59-74. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.059-074 EDN: INJCZP.
2. Semenov E.A., Vasyukov V.F., Volevodz A.G. Pravovoi status i pravovaya reglamentatsiya uchastiya spetsialista v ugolovnom protsesse: teoreticheskie, protsessual'nye i organizatsionnye aspekty: monografiya / pod red. A.G. Volevodza; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenii (un-t) MID Rossii, kafedra ugolovnogo prava, ugolovnogo protsessa i kriminalistiki. M.: MGIMO-Universitet, 2020. 227, [1] s. EDN: UUPUAR.
3. Momotov V.V. Elektronnoe pravosudie v Rossiiskoi Federatsii: mif ili real'nost' // Rossiiskaya yustitsiya. 2021. № 7. S. 2-9. DOI: 10.52433/01316761_2021_7_2 EDN: LENNNR.
4. Pastukhov P.S. Modernizatsiya ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya v usloviyakh informatsionnogo obshchestva: dis. d-r. yurid. nauk: 12.00.09. 2015, Moskva. 454 s. EDN: QIXPVH.
5. Kuvychkov S.I. Ispol'zovanie v dokazyvanii po ugolovnym delam informatsii, predstavlennoi v elektronnom vide: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.09. Nizhnii Novgorod, 2016. 292 s. EDN: XTZEOW.
6. Ovsyannikov D.V. Kopirovanie elektronnoi informatsii kak sredstvo ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya: diss. kand. yurid. nauk: 12.00.09. Chelyabinsk, 2015. 192 s. EDN: ZPXFIX.
7. Zuev S.V. Kopirovanie elektronnoi informatsii i elektronnoe kopirovanie: sootnoshenie i znachenie v ugolovnom protsesse // Pravo v epokhu iskusstvennogo intellekta: perspektivnye vyzovy i sovremennye zadachi: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, Tyumen', 17-19 oktyabrya 2024 goda. Tyumen': TyumGU-Press, 2024. EDN: YEOZQK.
8. Cherkasov V.S. Pravovoe regulirovanie primeneniya elektronnykh sredstv v dokazyvaniyu na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.09. Khabarovsk, 2022. 210 s. EDN: BBRXSQ.
9. Balashova A.A. Elektronnye nositeli informatsii i ikh ispol'zovanie v ugolovno-protsessual'nom dokazyvaniyu: diss. kand. yurid. nauk: 12.00.09. Moskva, 2020. 216 s. EDN: ZOUQTB.

10. Kolichenko A.A. Problemy proverki i otsenki elektronnykh dokazatel'stv v sovremenном ugolovnom protesse: dis. kand. yurid. nauk: 5.1.4. Nizhnii Novgorod, 2024. 224 s. EDN: IVFWDX.
11. Glimeida V.V. Primenenie tekhnicheskikh sredstv i tsifrovых tekhnologii pri proizvodstve sledstvennykh deistviy: dis. kand. yurid. nauk: 5.1.4. Krasnodar, 2024. 241 s. EDN: ENPPHY.
12. Elagina E.V. Institut spetsial'nykh znanii v ugolovnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie / Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2019. 115, [1] s. EDN: XEMGWV.
13. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty protivodeistviya rasprostraneniyu i ispol'zovaniyu dipfeikov v Rossiiskoi Federatsii // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2023. № 4 (28). S. 42-55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005 EDN: CHASRJ.
14. Laptev V.A., Solovyanenko N.I. Tsifrovoe pravosudie. Tsifrovoi dokument: Monografiya. Moskva: Prospekt, 2022. 248 s. DOI: 10.31085/9785392358410-2022-248 EDN: FPNJBS.
15. Cao L. A Practical Synthesis of Detecting AI-Generated Textual, Visual, and Audio Content [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://arxiv.org/abs/2504.02898v1> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
16. Kurs ugolovnogo protessa / Pod red. d.yu.n., prof. L.V. Golovko; Moskovskii gos. un-t im. M.V. Lomonosova, yuridicheskii fak., kaf. ugolovnogo protessa, pravosudiya i prokurorskogo nadzora. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Statut, 2021. 1328 s.

Budgetary Measures for Ensuring Economic Security in Modern Russian Realities

Temirbulatova Fatima Alievna

Postgraduate student; Department of International and Public Law; Financial University under the Government of the Russian Federation

38 Shcherbakovskaya Street, Sokolinaya Gora district, Moscow, 105187, Russia

 fatima_termirbulatova@mail.ru

Abstract. The article examines budgetary measures for ensuring Russia's economic security amid unprecedented sanctions pressure from unfriendly states. It investigates relations arising during development, legal establishment and application of budgetary mechanisms for protecting national economic interests. The author analyzes the dualistic nature of budgetary measures' influence on economic security, manifested through direct and indirect impacts. Attention is given to systematizing and classifying ordinary (general) and extraordinary (anti-crisis) budgetary measures. The article examines budgetary measures of strategic planning, stabilization, socio-economic, stimulating, and inter-budgetary mechanisms, as well as special institutional forms of budgetary regulation applied in crisis situations. The relevance of the topic is due to anti-Russian sanctions, the number of which has exceeded 28 thousand. The methodological foundation of the research consists of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison) and special scientific methods: formal legal analysis, systematic analysis of legislation, and analysis of law enforcement practice in the budgetary sphere. The scientific novelty of the research lies in the theoretical and methodological understanding and systematization of budgetary measures for ensuring economic security under conditions of unprecedented sanctions pressure. The paper formulates the author's definition of budgetary measures for ensuring economic security as a complex of

interconnected budgetary-legal and organizational mechanisms implemented within the budget system to protect national economic interests. An original classification of budgetary measures has been developed according to the mechanism of impact (direct and indirect), nature of application (ordinary and extraordinary), and content (strategic, stabilization, socio-economic, stimulating, and inter-budgetary – for ordinary measures; institutional mechanisms of anti-crisis regulation; special forms of targeted financing; special measures to support the population and business; special mechanisms of macroeconomic stabilization – for extraordinary measures). The specificity of anti-crisis budgetary measures under sanctions conditions has been identified.

Keywords: National Welfare Fund, budget system, strategic planning, budgetary measures, budgetary security, sanctions pressure, economic sovereignty, anti-crisis regulation, economic security, import substitution

References (transliterated)

1. Abalkin L.I. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otazhenie // Voprosy ekonomiki. 1994. № 12. S. 4-13. EDN: SJOVDJ.
2. Adamenko A.A., Khramchenko A.A., Tyutyunikova V.A., Gvozdenko S.P. Rol' byudzhetnoi sistemy v obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti // Vestnik Akademii znanii. 2024. № 2 (61). S. 475-479. EDN: ALLEMX.
3. Antonov D.G. Otsutstvie sistemnosti norm byudzhetnogo zakonodatel'stva, reguliruyushchikh predostavlenie subsdii i byudzhetnykh investitsii: nalogovye posledstviya // Finansovoe pravo. 2019. № 1. S. 33-38. EDN: YVKKOL.
4. Bobkova L.L. Transformatsiya form byudzhetnogo finansirovaniya kak sredstvo realizatsii gosudarstvom antikrizisnykh mer // Publichno-pravovoe obozrenie. 2023. № 1. S. 43-47. EDN: VOBHXJ.
5. Bogacheva O.V., Fokina T.V. Antikrizisnoe byudzhetnoe regulirovanie - opyt stran OESR // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2014. № 41(227). S. 21-28. EDN: SXMAAB.
6. Boldyrev O.Yu. Strategicheskoe upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem: konstitutsionno-pravovye aspekty // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2024. № 4. S. 21-29. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-4-21-29 EDN: UKRSAF.
7. Bondareva A.A. Byudzhetnye investitsii i subsidii khozyaistvennym obshchestvam // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2019. № 3(35). S. 55-57. EDN: JHOYJA.
8. Bugaeva T.N. Byudzhetno-finansovaya bezopasnost' kak osnova ustochivogo razvitiya regiona // Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii. 2019. № 2(47). S. 41-48. EDN: RHDILE.
9. Byudzhet Rossii: razvitie i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti / Pod red. V.K. Senchagova. M.: INFRA-M, 2025. 384 s.
10. Vertakova Yu.V., Feoktistova T.V. Realizatsiya antikrizisnykh mer dlya naseleniya i biznesa v usloviyakh pandemii koronavirusa COVID-19 // Ekonomika i upravlenie. 2020. T. 26. № 5. S. 444-454. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-5-444-454. EDN: SIVFRW.
11. Dolmatova N.G. Finansovo-pravovye sredstva obespecheniya byudzhetnoi bezopasnosti kak vida finansovoi bezopasnosti gosudarstva // Finansy i upravlenie. 2016. № 2. S. 103-110. DOI: 10.7256/2409-7802.2016.2.19122 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19122
12. Kabashkin V.A., Ryzhova V.N. Mekhanizmy obespecheniya byudzhetnykh obyazatel'stv pri realizatsii programmy tipovykh proektor gosudarstvenno-chastnogo partnerstva //

- Finansy i kredit. 2010. № 47 (431). S. 29-35. EDN: MXHIAT.
13. Karavaeva I.V. Teoriya ekonomiceskoi bezopasnosti suverennogo gosudarstva v rossiiskoi akademicheskoi nauke - k 300-letiyu RAN // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2024. T. 7. № 4. S. 745-770. DOI: 10.18334/ecsec.7.4.120960. EDN: XSGWUN.
 14. Karavaeva I.V., Bykovskaya Yu.V., Kazantsev S.V., Lev M.Yu., Kolpakova I.A. Otsenka prognozno-ekonomiceskikh pokazatelei Rossiiskoi Federatsii v period chastichnoi mobilizatsii // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2022. № 10. S. 2655-2676. DOI: 10.18334/epp.12.10.116423 EDN: SYVEWS.
 15. Karavaeva I.V., Kazantsev S.V., Lev M.Yu., Kolomiets A.G., Bykovskaya Yu.V., Shafranskaya A.M. Federal'nyi byudzhet Rossiiskoi Federatsii na 2023 god i na planovyi period 2024-2025 gg. v usloviyakh chastichno mobilizatsionnoi ekonomiki // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2023. № 1. S. 11-50. DOI: 10.18334/ecsec.6.1.117468. EDN: CNQVVM.
 16. Karavaeva I.V., Lev M.Yu. Ekonomika v usloviyakh sanktsii i chastichnoi ekonomiceskoi mobilizatsii cherez prizmu ekonomiceskoi bezopasnosti // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2024. № 8. S. 2121-2152. DOI: 10.18334/ecsec.7.8.121598. EDN: VFBGGK.
 17. Kafiyatullina Yu.N., Kharchilava G.P. Obespechenie ekonomiceskoi bezopasnosti strany v novykh geopoliticheskikh realiyakh // Vestnik universiteta. 2023. № 7. S. 155-161. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-155-161. EDN: VMQNBO.
 18. Kuznetsova N.R. Mezhbyudzhetnye transferty kak instrument regulirovaniya sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya regionov // Putevoditel' predprinimatelya. 2018. № 40. S. 181-189. EDN: YOGHLF.
 19. Kurepina N.L., Zerkal' E.E. Mekhanizmy obespecheniya ekonomiceskoi bezopasnosti v sisteme byudzhetno-nalogovykh otnoshenii // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2023. № 1. S. 263-276. DOI: 10.18334/ecsec.6.1.116712. EDN: CAZGOB.
 20. Lenchuk E.B. Sovremennye instrumenty investitsionnoi podderzhki proektov v oblasti importozameshcheniya // ETAP: ekonomiceskaya teoriya, analiz, praktika. 2015. № 3. S. 25-37. EDN: UAYFYL.
 21. Medvedeva M.B., Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G. Torgovo-ekonomiceskie sanktsii v otnoshenii Rossii i ikh sovmestimost' s pravom VTO: stsenarii obespecheniya ekonomiceskoi bezopasnosti gosudarstva // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2023. № 4. S. 1561-1590. DOI: 10.18334/ecsec.6.4.119262. EDN: TYNXLP.
 22. Melikyan L.A. Formirovanie byudzhetnoi strategii kak faktora obespecheniya finansovo-byudzhetnoi bezopasnosti munitsipal'nogo obrazovaniya // Nauchnoe obespechenie ustoichivogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa gornykh i predgornykh territorii. Vladikavkaz: Gorskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2023. S. 98-100. EDN: JZKPLE.
 23. Mikheeva M.V. Osobennosti byudzhetnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape // Sovremennaya nauka. 2021. № 5. S. 66-69. DOI: 10.53039/2079-4401.2021.7.5.014. EDN: FSQAH1.
 24. Nalogovye reformy. Teoriya i praktika / Pod red. I.A. Maiburova, Yu.B. Ivanova. M.: YuNITI-DANA, 2010. 463 s.
 25. Petrova G.V., Stupakov V.I. Finansovo-pravovye aspekty obespecheniya zashchity politicheskogo, ekonomiceskogo, finansovogo suvereniteta gosudarstva v popravkakh k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii, vstupivshikh v silu s 4 iyulya 2020 goda // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2020. № 6. S. 74-81. EDN: MVRBFS.
 26. Ponomarev A.I., Pavlenko E.V. Analiz ugroz ekonomiceskoi bezopasnosti v nalogovo-

- byudzhetnoi sfere v rossiiskoi federatsii // Alleya nauki. 2020. № 5(44). S. 87-91. EDN: SWISDZ.
27. Sokol M.K. Napravleniya realizatsii byudzhetnoi politiki v kontekste mer obespecheniya ekonomiceskoi bezopasnosti gosudarstva // Nauchnye trudy KubGTU. 2018. № 6. S. 929-943. EDN: XVLBGP.
 28. Tysyachi sanktsii i 4,9% rosta: kakie dannye privel Putin na s"ezde RSPP [Elektronnyi resurs] // Zvezda. 18.03.2025. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20253182112-vAO5J.html> (data obrashcheniya: 08.04.2025).
 29. Bagratuni K.Yu., Zunde V.V., Tereshchenko O.V. i dr. Upravlenie FNB v sisteme obespecheniya ekonomiceskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Ekonomicheskoe razvitiye Rossii. 2024. № 11. S. 147-151. EDN: TWKIBA.
 30. Tsvilii-Buklanova A.A. Nalogovyj kontrol' v sisteme obespecheniya nalogovoi bezopasnosti gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2011. 248 s. EDN: QFSJWT.
 31. Chekunov A.S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy formirovaniya effektivnoi sistemy stimulirovaniya natsional'nykh proizvoditelei v usloviyakh globalizatsii. Rostov-na-Donu: IP Bespamyatnov S.V., 2022. 494 s. EDN: PKHRGO.
 32. Chernysheva G.N., Savich Yu.A. Byudzhetnaya bezopasnost' v sisteme mer po obespecheniyu natsional'noi oborony RF // Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya. 2023. № 11(167). S. 130-141. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/11/130-141. EDN: GQZQNY.
 33. Fiscal Implications of the Global Economic and Financial Crisis. IMF Staff Position Note, June 9, 2009, SPN/09/13.

Analysis of legal regulation and law enforcement in the field of natural resource licensing

Gumarova Rezeda

PhD in Biology

Associate professor, Neftekamsk branch, Ufa University of Science and Technology

452680, Russia, Republic of Bashkortostan, Neftekamsk, Traktovaya str., 1

 regum.eco@gmail.com

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the legal regulation of the provision of natural resources for use in the Russian Federation and related issues concerning the registration of information in state registers, as well as some other related areas. The purpose of the study is to examine changes in natural resource legislation, which have manifested in the transition from a licensing approach to civil law principles in resource use and their reflection in related legislation and law enforcement. The tasks of the research are: to analyze changes in the legal regulation of licensing the use of subsoil resources, water bodies, wildlife, and forest resources; to identify problems arising in law enforcement practice in connection with changes in natural resource legislation and related legislation, particularly in tax legislation and in the management of the Unified State Register of Legal Entities (EGRUL) and the Unified State Register of Individual Entrepreneurs (EGRIP). The methodological framework of the research consists of general scientific methods of analysis and synthesis, a formal-legal method, and a comparative-legal method. Publicly available data from the Unified State Register of Legal Entities and a comparative analysis of this data with information from the State Register of Subsoil Areas provided for use and licenses for subsoil

use were analyzed for the study. As a result of the research, changes in the legal regulation of the use of various types of natural resources over recent decades were identified, specifically the replacement of licenses with contracts and permits regarding water bodies, wildlife, and forest resources. These changes also influenced the adoption of corresponding amendments to the legislation on licensing certain types of activities and several other laws. The mentioned changes affected problems in law enforcement related to discrepancies in the Tax Code of the Russian Federation concerning water tax and errors in the input of license information by government bodies in the unified state register of legal entities and individual entrepreneurs; it was established that the data in EGRUL and EGRIP do not correspond to valid licenses and current regulatory practices. A conclusion was drawn regarding the existence of conflicts and inconsistencies in law enforcement in the field of natural resource licensing that require resolution.

Keywords: water tax, water use agreement, license for water use, use of natural resources, subsoil use, licensed types of activity, license for subsoil use, licensing of nature resources use, natural resource legislation, SLVD

References (transliterated)

1. Gumarova R. R. Prirodnye lechebnye resursy kak ob'ekt prava gosudarstvennoi sobstvennosti / R. R. Gumarova // Biznes. Obrazovanie. Pravo. – 2018. – № 3(44). – S. 287-291. – DOI 10.25683/VOLBI.2018.44.329. – EDN XVFIRN.
2. Chebykina Yu. V. K voprosu o nedrakh kak ob'ektu prava sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii / Yu. V. Chebykina, L. Ya. Savvina // Aktual'nye voprosy publichnogo prava: Materialy XIX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii Studentov i molodykh uchenykh, Ekaterinburg, 12-13 noyabrya 2020 goda. – Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet", 2020. – S. 208-214. – EDN SGMWMO.
3. Brinchuk M. M. Osobennosti metoda pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh i prirodoresursnykh otnoshenii // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – T. 43. – № 3. – S. 88-97.
4. Gumarova R. R. Sootnoshenie razreshitel'nykh i dogovornykh osnovanii pri pol'zovanii prirodnymi resursami // Aktual'nye problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossiiskoi Federatsii: Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Ufa, 2020. – S. 44-50. – EDN VHTQJJ.
5. Gumarova R. R. Grazhdansko-pravovye i administrativno-pravovye osnovaniya ispol'zovaniya prirodnnykh ob'ektorov / R. R. Gumarova // Biznes. Obrazovanie. Pravo. – 2021. – № 1(54). – S. 265-269. – DOI 10.25683/VOLBI.2021.54.140. – EDN BXBBFM.
6. Babaitseva E. A., Golovchenko V. E. Grazhdansko-pravovoi rezhim prirodnnykh resursov: voprosy teorii // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal. – 2012. – № 3. – S. 77-81. – EDN OZKWNZ.
7. Puchkov V. A. Administrativno-pravovye rezhimy upravleniya prirodnym i tekhnogennym riskami / V. A. Puchkov, Yu. S. Avdot'ina, V. P. Avdot'in; Ministerstvo RF po delam grazhdanskoi oborony, chrezvychainym situatsiyam i likvidatsii posledstvii stikhiinykh bedstvii. – Moskva: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut po problemam grazhdanskoi oborony i chrezvychainykh situatsii MChS Rossii, 2011. – 328 s. – ISBN 978-5-93970-063-4. – EDN OJXAUX.
8. Myshko F. G. Administrativno-pravovaya okhrana okruzhayushchei sredy v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2021. – № 1. – S. 218-220. –

DOI 10.24412/2414-3995-2021-1-218-220. – EDN AGSXAX.

9. Kondrat'eva I. V. Litsenzirovaniye prirodopol'zovaniya kak sposob reglamentatsii khozyaistvennoi deyatel'nosti / I. V. Kondrat'eva // Aktual'nye problemy ekologii i prirodopol'zovaniya: Sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kurgan, 28 aprelya 2022 goda. – Kurgan: Kurganskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaistvennaya akademiya im. T. S. Mal'tseva, 2022. – S. 15-19. – EDN BVCAFK.
10. Budnikova Yu. E. Osobennosti litsenzirovaniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti, osnovannoi na ispol'zovanii prirodnikh resursov / Yu. E. Budnikova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2016. – № 11(143). – S. 64-69. – EDN XEGPLZ.
11. Yarovoi A. P. Sistema dogоворов аренды природных ресурсов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-3. – S. 209-215. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-10-3-209-212. – EDN VBGRBI.
12. Zenin A. V., Khudokon' A. A. Vodnyi nalog i plata za pol'zovanie vodnymi ob'ektami kak instrumenty printsipa platnosti prirodopol'zovaniya // Biznes, menedzhment i pravo: Digital reality: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 29 oktyabrya 2021 goda. – Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet", 2021. – S. 727-732. – EDN QVUFJY.
13. Uzakova G. Nauchno-pravovaya sushchnost' poryadka litsenzirovaniya (razresheniya) v prirodopol'zovanii // Society and Innovations. – 2022. – № 3(6). – S. 79-88. – DOI 10.47689/2181-1415-vol3-iss6-pp79-88. – EDN ESNORW.
14. Apt L. F., Tokareva Yu. V. Printsipy formirovaniya i deistviya gosudarstvennykh reestrov kak osobykh regulyatorov yuridicheskoi deyatel'nosti // Juridicheskaya tekhnika. – 2020. – № 14. – S. 81-91. – EDN GTJDIL.
15. Perelekhova T. S., Dolzhenkova E. Osobennosti pravovogo regulirovaniya litsenzionno-dogovornых otnoshenii v sfere prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchei sredy // Aktual'nye problemy nauki i praktiki. – 2022. – № 4. – S. 28-36. – EDN SSKEBQ.

Statistics of the case law under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation

Duhanina Zhanna Georgievna

Postgraduate student; Department of Criminal Law; Lebedev Russian State University of Justice
Assistant Judge; First Court of Appeal of General Jurisdiction

69 Novocheremushkinskaya str., Cheryomushki district, Moscow, 117418, Russia

 dulsineya_op@bk.ru

Abstract. The object of the conducted research is social relations related to the practice of holding accountable the organizers, leaders, and participants of criminal communities (criminal organizations) in criminal proceedings. The subject of the research is the decisions of appellate courts regarding criminal cases involving the prosecution of these individuals under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article is dedicated to the problem of implementing the norms of criminal legislation aimed at combating the spread of organized crime, which is primarily concentrated in the examined criminal formations and poses an increased public danger, serving as the foundation of the criminal world. The author pays special attention to issues of differentiation among the criminal organizations and the criminal activities of individuals who govern them, leaders (including structural subdivisions),

and participants. The research employed statistical and analytical methods: decisions of appellate courts on criminal cases under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation from January 1, 2019, to May 31, 2024, were studied, statistical data was collected and analyzed, and categories of crimes committed in conjunction with Article 210 were examined. The study of appellate court decisions revealed general trends and identified key problems in law enforcement. The objective of the research—through the analysis of statistical data to identify problematic issues arising in the application of Article 210 and propose ways to resolve them—has been achieved. The novelty lies in the statistical study of all published decisions of general jurisdiction courts available in the public domain, as well as some military courts, the identification of law enforcement issues, and the formulation of conclusions and suggestions for improving legislation aimed at combating organized crime operating within the framework of organized criminal formations. In particular, the crimes in conjunction with which the application of Article 210 is most ambiguous have been defined. The outcome of the research is the development of practical proposals and recommendations aimed at eliminating many questions and uncertainties in holding individuals accountable under Article 210. One of the key proposals is to differentiate between criminal communities and criminal organizations into various categories based on the specifics of criminal activity.

Keywords: related crimes, unified management, material benefits, structure, legal entity, criminal liability, criminal organizations, criminal communities, statistics, judicial practice

References (transliterated)

1. Adzhiev N. B. Spetsifika prestupnogo soobshchestva v sovremennoi praktike pravoprimeneniya // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Slovo v nauke". 2021. № 2. S. 43-48.
2. Ryazanov N. S. Problemy kvalifikatsii prestuplenii po st. 210 UK RF // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2014. № 1 (38).
3. Agapov P. V., Sal'nikov N. V., Kondratyuk S. V. Aktual'nye voprosy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti za zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2021. № 3 (30). S. 49-55. EDN: YPBQHI
4. Yakusheva T. V. "Predprinimatel'skoe" prestupnoe soobshchestvo: kommentarii punkta 1 primechanii k stat'e 210 UK RF i analiz sudebno-sledstvennoi praktiki // Ugolovnoe pravo. 2022. № 11. S. 67-77. DOI: 10.52390/20715870_2022_11_67 EDN: YSALDZ
5. Gerasimova E. V., Chenchikovskii A. D. Organizovannaya prestupnost'. Vysshee polozhenie v prestupnoi ierarkhii: ugolovnyi zakon, ego tolkovanie i primenenie // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. 2020. T. 1. № 2 (95). S. 177-188. EDN: LKJWYG
6. Gura S. S. Voprosy razgranicheniya prestupnykh soobshchestv i prestupnykh organizatsii, otrazhennykh v Osobennoi chasti UK RF // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. 2024. T. 30. № 2 (93). S. 93-99. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-293-93-99 EDN: BBWCLS
7. Bersenev A. A., Miroshnichenko A. V. Osobennosti organizovannoи gruppy i prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. № 5-2. S. 226-231. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-2-226-231 EDN: HYOMCX
8. Gzhelina Zh. I. Otgranichenie sostava organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastiya v nem (nei) ot smezhnykh sostavov prestuplenii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2024. № 4. S. 211-215. DOI: 10.24412/2312-

0444-2024-4-211-215 EDN: QRIGAL

9. Demchuk S. D. Ugolovno-pravovye priznaki prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) i ikh sootnoshenie s priznakami inykh form souchastiya // Lex Russica. 2022. № 2 (183). S. 34-45. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045 EDN: RTSCEQ
10. Kalmykova A. B. Otgranichenie organizovannoj gruppy ot prestupnogo soobshchestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 3. S. 122-126. EDN: MSWJVH
11. Gurov A. I. Organizovannaya prestupnost' v Rossii. – M.: BEK., 2001. – 154 s.
12. Latov Yu. V., Kovalev S. N. Tenevaya ekonomika: Uchebnoe posobie dlya vuzov / Pod red. d.p.n., d.yu.n., prof. V. Ya. Kikotya; d.e.n., prof. G. M. Kaziakhmedova. – M.: Norma, 2006. – 336 s. EDN: QQUIUT
13. Aleksandrova A. S., Vasil'ev R. V. Problema razgranicheniya ponyatii "prestupnoe soobshchestvo" i "prestupnaya organizatsiya" v rossiiskom ugolovnom zakonodatel'stve (stat'ya 210 UK RF) // Voprosy razvitiya sovremennoi nauki i tekhniki. 2021. № 2. S. 127-131.
14. Blagov E. V. Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya): problemy ponimaniya // Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (79). S. 68-72. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-11011 EDN: PEJSDT